

Г. В. Судаков

**РУССКОЕ СЛОВО
В ДИНАМИЧЕСКОМ
И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ
АСПЕКТАХ**

СУДАКОВ Г. В. РУССКОЕ СЛОВО В ДИНАМИЧЕСКОМ И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. В. Судаков

**РУССКОЕ СЛОВО
В ДИНАМИЧЕСКОМ
И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ**

Монография

**ВОЛОГДА
2020**

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-03
С89

Утверждено экспертым советом по научной литературе ВоГУ

Рецензенты:

доктор филологических наук
профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания
Московского государственного областного университета

О. В. Никитин,

доктор филологических наук
заместитель директора Института лингвистических исследований РАН
М. Н. Приемышева

Судаков, Г. В.

С89 Русское слово в динамическом и функциональном аспектах : монография / Г. В. Судаков ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет. – Вологда : ВоГУ, 2020. – 167 с. : табл.

ISBN 978-5-87851-884-0

Книга посвящена проблемам исторической лексикологии русского языка XIV–XIX вв., а также вопросам современного состояния его лексикона, функционирования в разных типах текстов. В ней оценивается современное положение лингвистического источниковедения, рассматриваются этапы истории словарного состава, описываются источники, пути и процессы пополнения лексико-фразеологической системы; исследуется генезис и динамика отдельных лексико-семантических групп, процессы обновления и устаревания конкретных слов и целых их объединений; характеризуется эволюция сфер употребления и стилистических качеств разных групп лексики в связи с развитием типов (столов) литературного языка.

Монография предназначена для лингвистов, историков, преподавателей и студентов гуманитарных вузов.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-03

ISBN 978-5-87851-884-0

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2020
© Судаков Г. В., 2020

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Источники для изучения истории русского слова	6
1.1. Проблемы публикации памятников письменности XVII–XIX вв.	6
1.2. Мемуары как источник изучения русской речи XVIII – начала XIX в.	15
1.3. Учебные руководства как источник по истории делового языка XVIII–XIX вв.	25
1.4. А.А. Шахматов об историческом словаре русского языка.....	35
1.5. Живая народная речь как лингвистический источник и ее исследователи.....	44
Глава 2. Русское слово в семасиологическом и динамическом аспектах	49
2.1. У истоков русской лексикологии	49
2.2. Тенденции развития русской лексики	62
2.3. Типология лексических групп как перспектива сравнительно-сопоставительных исследований лексики в славянских языках	67
2.4. Эволюция формул устного речевого этикета в XIV–XVII вв.	72
2.5. Царский указ 1700 года о «бесчестных словах».....	82
2.6. К проблеме лексико-семантических и грамматических связей.....	90
2.6.1. Качественные прилагательные в русском языке XVIII века	90
2.6.2. Эволюция форм управления: <i>на Москве – в Москве</i>	94
Глава 3. Функционирование лексики в современной речи	97
3.1. Номинации любимого человека в малых формах фольклора (первая половина ХХ в.).....	97
3.2. Лексика как лингвопоэтическое средство в художественной прозе В.И. Белова.....	105
3.3. Функционирование ойконимов в устной и письменной речи.....	123
3.4. Проблемы юридической лексики в современной речи и филологическое образование для юристов	133
3.5. Современная русская речь – нива добра или поле брани?	138
Заключение.....	146
Список источников и принятых сокращений.....	149
Список литературы.....	154
Приложение. Список научных публикаций Г.В. Судакова (2014–2019 гг.)	164

ВВЕДЕНИЕ

Эволюция словаря активно функционирующего языка требует постоянных наблюдений и своевременной лексикографической фиксации новых явлений в словоупотреблении. Выбор источников для исследования, выявление новых семасиологических процессов, уточнение методик сбора и описания речевого материала, изучение актуальных для разных речевых ситуаций языковых средств, их функционирование в текстах разных типов и жанров – все это стало объектом и предметом разработки в данной книге.

В первой главе «Источники для изучения истории русского слова» рассмотрены проблемы публикации некоторых видов памятников письменности национального русского языка: мемуаров и специальных руководств. В мемуарной литературе нас привлекают факты рефлексии современников – «наивных лингвистов» – на новые речевые явления эпохи. Учебные руководства разных сфер деятельности изучены недостаточно, хотя по уровню популярности и по воздействию на формирование речевых навыков граждан они пре-восходили учебники русского языка. Лексикографическая обработка фактов языка зависела от развития словарных концепций: этот процесс рассмотрен на примере деятельности академика А.А. Шахматова. Живая народная речь – самый значимый источник для изучения языка, поэтому в монографии описан опыт ученых Вологодчины, их исследовательская и словарная практика.

Вторая глава «Русское слово в семасиологическом и динамическом аспектах» посвящена рассмотрению тенденций развития русской лексики. Внимание к научному опыту предшественников побудило нас пересмотреть этапы становления отечественной лексикологии и включить в историю лексикологии М.В. Ломоносова, А.С. Шишкова и Ф.И. Буслаева. Представляется необходимым также привлечь внимание коллег к типологическим исследованиям лексики. Несмотря на трудоемкость, они позволяют оценивать и сравнивать эволюцию лексики не только в разных языках, но и в одном языке на разных временных срезах. В историческом аспекте в главе описана эволюция лексико-фразеологических формул этикета устного общения в период Московской Руси, что стало возможным благодаря обращению к двуязычным разговорникам той эпохи. Семантическая эволюция лексики происходит не только под

влиянием внутрисистемных и социокультурных факторов. Наблюдаются и случаи влияния лексики на явления морфологического и синтаксического уровней; такие факты описаны в заключительном параграфе третьей главы.

Функционирование лексики в современной речи – содержание третьей главы. Для наблюдений выбраны следующие типы текстов: фольклор малых форм (частушки), художественная проза (попутно здесь рассмотрена проблема «регионального текста»), названия населенных пунктов (их устное и письменное бытование), специальная лексика, лексические пласти современной обыденной речи. В связи с проблемами современного словоупотребления пришлось коснуться состояния филологического образования в школе и вузе.

В конце книги приведен список публикаций автора за последние годы. Обращение к этим работам позволит читателю глубже познакомиться с лингвистическими взглядами автора.

Глава 1

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО СЛОВА

1.1. Проблемы публикации памятников письменности XVII–XIX вв.

Издание и исследование региональных памятников письменности XVII–XIX вв. занимает особое место в современной лингвистике. Привлечение большего количества письменных источников надежно обеспечивает создание объективной картины функционирования и постепенного нормирования русского литературного языка в обозначенных временных границах и делового языка как одного из его функциональных стилей. Такие тексты отражают различные сферы человеческой деятельности: от общегосударственных до частно-бытовых, а также могут быть рассмотрены в качестве «одного из неотъемлемых компонентов языковой культуры и важнейшего элемента утилитарной традиции»¹.

Перспективен, на наш взгляд, проект публикации исторических текстов XVIII–XIX вв. вологодской письменности различной жанровой и тематической направленности, оценка их жанрово-стилистических и коммуникативно-прагматических особенностей в русле исторической стилистики и исторической жанрологии.

Актуальность задачи обусловлена, во-первых, отсутствием обобщающего научного описания письменных источников Русского Севера, во-вторых, недостаточной разработанностью в современном языкоznании проблемы лингвистического источниковедения памятников XVIII–XIX вв.

Вологодская деловая письменность XVI–XVII вв., отражающая процессы начального этапа формирования национального языка, в силу большей древности и поэтому большей значимости для исторического языкоznания, ранее подвергалась обстоятельному анализу с точки зрения лингвистического источниковедения, исторической лексикологии, стилистики, ономастики. Исследователями были опубликованы как собрания различных памятников письменности этой эпохи², так и отдельные тексты.

В новом столетии совместными усилиями ученых Санкт-Петербургского и Вологодского университетов (А.С. Герд – организация работы; Г.В. Судаков – материальное сопровождение) издано десять книг серии «Памятники рус-

¹ Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Лингвистические очерки. М., 2004. С. 5.

² Судаков Г.В. Хрестоматия по истории вологодских говоров. Вологда, 1975. 96 с.; Деловая письменность Вологодского края XVII–XVIII вв. / [сост. А.П. Ларionова, Г.В. Судаков, Ю.И. Чайкина; отв. ред. Ю.И. Чайкина]. Вологда, 1979. 108 с.; Рец. Филиппова И.С. Деловая письменность Вологодского края. XVII–XVIII вв. // Вопросы языкоznания. 1982. № 3. С. 117.

ской агиографической литературы» (2000–2012 гг.)³. Тексты были изданы по одному списку, они сопровождались лингвистическим, текстологическим и историческим анализами. Некоторые памятники опубликованы впервые. Всего изданы жития 23 древнерусских святых, преимущественно вологодско-белозерского региона: Кирилла Белозерского (2000), Антония Сийского (2001), Александра Свирского (2002), Кирилла Новоезерского (2003), Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского (2003), Корнилия Комельского (2004), Павла Обнорского и Сергея Нуромского (2005), Иоасафа Каменского, Александра Куштского и Евфимия Сянжемского (2007), Игнатия Вологодского, Игнатья Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского (2008), Иннокентия Комельского, Арсения Комельского и Стефана Комельского (2010), Феодосия Тотемского, Вассиана Тиксненского и Андрея Тотемского (2012).

Региональные рукописные источники XVIII – начала XIX века пока менее изучены. Трудности их исследования обусловлены малым количеством опубликованных собраний текстов, дающих представление о языке и стиле памятников деловой и нарративной письменности. В последние два десятилетия ситуация исправляется благодаря публикациям актовых текстов коллектиками, руководимыми вологодскими историками Ф.Я. Коноваловым, И.В. Пугачом и М.С. Черкасовой⁴.

Публикация регионального материала представляет собой важный аспект воссоздания истории делового русского языка и истории русской культуры.

Поиск и отбор архивных документов должен осуществляться в системно-структурном аспекте, предполагающем наличие типологических и дифференциальных признаков, жанрово-стилистических и коммуникативно-прагматических особенностей. Обозначенные аспекты исследования обуславливают критерии отбора текстового материала.

Характер будущего проекта диктует также осознание важности изучения картины мира автора, которая отражается в том или ином документе. Свод текстов, ориентированный на выявление региональной специфики фрагментов

³ См. обзорную рецензию: Романова А.А. Жития тотемских святых и серия «Памятники русской агиографической литературы» // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 327–331. Общий обзор программы изучения языка русской агиографии см. в работе: Аверина С.А. К проблеме изучения языка русской агиографии XV–XVII веков // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 7. СПб., 2008. С. 125–135.

⁴ Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века: в 3 т. М., 2008. Т. 1. 412 с.; т. 2, 412 с.; т. 3. Вологда, 2018. 392 с.; Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты. Вологда, 2011. 400 с.; Таможенные книги Великого Устюга середины XVIII века. Вологда, 2012. 432 с.; Указные грамоты городовым воеводам. 1613–1626 гг. М., 2012. 608 с.; Переписные книги Великого Устюга: исследование и тексты. Вологда, 2015. 352 с.; Эпистолярное наследие устюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века: тексты и исследования. Вологда. 2018. 412 с. I–XVIII.

картины мира, должен основываться на жанровом и на содержательно-тематическом принципах. В связи с этим интерес вызывают:

а) тексты, отражающие разные стороны социальной, экономической и культурной жизни Вологодского края, в их числе торговля, промыслы, ремесла, образование; статусы и социальные роли человека в обществе, семейные и межличностные отношения, типичные поведенческие сценарии;

б) тексты, включающие локальную лексику, связанную с описанием разных сторон социальной, культурной, экономической жизни региона;

в) тексты, в которых слово связано с обозначением социально и культурно значимых или характерных ситуаций, поскольку соотнесенность слова с ситуацией отражает его внешний культурно-фоновый и прагматический ореол в языке, типичные смысловые приращения в контексте;

г) тексты, связанные с отражением стереотипных и индивидуальных суждений и оценок;

д) тексты, демонстрирующие вариативность в обозначении сходных ситуаций, связанную с их коммуникативно-жанровой природой.

Путем комплексного анализа можно описать документы, значимые в системе центрального и регионального документооборота и, с другой стороны, представляющие историко-лингвистическую значимость в системе русского языка в XVIII–XIX вв.

Конкретно задачи мыслятся так: отобрать для публикации рукописные документы из фондов Государственного архива Вологодской области и центральных архивов, в результате системно-структурного описания и публикации ввести архивные документы в научный оборот; установить их место в системе деловой коммуникации XVIII–XIX вв., произвести формульный анализ документов; прокомментировать языковые и коммуникативно-прагматические особенности текстов.

Материалом для работы являются документы из Государственного архива Вологодской области и региональные материалы в фондах центральных архивов (документы Вологодской и Устюжской провинциальных канцелярий – РГАДА, ф. 403, оп. 2, ф. 424, оп. 2; документы Белозерской провинциальной канцелярии – РГАДА, ф. 423, оп. 3; съездов избы «юстицких дел» Устьянских волостей – РГАДА, ф. 651, оп. 1; Устюженской воеводской канцелярии – РГАДА, ф. 596, оп. 1). Тексты для публикации – это преимущественно деловые, нарративные и художественные памятники XVIII–XIX вв.

В настоящее время можно выделить несколько регионов, в которых активно изучаются деловые памятники письменности в рамках обозначенной парадигмы исследования: в Центральной России успешно работают в этом направлении О.В. Никитин, Л.Ф. Копосов, М.Л. Ремнева (Москва); Е.П. Андреева, Г.В. Судаков (Вологда); на Урале – Л.А. Белова, Е.Н. Полякова (Пермь); Л.А. Глинкина, Е.И. Голованова, Н.В. Глухих, А.А. Миронова,

Н.А. Новоселова, Е.А. Сивкова (Челябинск); С.Г. Шулежкова (Магнитогорск); Р.П. Сысуева, И.А. Шушарина (Курган), Л.И. Шелепова (Барнаул); в *Западной Сибири* – О.И. Голованова, В.И. Мордвинцева, Е.Ю. Сидоренко, О.В. Трофимова, Н.К. Фролов (Тюмень); М.С. Выхрыстюк (Тобольск); К.Р. Ваганова, О.Ю. Васильева, Т.П. Рогожникова, А.В. Уланов, А.А. Юнаковская (Омск); Л.Г. Панин (Новосибирск); О.В. Фельде (Красноярск); в *Восточной Сибири* – Л.М. Любимова, А.П. Майоров, О.В. Овчинникова, С.В. Русанова, Т.Н. Тюлькина, Г.А. Христосенко (Улан-Удэ, Чита); Л.М. Городилова, Ю.Г. Захарова (Хабаровск).

Методика работы может быть определена следующим образом:

а) источниковедческий и функционально-стилистический подходы, позволяющие определить зависимость между жанром источника, его формой, местом и временем создания, а также обусловленность языкового материала памятника всеми экстралингвистическими факторами его создания;

б) сравнительно-сопоставительный метод изучения материала, с помощью которого выявляются общее и индивидуальное в репрезентации материала в конкретном типе документов;

в) метод клаузуального и (шире) формульного рассмотрения для исследования структуры анализируемых текстов определенной жанровой принадлежности;

г) жанроведческий метод; коммуникативно-прагматический метод, который помогает рассмотреть коммуникативные ситуации и связанные с ними прагматические модели структурирования данного типа информационного материала в соответствующие документы;

д) приемы количественного учета единиц текста, определяющих жанровые формы рассматриваемых деловых документов.

Представленный комплекс методов и принципов лингвистического источниковедения обеспечивает системно-структурный анализ текстов XVIII–XIX вв.

В научный оборот путем историко-лингвистической обработки и публикации будут введены тексты XVIII–XIX вв. из Государственного архива Вологодской области, которые могут быть использованы лингвистами и историками; будет представлена система жанров делового документа XVIII–XIX вв., семантизированы формуляры каждого типа; будет выявлена система многоуровневой коммуникации в рамках конкретных типов делового документа XVIII–XIX вв.

Документы XVIII–XIX вв. представляют собой важный пласт литературного и общенародного языка в целом со специфической системой жанрово-стилистических и коммуникативно-прагматических особенностей, отражающих факты исторического развития народа, лингвокультурологическую специфику фрагментов языковой картины мира, а также функционирование социальных институтов в рассматриваемые периоды. Значимость данного про-

екта определяется: 1) обращением к ранее не изученным образцам документов XVIII–XIX вв. с позиций исторического и лингвистического источниковедения, исторической стилистики и жанроведения в диахроническом аспекте, а также с позиции коммуникативно-прагматического описания деловых текстов; 2) презентацией на обширном материале прошлого общей системы развития жанрово-стилистической и коммуникативно-прагматической системы документов XVIII–XIX вв. в региональных канцеляриях, что позволит исследователям выявлять тенденции развития деловой письменности в рассматриваемые периоды.

Практическая значимость намечаемой работы заключается в том, что публикация архивных источников и результаты научных исследований внесут вклад в изучение истории русского делового языка. Использование теоретических положений и практических результатов возможно также в дальнейшем изучении истории русского языка, а также при создании корпуса региональных текстов XVIII–XIX вв. и различных словарей.

Обозначим теоретические положения проекта:

1. Документооборот XVIII–XIX вв. представляет собой систему, обладающую специфическим потенциалом функционирования и самостоятельного развития, системно-структурный анализ которой еще не осуществлен в российском языкоизнании.

2. Публикация и последующий диахронический анализ делового документа реконструируют процессы становления и развития социальных институтов XVIII–XIX вв., деятельность которых нормировалась центральными органами власти и регламентирована оформление официальных бумаг.

3. В каждую историческую эпоху оформление жанра делового документа определялось функциональной направленностью того или иного способа презентации информации в тексте. Жанры делового письма в целом соответствуют сложившейся к данному времени общерусской системе делопроизводства.

4. Коммуникативно-прагматическая направленность делового документа XVIII–XIX вв. зависела от презентируемого типа. Основные речевые установки получали определенное лингвистическое наполнение в зависимости от функциональной направленности конкретных типов документа.

5. Деловые и нарративные тексты отражают общерусскую норму литературного языка, носят наддиалектный характер и являются ценным источником по истории делового языка в рассматриваемые периоды. Вместе с тем, испытывая влияние живой разговорной речи и будучи связанными с местными социокультурными реалиями и фактами общественной жизни, тексты обладают региональной спецификой, что делает их важным источником изучения традиционной ментальности, отраженной в тексте как произведении речи.

Для описания региональной специфики деловой письменности особый интерес представляют документы, составленные в местных канцеляриях (в их числе *указы, рапорты, доношения, доклады, сказки, расходные книги, имущественные акты, явочные членовитные, судопроизводственная документация*,

допросы и приговоры по судебным делам и др.), а также акты северорусских монастырей (описные, хозяйственные и приходо-расходные книги, сборные книги, договоры крестьян с монастырем о выполнении работ, духовные письма, деловая переписка и др.).

Документы показывают работу административно-бюрократического аппарата в российском государстве. В XVII в. основной единицей территориального деления выступали *уезды*, которые образовывали более крупные пространственные единицы – *разряды*. В результате проведения государственных реформ в первой половине XVIII в. были упразднены старые центральные органы управления – *приказы*. Основные территориальные единицы в этот период – *губернии, провинции*. К началу XIX в. структура административно-бюрократического аппарата представляла четырехлинейную систему: *наместническое, губернское, областное и крестьянское самоуправление*. На местном уровне действовала система губернских, уездных, волостных учреждений, присутственных мест.

Основным делопроизводственным органом в XVIII в. выступали *коллегии*, документооборот которых был инициирован работой *секретаря, нотариуса, регистратора, актариуса, канцеляристов и писцов*. В этот период развивается система регистрации деловых бумаг, получившая широкое распространение в XIX в. В каждую из рассматриваемых эпох социальная и политическая жизнь оказалась эксплицирована в том или ином объеме в конкретных деловых документах.

К наиболее распространенным документным жанрам XVIII века относят: *указы, предложения, наставления, приказы, прошения, доношения, объявления, рапорты, сообщения, известия, объяснения, явки, промемории, ревизские сказки, ведомости, расписи, реестры, расписки, квитанции, присяги, клятвенные обещания, протоколы, приговоры, допросы, билеты, векселя, договоры*.

В составе документов общего делопроизводства XVIII века можно выделить следующие группы:

1) *внутренние документы*, предназначенные для служебного пользования (реестры, регистры, приходно-расходная документация и др.);

2) *внешние документы* (исходящие и входящие): распорядительная документация (инструкции, предписания, приказы, указы); отчетно-исполнительная документация (рапорты, донесения); уведомительно-просительная документация (рапорты, сообщения, донесения, уведомления, объявления).

При воспроизведении документов учитывается традиция изучения деловой письменности с позиций исторического и лингвистического источниковедения. Системное изучение памятников делового документооборота началось в XIX столетии преимущественно в парадигме *сравнительно-исторического языкоznания* (А.Х. Востоков, И.И. Срезневский, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов и другие). В конце XIX – начале XX вв. источником анализа становятся бытовые, деловые рукописи (М.Н. Сперанский, Н.Н. Дурново, А.М. Селищев,

С.П. Обнорский). Определенной вехой в области изучения деловой письменности стали «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» В.В. Виноградова. 20–30-е гг. XX в. – новый период в истории актуализации деловой письменности в научном пространстве (работы В.И. Борковского, Е.С. Истриной, П.С. Кузнецова, Ф.П. Филина).

Следующим этапом становится *лексико-семантическое направление*, которое формируется в 1970–1980-е годы. Вопросы классификации актового материала разрабатывались в трудах С.И. Коткова⁵, А.Н. Качалкина⁶, Л.Ф. Копосова⁷, Т.П. Рогожниковой⁸, И.А. Шушариной⁹, О.В. Трофимовой¹⁰, А.Г. Косова¹¹, А.П. Майорова¹², М.С. Выхристюк¹³, Н.В. Глухих¹⁴ и др.

Сложившиеся научные традиции функционально-стилистического и жанрово-стилистического анализов деловых актов предполагают сопоставление функционально однородных текстов, что необходимо для разграничения индивидуального и общего, традиционного в содержании и оформлении документа. В.Я. Дерягин выделил основные этапы такого описания: «1) рассмотрение жанровых особенностей документов, их шаблонов с типичными и индивидуальными отклонениями; 2) изучение общих и частных традиций в деловой письменности, например, с целью учесть отражение в памятниках общерусской и местной лексики и фразеологии; 3) рассмотрение особенностей языка создателей текстов – писцов и заказчиков деловых документов; 4) анализ конкретных условий, в которых создавался тот или иной документ –

⁵ Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974. 360 с.

⁶ Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. I. Источники изучения и вопросы авторства документа. М., 1988. 119 с.; Ч. II. Филологический метод анализа документов. М., 1988. 120 с.

⁷ Копосов Л. Ф. Северорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М., 2000. 287 с.

⁸ Осипов Б.И., Гейгер Р.М., Рогожникова Т.П. Язык русских деловых памятников XV–XVIII вв.: Фонетический, орфографический и стилистический аспекты. Омск, 1993. 96 с.

⁹ Шушарина И.А. Деловая письменность Южного Зауралья XVIII в. в аспекте лингвистического источниковедения (варианты и норма в субстантивном склонении): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1999. 258 с.

¹⁰ Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в.: На материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг. : дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2002. 519 с.

¹¹ Косов А.Г. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII века: на материале рукописных и печатных текстов объединенного государственного архива Челябинской области: дис. канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 273 с.

¹² Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006. 280 с.

¹³ Выхристюк М.С. Деловая письменность XVII–XVIII вв. г. Тобольска. Lambert Academic Publishing. 2012. 404 с.

¹⁴ Глухих Н.В. Деловой эпистолярный конца XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста: монография. Челябинск, 2008. 150 с.

с целью выявить ситуативные включения, использовать приемы определения значений слов по их предметно-понятийной отнесенности¹⁵. Решение этих задач возможно только при сравнении типологически близких текстов, характеризуемых тематической и жанровой общностью.

Многие типы документов XVIII в. характеризуются межжанровым взаимодействием, нередко содержат краткое изложение или воспроизведение фрагментов инициирующих документов (рапортов, сообщений, указов, распоряжений, судебных решений, сообщений от частного лица, члобитных и т. п.). Взаимодействие и смысловая преемственность разных типов документов обусловливались тождеством внешней ситуации, отражаемой текстами различной pragматической направленности. Взаимодействие разных типов документов способствовало развитию единого унифицированного делового языка.

Судебное дело могло включать тексты разных документов: члобитья или уведомления, присяга свидетелей, показания свидетелей, допрос, описание повального обыска, описание очной ставки, решение суда (рапорт). Каждая часть дела при этом имела свой типичный формуляр. Блок основного содержания допросов более свободен от стандартизации, так как представлял собой запись показаний определенного лица, которая ведется от 3-го лица и оформляется в виде косвенной речи, т.е. имеет характер нарративного текста. Розыскные и иные документы, основанные на предварительном расследовании, включали допросную часть в редуцированном виде.

Анализ лингвоисточниковедческих исследований позволил определить структурные единицы делового документа: самоназвание, формуляр (система реквизитов и система функционально-семантических блоков) и жанровые интенции.

Наиболее стандартизованы в документах XVIII века начальный и конечный блоки документов различных жанров. Начальный блок в большинстве документов делится на две части: делопроизводственные отметки – регистрационные индексы (исходящий и входящий номера), дата, указание адресанта и адресата, наименование вида документа; текстообразующие элементы – изложение причин создания документа (ссылка на документ, послуживший основанием создания данного).

Постоянными элементами конечного блока являются: дата написания, подписи, печать. Дополнительными элементами конечного блока документных жанров являются: подтверждение достоверности и полноты сообщаемых сведений, выражение почтения и покорности, подтверждение принадлежности документа конкретному лицу, отметка о месте и дате регистрации документа,

¹⁵ Дерягин В.Я. Лексико-семантический анализ группы деловых текстов // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 202. Его же. О местных вариантах русской деловой речи XV–XVIII вв. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 39, № 5. М., 1980. С. 448–455.

распоряжение сообщить об итогах рассмотрения дела, формула ожидания ответа.

В меньшей степени унифицирован блок основного содержания, который включает изложение фактов, событий, оценку этих фактов и изложение выводов автором. Описания действий, поручений, заданий, просьб носят свободный характер и не поддаются стандартизации, поскольку описываемые в документах ситуации различны.

Рапорты представляли собой новый тип организации делового текста: самоназвание источника выносилось за его пределы и фиксировалось составителем документа строго в середине строки в заглавном регистре. В тексте рапортов можно выделить три функционально-семантических блока: 1) изложение причин составления первичного текста, 2) информация о внешности человека, 3) описание способа активности адресата/адресанта деловой коммуникации. Функциональная направленность текста рапорта: сообщить вышестоящему лицу информацию конкретного розыскного содержания, определить степень выполнения работы или фиксировать факт первичных поисковых мероприятий.

Указы представляли собой письменные предписания, исходящие из учреждений местной власти. Начальная часть указа включала такие сегменты: самоназвание документа, реквизит «адресант», реквизит «адресат», указание конкретного инициирующего документа. Основная часть фиксировала собственно розыскной материал, в рамках которого и располагался словесный портрет как основной стимул-объект в ситуации розыска конкретного лица.

Именные списки фиксировали определенные приметы внешности, социально-политический статус и существовали в тексте в табличном варианте. В именных списках каждый жанровый сегмент – отдельный параметр функционального словесного портрета. Первая клаузула предполагала номинацию имени и прозвания беглого ссыльного. Вторая клаузула содержала точную идентификацию беглых крестьян с точки зрения возрастных характеристик. Третья клаузула репрезентировала словесный портрет беглого: *волосомъ черень глаза серые левои ногой хромъ*. Для XVIII в. характерна градация элементов. Обязательным элементом портретирования оказывалось описание цвета волос и глаз. Последняя часть – это конкретное административное или телесное наказание. Цель именного списка – обнаружить местоположение крестьян и вернуть хозяину украденное имущество.

Публикация разножанрового текстового материала не может в полной мере продемонстрировать типологические признаки деловых текстов, а потому требует тщательного комплексного комментария, включающего историческую справку, палеографическую характеристику, необходимый лингвистический анализ конкретного документа.

Интересны для изучения нарративные источники, связанные с социально-экономической и культурной историей региона (летописи и летописцы, мемуары и путевые заметки, личная переписка и др.).

Справочный аппарат включит подстрочные примечания, указатель личных имен и географических названий, указатель слов. Возможно оформление отдельного списка писцов. В зависимости от лингвистической содержательности текстов целесообразно подготовить и другие указатели (наименований церквей, книг, икон).

Публикация и описание текстов деловой и нарративной письменности XVIII–XIX веков имеет большое значение для исследования истории русского литературного языка, а также делового языка в его региональной специфике¹⁶. Изучение малоисследованных рукописных документальных текстов – перспективное направление в развитии ряда наук гуманитарного цикла (лингвистического краеведения, исторической стилистики, лингвокультурологии, документоведения). Расширение источниковой базы значимо для более обстоятельного описания истории края, его социально-экономической и культурной самобытности, традиционного общественного уклада жизни, отражающего как общенародную, так и локальную систему социокультурных параметров и коллективных ценностей.

1.2. Мемуары как источник изучения русской речи XVIII – начала XIX в.

Свидетельства современников об особенностях речи своего времени – особо ценный источник по истории языковых явлений. Здесь будет не только хронологизация лексических и грамматических фактов, но и их стилистическая квалификация, указание на сферы и территорию функционирования, реакция общества на новые или модные словоупотребления и т.д. П.А. Вяземский в своей книге «Фонвизин» написал очень точные слова об отношении к прошлому, в частности к XVIII веку: «Разумеется, время идет, разумеется, просвещение прорывается нетерпеливо все вперед и вперед; но из этого не следует, что необходимо каждые десять лет выбрасывать все старое и дочиста заводиться новыми понятиями. Новым языком, новыми великими людьми... Каждое поколение, каждый век есть сын и внук своих предшественников»¹⁷.

Источником такого рода повествования о предшественниках являются «Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благовом». Текст издавался первоначально по главам в «Русском вестнике» (1878, № 3–5, 7–9; 1879, № 7, 10; 1880, № 4, 7), полный текст опубликован в 1885 году. Повторно текст издан в 1989 году в серии «Литературные памятники» (цитируется по данному изданию).

Бабушка – Елизавета Петровна Янькова, внучка историка В.Н. Татищева – родилась 29 марта 1768 года. Она прожила всю жизнь в Москве и скончалась

¹⁶ Ср. более подробно: Малышева И.А. Памятники деловой письменности XVIII в. как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997. 182 с.

¹⁷ Вяземский П.А. Фонвизин // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. V. Фонвизин. СПб., 1880. С. 1.

лась 3 марта 1861 года в возрасте 93 лет, сохранив почти до самой своей кончины твердую память, в особенности, когда речь касалась прошлого... рассказывала с удивительной подробностью, ...она была живою летописью всего XVIII столетия и половины XIX (Рб, с. 5). Нас интересует не только подробная летопись событий и детальность бытописания, но и отражение нового времени в мировосприятии и в речевых оценках «бабушки». Что самое замечательное в записанных рассказах – их достоверность: по мнению Т.И. Орнатской, подготовившей рассказы к печати, благодаря своей изумительной памяти бабушка сохраняет не только колорит эпохи, но и живой язык своих современников: от вельможи Н.Б. Юсупова до ключницы Акулины¹⁸; Язык бабушки – это живой русский язык, язык лучших представителей ее времени, предпочитавших родное наречие французскому. Он и выдержаный, и строгий, и в то же время образный и меткий...; она часто пользовалась пословицами и всегда удивительно к месту¹⁹.

Димитрий Димитриевич Благово (28.09.1827 – 9.06.1897) помнил бабушку с 1830 года, но записывал ее рассказы с 1847 года: слышанное мною живо врезалось в память, потому что многое было мною тогда же подробно записано (Рб, с. 7). Записи были закончены в 1877 году.

Конечно, при всей добросовестности автора и желании точно воспроизвести рассказы своей уникальной бабушки он, наверняка, подвергал их бессознательному редактированию. Таким образом, мы имеем дело с воспоминаниями в воспоминаниях, но зато то, что сообщается в изучаемых записках, приобретает особую значимость по целому ряду обстоятельств: 1) здесь воспроизводятся разновременные воспоминания двух субъектов: бабушки – о времени своей бабушки, своей матери и о своем времени, преимущественно последняя четверть XVIII века и первая четверть XIX века; внука – о рассказах бабушки, услышанных после 1846 года; таким образом, каждый фрагмент воспоминаний будет иметь две даты: время, к которому относится запись, и время, когда это записано; 2) оба субъекта мемуаров – бабушка и внук – нестандартные личности, известные в светском обществе, имеющие широкий круг знакомых и хорошо информированные; 3) бабушка и внук прилично образованы, понимают ценность сведений о прошлом, в том числе о повседневности: это определяет тематику мемуаров.

Формальных сигналов, используемых в тексте для фиксирования внимания читателя на новом, необычном или становящемся употребительным, много: графическое выделение (*курсив*, скобки), вставочные или поясняющие выражения типа: «смертоносное поветрие, которое называют холерой» (Рб, с. 5).

¹⁸ Орнатская Т.И. Примечания: Рассказы Е.И. Яньковой, записанные Д.Д. Благово // Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 348.

¹⁹ Там же. С. 356.

Для современного исследователя будут важны замечания, характеризующие речевую ситуацию в русском дворянском обществе в конце XVIII в: *Все учение в наше время состояло в том, чтобы уметь читать да кое-как писать, и много было очень знатных и больших барынь, которые кое-как, с грешком пополам, подписывали свое имя каракулями* (Рб, с. 47). *Многие его <Карамзина> критиковали за то, что он пишет разговорным языком, а другие его за это-то именно и хвалили* (Рб, с. 255). Именно устная разговорная речь является предметом наблюдений и оценок наших информаторов: бабушки Е.П. Яньковой и ее внука Д.Д. Хитрова. Такие свидетельства не случайны: представители образованного общества осознавали необходимость правил словаупотребления в разговорной речи²⁰.

Переходим к оценке лексико-фразеологических средств, связанных со сферой дворянского быта. См. примеры: *В простые дни, когда за-свой обедают, и то бывало у бабушки всегда: два горячих – щи да суп или уха, два холодных, четыре соуса, два жарких, два пирожных* (Рб, с. 10). Таким образом, фразеологические выражения *обед за-свой* и *обедать за-свой* имеют значение «домашний обед с домочадцами ограниченной продолжительности». В словарях, характеризующих словоупотребление XVIII – середины XIX вв., эти фразеологизмы отсутствует.

Понятие *званный обед* предполагает соблюдение следующих условий: 1) большое число специально приглашенных гостей, 2) большое число блюд и вариантов их выбора, 3) значительная продолжительность обеда.

1) *Послала звать соседей к себе хлеба-соли откусывать; и знатных, и не-знатных – всех зовет: большая барыня никого не гнушается; её никто не уронит, про всех у неё чем накормить достанет* (Рб, с. 9).

2) *А на званом обеде... два горячих: уха да суп, четыре холодных, четыре соуса, два жарких, несколько пирожных, потом десерт, конфеты.*

3) *Бывало, сидят за столом, сидят – конца нет: сядут в зимнее время в два часа, а встанут – темно; часа по три продолжался званный обед* (Рб, с. 10).

Таким образом, фразеологизм *званный обед* имел значение «торжественный обед с большим количеством приглашенных и большим количеством блюд» (СлРЯ XVIII в., вып. 15, с. 222).

Рассмотрим отдельные слова, касающиеся развлечений в великосветской среде: ...*когда двор приедет в Москву, то и дело что вечера да балы да маскарады во дворце* (Рб, с. 17). Судя по данной фразе, каждое из этих трех слов – *вечер, бал, маскарад* – имело свое значение, что подтверждает и словарь: *Бал* – вечернее собрание лиц обоего пола с обязательным сценарием: танцы, игры, ужин, фейерверк; *маскарад* – увеселительное собрание, род бала, в маскарадных. Словарь зафиксировал и словосочетания *бал-маскарад*, *бал маскерадный, маскированный* (СлРЯ XVIII в., вып. 1, с. 130). *Вечер* – вечернее собра-

²⁰ Об этом пишет, в частности, и Г.П. Князькова в своей монографии: Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974. С. 231–235.

ние, обычно с танцами и угощением²¹. Ср.: «Вечер... 3. Вечернее собрание гостей» (СлРЯ XVIII в., вып. 3, с. 88), что представляется неполным толкованием значения.

Вот пример из исследуемого памятника, где описывается *вечер запросто* в отличие от *бала* «блестящего праздничного вечера»: *Каждую неделю, по воскресеньям, бывали вечера запросто, и съезжалось иногда более ста человек, и два, три большие бала в зиму* (Рб, с. 140). Выражение *вечер запросто* в словарях не приводится.

Известный по Грибоедову *куртаг* (от нем. *Kurtag* «прием при дворе», см. также: «вечерний увеселительный прием у монарха» (СлРЯ XVIII в., вып. 11, с. 88)) разъясняется в тексте подробно: *...покойная матушка езжала на куртаги, которые были учреждены в Москве: барыни собирались с работами, а барышни танцевали; мужчины и старухи играли в карты* (Рб, с. 164). О том, что *барышни танцевали; мужчины и старухи играли в карты* было известно и раньше, но тот факт, что *барыни собирались с работами* – явление малоизвестное, характер этих работ пока не выяснен. Здесь же в тексте разъяснено выражение *мундирное платье*: *По желанию императрицы для того, чтобы не было роскоши в туалетах, для дам были придуманы мундирные платья по губерниям, и какой губернии был муж, такого цвета и платье у женщины...* *Намерение-то было хорошее, хотели удешевить для барынь туалеты, да только на деле вышло иначе: все стали шить себе мундирные платья, и материи очень дешевые, преплохой доброты, ужасно вздорожали, и дешевое вышло очень дорогим. Так зимы с две поносили мундирные эти платья и перестали. Так как батюшка был владельцем в Калужской губернии, где был и предводителем, и в Тульской губернии, то у матушки и было два мундира – один стального цвета, а другой, помнится, лазоревый с красным* (Рб, с. 164). Обратим внимание на недолго существовавшую синонимию *мундир* – *мундирное платье* при употреблении этих единиц в специальном значении «женское платье из ткани строго оговоренного цвета».

Анализируемый источник добавляет сведения о популярных в XVIII в. танцах: *Главным танцем бывал менуэт, потом стали танцевать гавот, кадрили, котильоны, экосезы* (Рб, с. 25); *Танцующих бывало немногого, потому что менуэт был танец премудреный: поминутно то и дело, что или присядь, или поклонись* (Рб, с. 165). В этом примере есть слово *менуэт*, но ср. в тексте: *...приходилось кланяться во время миновета* (Рб, с. 66). Словарь фиксирует, кроме указанных, и варианты *меновет*, *миновет*, *минувет*, а также разъясняет значение слова: «танец с плавными движениями, поклонами и реверансами» (СлРЯ XVIII в., вып. 12, с. 129).

Вальса тогда еще не знали и в первое время, как он стал входить в моду, его считали неблагопристойным танцем: как это – обхватить даму за талию и кружить ее по зале (Рб, с. 165). Любопытно, что словарь учитывает фонетико-

²¹ Дружининская О.В., Катаева И.Н. Бал как культурное явление XIX века: из истории слов. Вологда, 2008. С. 12–14.

морфологические варианты слова, его происхождение, время появления и значение (СлРЯ XVIII в., вып. 2, с. 10), но в словаре отсутствуют сведения культурно-исторического характера, в частности этическая оценка нового танца.

Особое значение имело выражение *ходить польский*, см.: *Вдовствующая императрица Мария Феодоровна к нему была очень благосклонна и на балах всегда танцевала, то есть ходила «польский»... и так они идут польский* (Рб, с. 169). *Полонез или польский* – это торжественный танец-шествие²².

Оценим выражения, относящиеся к великосветскому жаргону, где причудливо сочетаются структуры разного происхождения, в том числе калькированные с французского, но имеющие русский лексико-фразеологический состав: *сделать невежество* «проявить невежливость по отношению к кому-либо»: *Впрочем, она все-таки румянилась по тогдашнему обычаю, потому что, не напумянившись, куда-нибудь приехать значило бы сделать невежество* (Рб, с. 24). Словари не учитывают этот фразеологизм. Нет в словарях уменьшительно-пренебрежительного мотишка «расточитель»: *Да что твой сын-то, мать моя, не мотишка ли, или, может статься, не в карты ли он проиграл?* (Рб, с. 30).

Фразеологизм *старый любезник* «охотник любезничать, угодник, миловзор, волокита; желающий нравиться» (Даль, т. 2, с. 282), см. пример: *человек старого закала, предерзкий и пренебрежительный... старик был очень нескромен в обхождении, да и в разговоре тоже слишком свободен; словом сказать, был старый любезник* (Рб, с. 57). В «Словаре русского языка XVIII в. выражение отсутствует, нет его и в картотеке словаря. Может быть, в своем рассказе бабушка воспользовалась фразеологией XIX века, см. вышеприведенную цитату из словаря Даля.

Речевой этикет строился на этических принципах эпохи, например, уважение родителей: обращение на «вы» и выбор более книжной лексики. Вот характерный пример: *Отношения детей к родителям были совсем не такие, как теперь; мы не смели сказать, за что вы на меня сердитесь, а говорили: за что вы изволите гневаться, или: чем я вас прогневала; не говорили: это вы мне подарили; нет, это было нескладно, а следовало сказать: это вы мне пожаловали, это ваше жалованье* (Рб, с. 24). Любопытно, что такие нюансы в речевом обращении в середине XIX в. уже не фиксирует и В.И. Даляр – знаток живого великорусского языка.

В речевом этикете той эпохи были существенные мелочи, не зафиксированные пока в специальной литературе: обращения старших и младших, проблема «ты» и «Вы», фразеологизм *кушать кофе* и др.

Кто входил в понятие «старшие»? *Больше чтили старших, было больше порядку в семействах и благочестия: Родная моя тетка, матушкина сестра... была на тринадцать лет моложе матушки. Она всегда матушке говорила «вы» и очень ее уважала!* (Рб, с. 24, 25).

²² См. трактовку этого выражения в книге: Дружининская О.В., Катаева И.Н. *Бал как культурное явление XIX века: из истории слов*. Вологда, 2008. С. 34–35.

Обращение на «вы» распространяется в XVIII веке, но старшие современники «бабушки» привыкли к старомодной манере общения: *Ему было, я думаю, лет под 70; по своим летам и по старой привычке в прежнее время ни с кем не церемониться, он с первого разу, кто бы ни был, мужчина или женщина, всем говорил «ты»* (Рб, с. 56).

Правильным было выражение: *Поутру бабушка кушала свой кофе* (Рб, с. 7), т.е. кофе кушали, а не пили. Даль отмечает, что кушать означает «есть и пить», но выражение более вежливое: *кушали хлеб-соль, кушали рюмочку, кушали чашечку* (Даль, т. 2, с. 229).

Известно, что в дворянской среде в речевом общении действовал «двойной стандарт»: с равными себе – *по-придворному*; с «людьми» – *по-площадному*. Вот пример разговора помещицы Матрены Бершовой с дворовыми девчонками: *Чего вы смотрите, мерзавки, – прикрикнула на них Бершова, – живо полезайте: холопки, пакостницы, а туда же робеют... подлые... разве это люди, что ль, – тварь, просто сквачина... ведь это я любя их...* И вот реакция бабушки на такие речи: *уж очень дубовата; бывало, такие слова употребляет при моих детях, что иногда со стыда сгоришь. Я все ее останавливалась и оговаривала, того и гляжу, что мои девочки подцепят какое-нибудь у нее словцо, срам будет. А кому-то на меня жаловалась, говорит: «Какая Елизавета Петровна спесивая барыня, все политику наблюдает, оговаривает меня, что я говорю спроста, не по-придворному»*. Уж куда *по-придворному*, иногда совсем *по-площадному* (Рб, с. 79). Слово *площадный* в XIX в. имело совершенно определенный смысл: *Площадный, неблагопристойный, подлый. Площадные речи* (Сл. цсл., кн. 2, с. 231).

Заметим, что слово *дубоватый* (*дубовата*) отсутствует в словарях XVIII в. (САР, СлРЯ XVIII в.). Здесь, возможно, проявилось индивидуальное своеобразие речи бабушки. Что касается выражения *наблюдать политику* в значении «соблюдать правила», то значение «хранить, соблюдать» у слова *наблюдать* фиксируется в середине XIX века, известно и *политика* в значении «искусство обходиться с людьми» (Сл. цсл., кн. 2, с. 314, кн. 1, с. 47).

После 1812 года, а в особенности в 1820-х годах начало распространяться курение: *стали привозить сигарки, о которых мы не имели и понятия* (Рб, с. 96). К речевому этикету относится употребление слова *позвольте* в определенных ситуациях, например: *Мужчины курили у себя в кабинетах или на воздухе, и ежели при дамах, то всегда не иначе, как спросят сперва: «Позвольте»* (Рб, с. 96).

Интересна лексика и фразеология, отражающая эмоциональные и душевые переживания героев. Вот пример, где одновременно употреблен фразеологизм *приходиться по мысли* и новое слово *влюблена*: *А мне, признаюсь, Дмитрий Александрович приходился по мысли: не то чтоб я была в него влюблена (как это срамницы-барышни теперь говорят) или бы сокрушилась, что батюшка меня не отдает, нет, но дай батюшка согласие, и я бы не отказалась* (Рб, с. 49). Ср. у Даля: *Приходиться... подходить или быть впору, в*

меру и кстати... Жена по мужу пришла (Даль, т. 3, с. 457). Пожалуй, в тексте значение фразеологизма несколько другое: *приходить по мысли* – «считать соответствующим в каком-либо отношении». Что касается слова *влюбиться*, то, если иметь в виду значение «почувствовать любовное влечение, страсть» и факт преимущественного употребления этого слова в комедиях и интермедиях той поры, причем совершенно определенными типажами, то становится очевидным следующее правило хорошего тона: приличные девушки переживали любовь, но вслух о любви не говорили.

Назовем некоторые наименования воинских и придворных чинов и должностей, отсутствующие в словарях или зафиксированные с другим значением: *провиантмейстер* – армейский чин, занимавшийся обеспечением провиантом-провизией: *служив в то время провиантмейстером* (Рб, с. 44). Названия придворных должностей были на немецкий манер, как правило, двухсложные (первый корень *гоф*- от нем. *hof* «двор»): *Он служил при дворе императрицы Анны: сперва помощником гоф-интенданта, строил Анненгофский дворец, ...потом сделан гоф-интендантом* (Рб, с. 41). *Гоф-интендант* – придворная должность, чиновник конторы, ведавшей дворцами и садами: В «Словаре русского языка XVIII в.» *гоф-интендант* отсутствует.

Оригинален оборот *иметь букет*: иметь букет полагалось в выездном церемониале знатного человека: *Александр Данилович жил очень хорошо и открыто; когда он женился, у него была золотая карета, обитая внутри красным рытым бархатом, и вороной цуг лошадей в шорах с перьями, а назади, на запятках букет. Так называли трех людей, которые становились сзади: лакей выездной в ливрее, по цветам герба, напудренный, с пучком и в треугольной шляпе; гайдук высокого роста, в красной одежде, и арап в куртке и шароварах ливрейных цветов, опоясанный турецкою шалью и с белою чалмой на голове... Так выезжали только в торжественных случаях* (Рб, с. 42). *Букет* в значении «трое слуг, стоящих на запятках экипажа, в выездном церемониале знатного человека» отсутствует в словарях.

Проспект – так называлась магистраль на территории усадьбы: *К дому вела длинная аллея, или проспект, версты на полторы посаженный через дерево липами и березами* (Рб, с. 187). Именно такой проспект был у Толстого в Ясной Поляне. В словарях учтено другое общепринятое употребление: *проспект* – «большая, широкая, прямая улица» (Даль, т. 3, с. 555; Сл. цсл., кн. 2, с. 231). Нет в словарях и фразеологизма *нейзажный сад* «разновидность большого парка в английском вкусе: *Павловское хотя и было очень хорошо своими постройками и очень обширным парком в новом вкусе – в английском, то, что прежде называли нейзажным садом (jardin paysager)*... (Рб, с. 254).

Есть редкие названия в перечне наименований «людей» (прислуги) в доме знатного человека: *кроме выездных лакеев и официантов были еще: ...кондитер, два или три повара и столько же поварят; ...скороходы, ...бывали свои музыканты и песенники, а в деревне – там еще всякие мастеровые* (Рб, с. 43); *Перед каретой бежали два скорохода. Так выезжали только*

в торжественных случаях, когда нужен был парад, а когда ездили запросто, то скороходов не брали (Рб, с. 42–43).

Возможно, что названия построек в сельском доме были постоянными в XVIII–XIX вв., см., например: *Весь нижний ярус назывался тогда подклетями; там были кладовые, но были и жилые комнаты* (Рб, с. 42)²³.

К характеристике внутреннего интерьера относится выражение *расписать боскетом*, т.е. расписать растительным узором, зеленью, ср.: *В зале нарисована на стенах охота, в гостиной ландшафты, в кабинете у матушки то же, в спальне, кажется, стены были расписаны боскетом* (Рб, с. 22). Употребление слова с таким значением в «Словаре русского языка XVIII в.» не зафиксировано.

Отметим новые названия тканей: (*фиолетово-дофиновое – так называли самое темно-лиловое, потому что французские дофоны не носили в трауре черного, а фиолетовый цвет...*). Скажу, кстати, о материалах, о которых теперь нет понятия: *объять или гро-муар, гро-де-тур, гро-гро, гро-д'ориан, левантин, марселин, сатинь-тиорк, бомб* – это все гладкие ткани, а то затканные: *пети-брюшо, пети-семе, гран-рамаж* (большие разводы); последнюю торговцы переиначали по-своему и называли «*большая ромашка*»... Были некоторые цвета в моде, о которых потом я уже и не слыхала: *hanneton* (темно-коричневый наподобие жука – ред.), *grenouille evanouie* (цвета обмершей лягушки – ред.), *gorge-de-pigeon tourterelle* (голубиной шейки – ред.). Цвета эти, конечно, в употреблении и теперь, но только под другими названиями и не в таком ходу, как при самом начале, когда показались (Рб, с. 108–109).

Приведем пример, связанный с возрастной модой того времени: *Хорошенькая и субтильная старушка, слегка напудренная, в круглом чепце, то, что называли старушечным чепцом (a la vieille), с большим бантом; в робронде, но со шлейфом* (Рб, с. 232). Здесь робронд – дамское платье с кринолином. Фразеологизм *старушечий чепец* словари не фиксируют.

Оценим названия разновидностей сахара: *После двенадцатого года пуд сахара стоил 100 рублей ассигнациями, и во многих домах подавали самый последний, которого потом и в продаже уже не было, называвшийся «лумп», неочищенный и совершенно желтый, соломенного цвета. Большею частью везде подавали «мелюс» и полурафинад* (Рб, с. 314–315). Мелюс – «недоработанный сахар из белой патоки». Рафинад – «очищенный сахар в кусках», полурафинад – «сахар, очищенный наполовину».

А вот лексика, имеющая отношение к бытовой утвари и к тогдашней моде: *оделарен дегонри – унгарская водка, ридикюль, шляпка кибитка*.

Употребляли одеколон, оделаванд и оделарен дегонри, по-русски – унгарская водка, о которой теперь никто и не знает (Рб, с. 108). Эти воспоминания

²³ Исторические словари русского языка не позволяют судить о функциональном назначении подклета.

ния относятся к 1806–1809 гг. В словарях не обнаружено *оделарен дегонри*, по-русски – унгарская водка.

Названия модных в то время шляпок – *токи*, *береты*, *кибитки*: *А на голове носили токи и береты, точно лукошки такие, с целым ворохом перьев и цветов, перепутанных блондами. Уродливее ничего и быть не могло; в особенности противны были шляпки, что называли кибитками (chapeau Kibick)* (Рб, с. 288). Судя по всему, это было модное выражение, просуществовавшее короткое время, в «Словаре русского языка XVIII в.» не зафиксировано.

Приведем примеры просторечия: *слабый головой, притендерила, доточница, дети «с левой стороны»*.

У князя был еще младший брат, князь Дмитрий Иванович, прекрасный собой, но больной и слабый головой, то есть немного скудоумен (Рб, с. 53)²⁴.

Притендерить «быстро прибыть, приехать»: *Ну что, картавая, сама ко мне приехала? – встречает ее с громким хохотом Неклюдова. – Что, скучно, верно, без меня, сама притендерила...* (Рб, с. 218). Вероятно, родственные слова *пентюриться* «тесниться, лезть, втиратся силою», *пендюриться, пендеря, пендеря, пендюра, пендерь* приводят В.И. Даль (Даль, т. 3, с. 457).

Доточница «умелая, сообразительная» – от доточить «сделать исправно, дотошно, до конца»: *Старшие три дочери были... преумные и преученные и все три превеликие рукодельницы и доточницы в разных работах* (Рб, с. 224); Она была очень умная и милая девушка... недурна и большая доточница и искусница на разные рукоделия (Рб, с. 314). В словарях эпохи слово не обнаружено.

Дети «с левой стороны» – «внебрачные дети»: *Он с нею жил недолгое время вместе, имея посторонние привязанности и несколько человек детей «с левой стороны»* (Рб, с. 289). Словари не фиксируют этот фразеологизм, по смыслу он связан с выражением *ходить налево*. Поясним жаргонизм данной эпохи *чуфарство* «чванство, важничанье»: Княгиня Анна Николаевна была просто ласкова, безо всяких штук, княжны внимательны, а от князя так и разило его чуфарством (Рб, с. 53). Современные чуырла, чуфырла, чуырло, чуфырло имеют откровенно отрицательную коннотацию «бранное, жаргонное», так говорят о человеке с неприятной, отталкивающей внешностью. Происхождение этих слов не имеет удовлетворительного объяснения. Представляется наиболее корректной идея о звукоподражательном угро-финском слове *tsukisi* (Фасмер, т. 4, с. 388), на основе чукиши образовано чуфырь «глухарь», чуфыкать «о звуках, издаваемых глухарем, перед токованием» (арх., вологод. – из личных наблюдений автора). Поведение чванливого человека похоже на поведение глухаря перед токованием.

²⁴ Словарь русского языка XVIII в. (т. 5, с. 153) фиксирует это выражение одним примером из переводной французской повести, но оставляет без толкования, поэтому уточнение значения, сделанное в нашем примере, говорит о степени психического расстройства. Заметим, что у Державина есть пример со словом *слабый* еще более откровенной характеристики: *Гудович, человек весьма слабый, или, попросту сказать, дурак, набитый барскою пышностью* (Державин, 1985, с. 409).

Грамматические особенности фиксируются редко, и они, вероятно, имеют индивидуальный характер, являются особенностями речи конкретного лица: *Бабушка постоянно и говорила и писала; рублев, а не рублей, много делов, а не дел, и хотя слышала, как говорят другие, не изменяла своей привычки* (Рб, с. 45). Об этом же пишет автор примечаний к тексту Т.И. Орнатская: *Сохранины... некоторые языковые особенности, характерные для речевой манеры рассказчицы («миновет» вм. «менуэт», «омеблировка», «палатин», «шкатуночка», «окны», «дэн» вм. «дней», «яблоков», «старообраз» вм. «старообразен» и т.п.²⁵*

Пожалуй, самая распространенная грамматическая черта – это обилие слов с префиксом *пре-* (прилагательные, иногда существительные и наречия): *премилая и предоблая, преддерзкий и пренеобтесанный, прелюбезная, предобреишая, предобреиные и преласковые, премного, премножество, предлинная, пребойкая и пребедовая, преупрямый и пребешеный, прегрязные и претопкие, претошный городишко, превзбалмошный и прегорячий; препронырливая и превкрадчивая, пресчастливые и предовольные; пресумасбродная, преважные и пренадменные; преобходимительные; превесело, преогромный, престранные, презастенчивые, прехорошенькая, преголодные и потому прехуденькие, пренесчастный, превертлявые, претрогательную историю, прегорячая и пресамонравная, предрянная, престрогая, преживая, преумная и преспособная.*

В заключение перечислим языковые особенности, отраженные в мемуарах Е.П. Яньковой и представляющие интерес для истории русского языка и русской речи той эпохи: 1) речевой этикет и светский жаргон эпохи; 2) новые лексико-фразеологические явления: лексика эмоциональных и психологических переживаний, словарь моды и нового быта, парфюмерная лексика, лексика развлечений и застолья, названия должностей и чинов в придворной иерархии, названия транспортных средств и церемониала выездов; 3) просторечие и этнографизмы эпохи; 4) особенности грамматических форм. Особый интерес представляют многочисленные фрагменты, иллюстрирующие оценки «бабушкой» прошлых и новых языковых явлений: они позволяют фиксировать время новаций, их семантические и стилистические оттенки, сферу употребления. Как показывают наблюдения над мемуарами XVIII века, люди, не занимающиеся литературным или научным трудом, в ту пору редко и робко оценивали речевые новации эпохи. В XIX веке рефлексия по поводу речевого новаторства современников выражается уже чаще и более пространно²⁶. Е.П. Янькова очень активно реагировала на особенности речи своих современников, оценивая факты того и другого столетия.

²⁵ Орнатская Т.И. Примечания: Рассказы Е.П. Яньковой, записанные Д.Д. Благово // Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 376. (Литературные памятники)

²⁶ Судаков Г.В. Речевые новации XIX века в оценках современников // Русский язык XIX века: Роль личности в языковом процессе. СПб., 2012, С. 95–105.

1.3. Учебные руководства как источник по истории делового языка XVIII–XIX вв.

Для полной характеристики формирующегося русского литературного языка национального периода крайне важно «выявить основные стили литературного языка и определить их иерархию, их семантический и функциональный вес и соотношение, их взаимодействие и сферы их применения»²⁷. При этом надо иметь в виду, что стили различаются не только сферами употребления, но и формами реализации (устная или письменная), особенностями лексико-фразеологического наполнения, грамматическими ресурсами, эмоционально-оценочными и экспрессивно-образными средствами, своей системой клишированных средств.

Предмет нашего исследования – отдельные акты «канцелярского» языка начала XIX века, представленные в учебных руководствах С.И. Ушакова.

Чтобы понять значение труда С.И. Ушакова среди других, приведем краткую справку.

Первым автором учебного пособия по делопроизводству в начале века стал Иван Алексеевич Морков (в некоторых источниках – Марков, 1764–1847) – служащий Коллегии иностранных дел, писатель, переводчик и автор руководства под названием «Всеобщий стряпчий, или Краткой приказной обрядчик, содержащий в себе: формы, примеры и обряды, как и на какой бумаге пишутся, или следует писать...» (СПб., 1810. Ч. 1–5; 6-е изд. СПб., 1820–1821. Ч. 1–16). Один экземпляр части 1-й издания 1810 г. имеется в Тотемском краеведческом музее, а часть 1-я шестого издания (СПб., 1820 г.) хранится в Кириллове (КБИАХМЗ)²⁸.

Двумя изданиями – в 1811 г. и в 1815 г. – выходит труд анонимного автора «Новый и полный всеобщий стряпчий, или Судебный обрядник...», изданный в Москве анонимным автором. Здесь было показано, как писать апелляционную жалобу, вексель, расписку, счет, заемное и верящее письмо, прошение, жалобу, договор, доношение, закладную, контракт, купчую, отпускную, свидетельство, билет для пропуска, паспорт, объявление, подпиську, раздел, рядную, духовное завещание.

Эту же идею «юридической грамматики» продолжает и капитальное сочинение Семена Ивановича Ушакова «Полный всеобщий стряпчий, или словарь практического гражданского делопроизводства...», изд. 1-е, 1817 год; изд. 2-е, испр. и увелич., 1822–1825 гг. (Ушаков). Полное название этой книги содержит названия разновидностей деловых актов, написанию которых учил это пособие: исковые, явочные, мировые и обыкновенные прошения, апелля-

²⁷ Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // Виноградов В.В. Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978. С. 155.

²⁸ Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Часть 3. Книги гражданской печати (1718–1825 гг.). Вологда, 1984. С. 1–33, 11–29.

ционные и частные жалобы, доношения, объявления, закладные, заемные, домовые и крепостные письма, договоры и контракты, верющие (доверенность), обязательные, поступные, отпускные письма и векселя, духовные завещания, дарственные, купчие рядные, раздельные, меновные и другие записи, купчие крепости, ревизские сказки. Приведем название пособия полностью: «Полный всеобщий стряпчий, или словарь практического гражданского делопроизводства, содержащий в себе: описание всех присутственных, судебных, правительственные и полицейских мест и ведений и частных лиц, особливую власть и должность имеющих; положительное изъяснение законов для произведения разных тяжебных, судебных, следственных, вотчинных, крепостных, межевых полицейских, подрядных, откупных и других как приказных, так и домашних дел, с подробным изложением правил: как и на какой бумаге следует писать и в какие правительства или судебные места предъявлять и подавать различного рода исковыя, явочныя, мировыя и обыкновенныя прошения, апелляционныя и частная жалобы; доношения, объявления, закладная, заемныя, домовыя и крепостная письма; договоры и контракты, как с частными лицами так и с казенными местами заключаемыя; верющие, обязательныя, поступные, отпускная письма и векселя; духовная завещания; дарственные, купчия рядная раздельная. Меновные и другия записи; купчия крепости, ревизские сказки проч.; обряды совестного словеснаго, третейского и медиаторского судов и полный свод всех заключающихся в сей книге узаконений. Собран С. Ушаковым», изд. 1-е, 1817 год; изд. 2-е, испр. и увелич., 1822–1825 гг. Объем данного пособия – 3 тома, в них 20 частей по 250 стр. каждая. В Кирилловском и в Тотемском музеях издание 1822–1825 гг. сохранилось почти в полном объеме. Этим изданием при анализе пользуемся и мы. С.И. Ушаков (1789 – дата смерти не известна?) – писатель, историк, до создания своего главного труда служил в училище правоведения, в Финляндском губернском управлении, в Министерстве внутренних дел, в департаменте горных и соляных дел.

Напомним о содержании двух основных понятий, которые будут использоваться далее в статье: *лингвистическая содержательность* и *лингвистическая информационность*. Впервые эти дефиниции были предложены С.И. Котковым: «Лингвистическая содержательность – это совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, определяемая его содержанием и отношением данного источника к определенному лингвистическому образованию (языку, наречию, говору)»²⁹. Лингвистическая информационность – это степень отраженности в памятнике лингвистической содержательности.

Цель исследования – выявление специфических особенностей русского «канцелярского» языка как речевой реализации русского делового стиля начала XIX века. В наши задачи входит выявить в тексте документа устойчивые

²⁹ Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980. С. 10.

языковые факты – трафареты или клаузулы, а также зафиксировать иные жанрово-стилевые признаки: лексико-фразеологические, морфологические, синтаксические и стилистические.

Привлеченный источник ранее не являлся предметом лингвистического изучения. Историки права достаточно обстоятельно оценили роль этого учебного руководства как юридического памятника.

В книге выделяются три раздела. В целом издание содержит огромный судопроизводческий материал: законодательные акты, технологию ведения дел, образцы деловых бумаг.

Первый соответствует первой части и содержит список государственных учреждений и официальных лиц, в чью компетенцию входит рассмотрение разных юридических вопросов. Здесь есть некоторые примечания, имеющие отношение к речевому этикету, например, в «росписании классов гражданских чинов» читаем: «имеющие Княжеское или Графское достоинство во всех чинах удерживают титул: Ваше Сиятельство; Князья же с титулом Светлости титулуются Ваша Светлость (Ушаков, ч. 1, гл. 9, с. 3).

Во втором разделе (части 2–15) помещен словарь практического гражданского делопроизводства.

Третий раздел имеет юридическое содержание.

Для целей нашего исследования важен словарь гражданского судопроизводства. Словарная статья содержала четыре компонента: 1) наименование документа или название процесса; 2) развернутое определение понятия; 3) перечень нормативных актов, определяющих содержание документа или процесса; 4) образцы основных видов данного документа.

На протяжении XIX века функции стряпчего менялись, но применительно к времени создания анализируемого пособия «стярпчий в России 1775–1864 гг. – название некоторых судебных чиновников» (БЮС, с. 661). Как известно, после 1832 года стряпчие смогли выполнять и адвокатские функции. Но главное – умение стряпчих точно и правильно сочинять различные виды актов, знание особенностей судопроизводства и опыт в документоведческой сфере.

Какие виды деловых документов рассматриваются в «Полном и всеобщем стряпчем»? Официально-деловой стиль на рубеже веков – восемнадцатого и девятнадцатого – сильно зависел от процесса перехода России от коллегиальной системы управления к министерской. Письменная форма этого стиля сохраняла книжный характер, а устная форма (торжественные собрания, заседания, приемы, доклады государственных деятелей) в значительной мере подражала письменным образцам. Административно-канцелярская разновидность делового языка реализовывалась в актах, распоряжениях, приказах и иных деловых бумагах, как заявление, доверенность, расписка и т.д. «Канцелярский» язык характеризовался высокой регламентированностью речи (определенный

арсенал способов построения и средств выражения), официальностью (строгость изложения, отсутствие образности). Композиционно-стилистическая сторона делового документа предполагала наличие трех составляющих: клаузула – часть документа, обозначающая отдельное правовое действие или отношение; формуляр – состав и порядок следования клаузул; формула – регламентированная речевая форма (фразеологизм, синтаксическая модель, постоянный лексический состав)³⁰.

По юридическим основаниям документы в «Полном всеобщем стряпчем» могут быть разделены на следующие виды (с опорой на классификацию русских актов С.М. Каштанова³¹):

- 1) публично-правовые акты имеют удостоверительный и договорно-удостоверительный вид: верющие грамоты, паспорта;
- 2) публично-частные акты имеют договорный вид: откупа и подряда;
- 3) частные акты: а) акты на землю: купчие, меновые, закладные, мировые; б) акты на имущество, деньги и несвободных людей: духовные, дарственные; в) акты на холопов: купчие, отпускные; г) денежные акты: заемные, векселя, доверенности; д) акты трудового найма: договоры, контракты;
- 4) делопроизводственные документы (докладной вид): доношения;
- 5) частно-публичные документы (просительный и просительно-апелляционный виды): а) прошения, б) заявления (объявления), г) жалобы («жалобницы», апелляции).

Из этого перечня актуально в языковом плане изучение таких документов, как апелляционная жалоба, исковое прошение, мировое прошение. Просительно-апелляционные акты – новый для того времени вид документов, но в нем сохраняются и элементы прошлых веков. Апелляция – это не только форма обжалования судебного решения в вышестоящий суд, но и определенный вид документа, и сам процесс обжалования. В исковом прошении полагалось прописывать содержание иска («в чем именно состоит иск»): когда, сколько, каковы убытки? (Ушаков, ч. 8, с. 87). Мировое прошение – заявление о достижении согласия спорящими сторонами (Ушаков, ч. 10, с. 1).

Рассмотрим формуляр апелляционной жалобы, в котором мы выделяем три основные части: заголовок, основная часть, концовка.

Заголовок – начальный элемент документа: указание на адресата (обращение), приложение («приношение») и данные об адресанте. Этот начальный протокол – полное двусоставное предложение, где адресант – подлежащее, а приношение (ранее – члобитие) – сказуемое.

Формула адресата – это имя, отчество царя и титул. Все элементы – разные по времени происхождения и не являющиеся полными синонимами:

³⁰ Дерягин В.Я. Об историко-стилистическом исследовании актовых текстов // Вопросы языкоznания. 1980. № 4. С. 98.

³¹ Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 24–25.

самодержец «единовластный правитель» – император «государь крупной монархии» – государь «хозяин, владелец; царь». См. пример установленного написания Высочайшего Императорского титула «крупными литерами, с отменою перед прочими словами» (Ушаков, ч. 1, с. 7): ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЙ, ДЕРЖАВНЕЙШИЙ, ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ, САМОДЕРЖАВЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ, ГОСУДАРЬ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ. Ряд качественных прилагательных в превосходной степени, которая является стилистически окрашенной, относится к высокому торжественному стилю, придает обращению возвышенный оттенок, подчеркивает почтение и уважение к царствующей персоне.

Формула адресанта начинается с приношения («приносить» + прямое дополнение в вин. п.) + именная группа (имя, отчество, фамилия апеллятора) с несколькими приложениями. При сказуемом находится и косвенное дополнение с предлогом *на* и несколькими определениями. См. пример: «приносит апелляционную жалобу Титулярный советник И.В. Бедной такого-то Надворного суда на неправое решение II-го Департамента» (Ушаков, ч. 2, с. 7). В зависимости от того, кем написана апелляция: самим истцом или его поверенным, различаются два варианта сведений о подателе жалобы: 1) характеристика апеллятора: служебное положение (титулярный советник), профессия (корабельщик), нация (аgliцкой нации), родство (сестра Майора), место жительства (Тверской гильдии купец), титулы (граф); 2) характеристика поверенного: личное имя + одиночное определение: «Приносит апелляционную жалобу по доверенности Господина Тайного Советник и Кавалера Н.Н. сына Д. Губернский Секретарь П.В. сын Е. на неправое решение Межевой Канцелярии» (Ушаков, ч. 2, с. 82).

Основная часть состоит из трех разделов: 1) изложение обстоятельств дела; 2) мотивы и причины обращения с жалобой; 3) действия, которые желательны для адресанта.

В первом разделе важны обязательные компоненты: название судебной инстанции, где было первичное слушание дела; первичная судебная инстанция, из которой дело поступило для пересмотра; ответчик; объект тяжбы. Кроме того, указывается дата первичного рассмотрения, местонахождение ответчика, пункты законодательных актов, которые нарушены во время рассмотрения дела.

В повествовательном разделе основной части, который оформлялся относительно свободно, выделим обязательные компоненты: доводы сторон и причины возникновения тяжбы.

Содержание просьбы выражалось особой формулой, которая начиналась с элемента «всеподданнейше прошу», связывают повествовательный и просительный разделы. Наречие *всеподданнейше* вносит возвышенный оттенок, свойственный для книжной речи. Основной вид просьбы выглядит так: «все-

подданнейше прошу: Дабы ВЫСОЧАЙШИМ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Указом повелено было Палате Гражданского Суда меня от иску избавить». Перечень желаемых действий: *жалобу принять, по претензии удовлетворить* и др. Здесь же указывалось, что проситель пошилочные деньги уплатил, приводилось название инстанции, принявшей неправильное решение, «противное вышеизъясненным законам и настоящему существу дела».

Заключительная формула просительно-апелляционного акта единообразна, в ней шесть частей: 1) ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ; 2) Прошу ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО о сей моей апелляционной жалобе решение учинить; 3) дата написания документа; 4) название судебного органа, в котором будет слушаться дело; 5) данные о составителе (чин или должность, имя, отчество, фамилия); 6) подпись апеллятора.

К анализу структуры апелляционной жалобы добавим замечания о структуре мирового и искового прошения. Начальные протоколы совпадают почти полностью, только проще формула адресанта: «*просят + ф.и.о. тяжущихся в им.п. и их данные*», ср. «*Просит С. П. Бургский купец А.Б. сын Ф. на С. купца Г.Д. сына Е.*» (Ушаков, ч. 8, с. 94).

Исковое и мировое прошения имеют практически одинаковые казусно-просительные части. В них три раздела: 1) обстоятельства дела, 2) причины обращения с жалобой; 3) действия, которые были бы желательны по отношению к адресанту. Условия прекращения тяжбы и примирения сторон описывались всегда подробно. Определенной языковой формулы эти разделы не имеют.

Концовки у всех актов просительно-апелляционного вида не имеют существенных структурных особенностей.

Сравним структуру просительно-апелляционного акта с денежным актом, например, с векселем. Слово *вексель* – продукт Петровской эпохи, первое употребление – 1698 г., заимствование из немецкого, его основное значение «документ, содержащий какие-либо денежные обязательства». Слово обрuseло практически в течение одного столетия, приобрело производные: *векселедавец, векселедавцын, векселек, вексельный, векслер* (СлРЯ XI–XVII вв., т. 3, с. 7–8). В «Полном всеобщем стряпчем» описан один вид векселя – переводной вексель «*письменный приказ одного лица другому уплатить определенную сумму денег третьему лицу*», сфера его функционирования – коммерция. Векселя составлялись не только «*в Присутственном месте, но и без свидетелей (по образцам в Вексельном Уставе)*» (Ушаков, ч. 3, с. 16).

В заголовке векселя указано место и время составления документа, название акта с обозначением его стоимости, например: «*Новгород, Генваря 7, 1729 года. Вексель на двести рублей*» (Ушаков, ч. 3, с. 127).

В основной части обозначены срок уплаты денег заемщиком, имя и фамилия векселедержателя, сумма долга, фамилия лица, от которого получен заем. См. пример: «*В шестьдесят дней, считая от сего дня 3 дня генваря 1729 го-*

да, заплати по сему моему первому векселю господину Прохору Кондратьеву, купцу новгородскому, или кому он прикажет, пять сот рублей. Платеж получен от господина Кондратия Иванова, купца тверского» (Ушаков, ч. 3, с. 126).

В заключительной части векселя приводятся формулы адресата и адресанта. Формула векселедателя начинается со слов «ваш покорный слуга» – это штамп, который подчеркивает близкие и уважительные отношения между кредитором и заемщиком: «Ваш покорный слуга Иван Завьялов, новгородской купец (Ушаков, ч. 3, с. 127). Ср. формулу адресата: «Господину Семену Зиновьеву в Нижнем Новгороде, в приходе церкви Николая Чудотворца» (Ушаков, ч. 3, с. 127).

Специфические признаки векселя следующие: малый объем, наименование векселедателя предшествует названию векселедержателя, отсутствие почетных или наследственных титулов.

Вместе с тем, в любом канцелярском акте обнаруживаются три части, а также обязательная датировка, в формуле адресанта указывается имя, фамилия, род занятий или профессия адресанта.

Речевые особенности деловых документов рассмотрим по уровням языка: лексика и фразеология, морфология, синтаксис.

«Канцелярский» язык начала XIX века отличался замкнутостью используемой лексики: это ограниченное число тематических групп, единицы с умеренно книжной стилистической окраской, большое число стандартных средств.

Перечислим основные тематические группы лексики и фразеологии (приводим не более 3-9 примеров):

1. Слова литературного языка, получающие в тексте специальное значение (терминологическая лексика):

- названия нормативных актов: *вексельный устав, манифест, узаконение*;
- названия деловых бумаг и их составных частей: *апелляция, мировое прошение, протест, договор, допрос, опись, подпись руки, рукоприкладство, ссылка*;
- названия административных и судебных инстанций: *гражданская палата, городовой магистрат, губернское правление, департамент, межевая контора*;
- названия действий, составляющих судебный процесс: *решение, подание, показание, ходатайство, взыскание, истребование, отдача*;
- наименования участников судебного процесса: *истец, истцовая сторона, ответчик, ответственная сторона, судящаяся, тяжущаяся*;
- названия предмета тяжбы: *беглые люди, имение, недвижимое, пожитки, угодья*;
- термины финансово-денежной системы: *взнос, заем, казна, наличные деньги*;

- наименование лиц по должности, гражданскому или военному чину: *губернский секретарь, коллежский советник, капитан, полковник, поручик*.

Употребляемые слова и выражения не имели четкого терминологического статуса, поэтому данный сегмент лексики изобиловал синонимами: *апелляция – апелляционная жалоба, подпись руки – рукоприкладство, истец – истцовская сторона, межевая канцелярия – межевая контора, судящиеся – тяжущиеся*.

2. Канцеляризмы – это общеизвестная лексика, которая обладает особой функционально-стилистической окраской, часто используемые слова и обороты, связанные с повторяющимися ситуациями и унифицированным выражением мысли: *вручить, надлежит, вышеупомянутый, исходящий, незамедлительно, денежная сумма, недвижимое имение, избавить от иску, уволить от платежа, к сей жалобе руку приложил, дело производством прекратить*. Формирование канцеляризмов как шаблонных и устойчивых элементов «канцелярского» языка началось в Петровскую эпоху: начала и концовки грамот, сложные предложения с союзами *понеже, поелику, дабы*. Подобные речевые средства распространились и в другие разновидности литературного языка, но, где бы они ни употреблялись, всегда имели отпечаток «приказного» языка. А.П. Сумароков заметил, что: «...подъячие... высокомеряются любимыми своими словами: *понеже, точно, якобы, имеет быть, не имеется и прочими такими*³². Он же критиковал Ломоносова за употребление приказных слов *такмо, якобы, имеется*.

3. Международная терминология в форме заимствований – следующая особенность канцелярского словаря. В основном заимствовались слова следующих тематических групп: административная терминология, наименования лиц по должности и чину, наименования законодательных документов и деловых бумаг. В составе этих групп иноязычная лексика составляет не менее 53% от общего числа слов. Основная масса заимствований – латинского происхождения, они приходили в русский через польское или немецкое посредство: *апелляция, апеллятор, вексель, генерал-майор, канцелярия, коллегия, коммерция, протест, регистратор, резолюция, сенат, титул*. Среди новой терминологии и голландское слово *квитанция*, и французские *департамент, контора*.

Процесс европеизации лексики и фразеологии делового языка расширял его права и влияние.

4. Нужно заметить, что в составе канцелярской терминологии оказались и церковнославянские лексемы *гражданин, обязательство, совет* и др. Одновременное употребление иноязычного заимствования и своего слова или оборота – частый факт в деловом словаре, например: *апеллятор – истец, апелляция – переносная жалоба*. Самая многочисленная группа исконных слов – это слова с финалией *-ние: владение, доношение, имение, истребование, настоя-*

³² Сумароков А.П. К типографским наборщикам // Трудолюбивая пчела. СПб., 1759, май. С. 266.

ние, описание, определение, оправдание, прошение, подание, решение и др.; с суффиксом -ств-: доказательство, имущество, свидетельство, разбирательство, рукоприкладство, свидетельство, ходатайство; с суффиксом -тель: веритель, переводитель, проситель.

5. Примером лексических новаций является и пласт судебно-административной лексики, относящейся к судебному процессу. С учетом характера процесса можно выделить термины разбирательства между истцом и ответчиком (*тяжба – тяжебное дело, суд – судебное дело, спор – спорное дело*); названия терминов судебного процесса с позиций истца (*иск, апелляционная жалоба, претензия*). Синонимы в этих лексических группах могут быть тождественными, но часто они характеризуют понятие с разных сторон, добавляют смысловые и экспрессивные оттенки в семантической структуре слова.

Морфологические особенности «приказного» языка заключаются в частотности употребления разных частей речи и их форм. Выборочный анализ показал, что существительные в исследуемых документах составляют 40%, местоимения – чуть более 30%, а глаголы – лишь 10%.

В устойчивые сочетания часто входят отглагольные существительные: *выполнение решений, принятие постановлений, принимать участие, иметь жительство*. Преобладание отглагольных существительных породило яркую особенность «канцелярита» – нанизывание форм родительного падежа: «...в случае решения присвоения денежной суммы приемлю платить половину долга» (Ушаков, ч. 8, с. 45). Как правило, эти существительные пополняли ряды имен с отвлеченным значением: *владение, доношение, истребование, описание, определение, настояние, оправдание*. Многие ныне активные существительные с суффиксом *-ниј-е* возникли в конце XVIII – начале XIX в. благодаря развитию административного и юридического жанров.

Из местоимений выделяются архаичные канцеляризмы *каковой, кой, оный, сий: сие мое мировое прошение, сия моя апелляционная жалоба*.

Для выражения особо уважительного, почтительного отношения к высшим особам, чаще всего к императору, были приняты формы превосходной степени прилагательных: *всемилостивейший, всеподданнейше, всепресветлейший, высочайший, покорнейше*.

Поскольку деловая письменность отражает бытовую практику эпохи, то в ней находят место и качественные прилагательные, и наречия. Хотя количество их невелико, но для выражения экспрессии и эмоциональности, от которых не свободна служебная переписка, вполне достаточно.

Среди глагольных форм заметен инфинитив, который входит в конструкции типа *прошу рассмотреть, прошу уничтожить, имею представить, имею доказать, станет отпираться – станет отказываться*.

Приметой «канцелярского слога» является употребление причастий и деепричастий. Причастия способствуют более лаконичному изложению мысли и сжатию объемных конструкций деловой речи. Формы деепричастий в

канцелярской речи более разнообразны за счет широкого употребления архаичных форм: *оставят, назначу, быв* и подобные.

Переходя к синтаксису, отметим распространившиеся в это время слово-сочетания с предлогами *вследствие чего, согласно Уложению, в связи с обстоятельствами, ввиду этих причин*.

Синтаксис «канцелярского» языка отличался громоздкостью конструкций, сложными периодами, смешением церковнокнижных и приказных элементов³³. Так, сложноподчиненные предложения с придаточными цели часто вводились в конструкцию с помощью книжного союза *дабы* (по сравнению с редким общеупотребительным союзом *чтобы*): «...прошу: дабы ВЫСОЧАЙШИМ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Указом повелено было сию мою апелляционную жалобу в П. Гражданской Палате принять, а решение Уездного Суда, учиненное вопреки означенных Узаконений, отставить, а меня по безпричинно введенному иску избавить» (Ушаков, ч. 2, с. 81).

К жанрово ограниченным относятся условные конструкции с союзом *буде* (наряду с общеупотребительным *если*): «Буде же он... от принадлежности оных мне чем-либо станет отпираться, то я имею доказать сие свидетельства» (Ушаков, ч. 8, с. 94).

Характерной приметой «канцелярского» слога является, возможно, заимствованный из немецкого выдвинутый вперед родительный падеж имени существительного со значением лица (владельца, автора) и т.п., например: Надворного Суда 2-й Департамент; Московской гильдии купец; неправое Гражданской палаты решение; Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом; от собственного его господина Ф. именем. В подавляющем большинстве случаев родительный падеж имени существительного прикрывается согласуемым с существительным именем прилагательным.

В заключение заметим, что анализируемое руководство имеет отношение прежде всего к юридической практике и касается рассмотрения гражданских дел, реже – и уголовных. Язык юридических документов, касающийся процессуальной практики, был достаточно разработан и имел устойчивые традиции к началу XIX века, в силу этого мог положительно влиять на другие разновидности делового канцелярского языка.

Прежде всего была отработана структура каждого вида процессуального акта: формуляр, формулы-трафареты, лексическое наполнение и синтаксис определенного набора предложений. Тексты содержат преимущественно сложноподчиненные предложения большого объема.

Лексико-фразеологическое наполнение этих актов относится к активным элементам русского словаря начала XIX века, представляя как юридическую терминологию, так и финансовые термины, лексику торговли и быта. Это

³³ Виноградов. В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 125, 133.

наиболее содержательный и лингвистически информационный аспект изученных текстов.

В морфологии «канцелярского» языка отмечается преобладание именных частей речи и высокая частотность причастий.

Памятники делового стиля, представленные в «Полном всеобщем стряпчем», являются ценным источником, объективно представляющим состояние официально-делового стиля эпохи складывания стилистической системы русского национального языка.

1.4. А.А. Шахматов об историческом словаре русского языка

Концепция исторического словаря русского языка сложилась у Шахматова в период обучения в Московском университете, когда он занимался фонетическим и морфологическим анализом древнерусских памятников. Подготовительную работу он начал раньше и к 1885 г. уже имел 4 большие тетради выписок из грамот и летописей. На идею словаря, возможно, навел его И.В. Ягич, который 17 января 1885 г. писал ему: «Было бы очень желательно, чтобы Вы к тексту в самом конце его прибавили словарь по крайней мере всех замечательных слов»³⁴. Ягич первым поддержал и идею самостоятельного исторического словаря: «...пора и в самом деле поставить русскую филологию на прочную историческую почву»³⁵. Уверенность в необходимости такого словаря крепнет у Ягича и после ознакомления в феврале 1887 с «Материалами...» Срезневского: «Я теперь получаю корректуры “Материалов для древнерусского языка” И.И. Срезневского и убеждаюсь в их сравнительной бесполезности»³⁶. А в начале апреля 1887 г. он пишет Потебне о Шахматове: «Ему принадлежит почин в затее исторического словаря русского языка»³⁷.

Лексикографические идеи Шахматова восстанавливаются на основе его переписки с В. Ягичем, где изложены история предприятия, содержание проекта и технология его осуществления, возможный состав участников. Имелся написанный Шахматовым проект программы и список памятников, эти бумаги были разосланы предполагаемым редакторам зимой 1887 г; к сожалению, пока эти материалы не обнаружены. Некоторые замечания по программе имеются в письме Ягича от 7.02.1887³⁸. Этот документ упоминается в письме Ягича Потебне в начале апреля 1887 г.³⁹ Программа не была опубликована, так как участники по предложению Фортунатова решили, «что толь-

³⁴ Переписка А.А. Шахматова с акад. И.В. Ягичем (1881–1894) // А. А. Шахматов. 1864–1920. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 52.

³⁵ Там же. С. 58.

³⁶ Там же. С. 61.

³⁷ Там же. С. 85.

³⁸ Там же. С. 60.

³⁹ Там же. С. 85–86.

ко опыт может дать годную программу»⁴⁰. По предложению Ягича планировалось также «установить общие правила, которыми бы регулировалось все дело»⁴¹.

Концепция А.А. Шахматова в отношении исторического словаря русского языка значима по ряду обстоятельств: 1) это первый опыт предварительно сформулированной лексикографической концепции; многие идеи знаменитого, хотя и не законченного «Словаря русского языка» под ред. Грота – Шахматова были впервые предложены и аргументированы при выработке и обсуждении программы исторического словаря; 2) Шахматов считал необходимым иметь для отбора иллюстраций большой фонд источников, не ограничиваясь традиционным кругом памятников конфессионального содержания; 3) он иначе, чем его предшественники, представлял структуру и объем словарной статьи; 4) по Шахматову, словарная работа, особенно по созданию исторического словаря, – это коллективный труд, руководить которым должны «люди с именем и авторитетом в науке», и он предложил схему организации такого коллектива, впервые продемонстрировав незаурядные качества научного администратора.

Этап первый включал в себя «собирание материалов для исторического словаря русского языка», для чего необходимо «привлечь к участию в этом деле как можно более лиц»; распределение памятников для расписки между участниками: Шахматов – грамоты XII–XV вв., Козловский – грамоты XVI–XVII вв., Щепкин – жития русских святых, Григорьев с Ляпуновым (они работали в Харькове у Потебни) «взяли бы... русские летописи и по мере сил приготовили бы к ним частный словарь»⁴².

Этап второй – приглашение «людей с именем и авторитетом в науке» для руководства в предстоящих словарных работах: И.В. Ягича, Ф.Е. Корша, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Потебню (отказался), А.И. Соболевского, Р.Ф. Брандта. Они должны были определить метод составления, выбор памятников, осуществлять редакторство.

Этап третий – определение территориальных границ исторического словаря: по Шахматову, «сделать его не только общерусским, но и общеславянским»; по Потебне, «ввиду громадности задачи, б. м. практичеснее было бы выделить в особый словарь юго-западный язык XIV–XVII вв.»⁴³. Позднее в «Словаре русского языка» Грота – Шахматова к основным русским словам будут приведены параллели из других славянских языков.

⁴⁰ Переписка А.А. Шахматова с акад. И.В. Ягичем (1881–1894) // А. А. Шахматов. 1864–1920. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 87.

⁴¹ Лаптева О.А. Письма А.А. Шахматова к В. Ягичу об историческом словаре русского языка // Вопросы языкоznания. 1961. № 1. С. 119.

⁴² Переписка А.А. Шахматова с акад. И.В. Ягичем ... С. 63.

⁴³ Лаптева О.А. Указ. соч. С. 117.

Этап четвертый – составить список памятников: «на первом плане будут грамоты, законы, летописи, жития русских, поучения, написанные русскими». Внимание к грамотам – это заслуга именно А.А. Шахматова, в 1886 г. он издает «Исследования о языке новгородских грамот XII и XIV в.». Заметив, что в списке источников есть сочинения митрополита Киприана и Пахомия Логофета, Ягич писал, что нет разницы между трудами их и настоящими русскими и что нужно составить еще один список: «на втором плане сочинения общего содержания (вся церковная, доктринальная и т.д. литература), насколько они существуют в русских редакциях или составлены русскими авторами, например, сочинения Кирилла Туровского... древнейшие такого рода сочинения (напр. Остромирово евангелие, Изборник 1073) должны войти целиком, из позднейших же (напр. разных списков библейских текстов) только разнотечения, появившиеся должно быть на русской почве»⁴⁴.

Этап пятый – информационная поддержка: опубликование программы и списки руководителей (было отложено по предложению Ягича).

Этап шестой – координация и план работы: вначале «составлять словари к памятникам до XIV в. включительно, чтобы таким образом исчерпать толком хотя бы один отдел; таким образом, наш кружок сомкнется и новые элементы будут присоединяться к нему лишь по личной рекомендации и апробации редакторов»; «четыре человека, усердно и умело занимающиеся, могли бы заменить 10 случайных сотрудников»⁴⁵.

Этап седьмой содержал совершенно новаторскую идею издания пробного словаря: «нужен ли он и каков должен бы быть его состав?»⁴⁶

Замысел был чрезвычайно актуальным и технически хорошо продуманным, хотя Шахматову тогда исполнился всего лишь 21 год. Идея исторического словаря окончилась сбором предварительных материалов, которые хранятся в ф. 134 Архива РАН⁴⁷. Дальше работа не имела продолжения по ряду причин. Надо иметь в виду, что первый том «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского вышел в свет только в 1893 г. уже после смерти ученого, а с 1889 г. по 1911 г. «Материалы...» издавались под наблюдением как раз А.А. Шахматова.

Размышления над проектом исторического словаря не были напрасными: концепция словаря затем, после смерти Я.К. Грота, была усовершенствована во время подготовки и издания знаменитого «Словаря русского языка». В 1897 г. Шахматову поручили возглавить работу над «Словарем русского языка». Ученый был сторонником полного словаря, то есть в нем должна быть

⁴⁴ Переписка А.А. Шахматова с акад. И.В. Ягичем (1881–1894) // А. А. Шахматов. 1864–1920. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 60.

⁴⁵ Лаптева О.А. Письма А.А. Шахматова к В. Ягичу об историческом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 119.

⁴⁶ Там же. С. 120.

⁴⁷ Архив Академии наук. Т. 2. М.; Л., 1946. С. 252–259.

лексика литературного и делового языка, «словарный состав, представляемый живыми говорами... слова церковнославянские, которые употребляются нашими духовными писателями или встречаются в русских переводах книг Св. Писания... научные и технические термины»⁴⁸. Кроме того, поражает своим объемом цитатный раздел словарной статьи: «Максимум цитат был его основным принципом», – заметил Л.В. Щерба⁴⁹. Как известно, «Словарь русского языка» Грота – Шахматова доведен по букву И, его издание было прервано в связи с кончиной А.А. Шахматова.

Оценим, насколько соответствует концепции юного лексикографа А.А. Шахматова современная лексикографическая практика.

В наше время создание лексиконов русского языка XIV–XVII вв. обеспечено большим количеством опубликованных источников, особенно XVII в., и поистине неисчерпаемыми фондами рукописей делового содержания второй половины XVI–XVII вв. Эти материалы выявлены и в известной мере исследованы, то есть выполнена необходимая работа, предваряющая лексикографические мероприятия.

Словари классического типа («Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.»), начатые в советское время, еще не завершены изданием. Дальнейшее развитие исторической лексикологии требует создания большого (с максимальным охватом источников) старорусского словаря XIV–XVII вв. и целого ряда частных словарей того же периода: словаря языка Москвы и некоторых других регионов, словаря делового языка, словаря книжнославянского языка периода второго южнославянского влияния. Уже сейчас очевидна нужда в диалектном словаре XIV–XVII вв. или только XVII в.

Эти проблемы требуют максимального учета разнотипных источников, дальнейшего развития лингвистического источниковедения, новых издательских проектов.

Рассмотрим, как они решаются в реализуемом коллегами в Санкт-Петербургском университете «Словаре обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.)» (далее – СОРЯ).

СОРЯ привлекателен по целому ряду обстоятельств:

1. Для его составления избирается период русского средневековья (вторая половина XVI в. – первая треть XVIII в.), хорошо обеспеченный памятниками. Правда, не все эти памятники опубликованы, но их основные коллекции, хранящиеся в центральных и местных архивах, известны и частично описаны специалистами. Желание авторов СОРЯ включить свежий иллюстративный материал вполне реализуемо, они уже расписывают скорописные источники.

⁴⁸ Словарь русского языка. Т. 2, вып. 1. СПб., 1897. С. VI–VII.

⁴⁹ Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Избранные работы по языкоznанию и фонетике. Л., 1958. С. 74.

Разнообразен круг источников Словаря, авторы хотят дать представление о составе разговорного словаря Московской Руси. Мы бы предложили, основываясь именно на концепции СОРЯ, такой порядок значимости источников: 1) частная переписка; 2) записи разговорной речи; 3) фольклор, в том числе пословицы; 4) повести XVII в., в том числе демократическая сатира; 5) деловые документы; 6) переводные тексты.

Есть сомнения в целесообразности привлечения отдельных текстов, так как составители явно выходят за границы обиходного общерусского народно-разговорного языка. Если иметь в виду задачу отражения в СОРЯ обиходного повседневного языка, то сомнительно включение в список источников «Сказания Авраамия Палицына» или «Посланий Ивана Грозного». Эти тексты отличаются особой архаичностью языка, вряд ли и для Авраамия Палицына и Ивана Грозного это был обиходный повседневный язык.

Провозглашенное намерение полного расписывания текстов, вероятно, надо понимать как квалификацию любого лексического факта в этих текстах в качестве факта обиходного языка.

2. Заслуживает одобрения функционально-жанровый подход к лексическому материалу: а) показывается принадлежность слова к определенному функционально-стилистическому пласту лексики; б) учитывается эмоционально-экспрессивная коннотация⁵⁰. Привлекателен набор функционально-стилистических помет: деловое, книжно-церковное, высокое-официальное, фольклорное. Учтем и эмоционально-экспрессивные пометы: ласковое, уважительное, пренебрежительное, уничижительное, ироническое, бранное.

3. Достаточно подробно разработана словарная статья. Прежде всего составители стремятся полно описать семантическую структуру слова: 1) выделить значения слова и их частные реализации; 2) установить соотношение значений и оттенков в пределах семантической структуры слова; 3) показать характерные употребления, в том числе типичную сочетаемость, жанровую предопределенность; 4) указать на отношение данного слова (значения) к другим словам (значениям); 5) в толкование исторического слова разумно включаются некоторые сведения энциклопедического характера; 6) семантическая характеристика слова дополняется указанием на слова, близкие или совпадающие по значению, а также приводятся синонимические эмоционально-экспрессивные номинации; 7) привлекательно намерение авторов дать не менее 2-3 цитат на каждое значение, оттенок, устойчивое сочетание. «Примеры должны содержать сведения о времени употребления слова и о распространении его на территории Московской Руси, о сфере использования слова, уточ-

⁵⁰ Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков» // Словарь обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков. Вып. 4: Гагара – Гуша. СПб., 2011. С. 27.

нять его грамматическую характеристику»⁵¹. Даже Шахматов, который «полноту материалов ценил превыше всего и предела в этом отношении неставил»⁵², счел бы это достаточным. Хорошо, что введена помета о количестве цитат в картотеке на каждое слово⁵³.

В результате словарная статья СОРЯ приближается к лексикологическому этюду. Это очень сближает разработку слова в СОРЯ со словарными статьями в СРЯ Грота – Шахматова.

Далее скажем о пока не разрешенных проблемных вопросах, на которые можно будет дать ответы в ходе работы над словарем.

1. Обоснование временных границ Словаря: у Б.А. Ларина – вторая половина XVI – первая треть XVIII в. Для Ларина был принципиален вопрос о хронологических границах начального этапа образования национального русского языка, он говорил о «характерных признаках начального этапа образования национального русского языка (устного и письменного)», правда, не назвав этих «характерных признаков». Хорошо бы попытаться назвать эти признаки, обосновав тем самым и хронологические рамки Словаря.

2. Сформулированные составителями основания отбора лексики для СОРЯ не слишком строги: «живая разговорная лексика», «народное, русское, обиходное», «общенародная обиходно-разговорная речь». Справедливо учитывая, что «в письменных памятниках XVI–XVII вв. народная речь получила только опосредованное», хотя и достаточно широкое отражение, составители предполагают отбирать такие тексты: 1) деловая письменность московских приказов (почему только язык московских приказов?); 2) этикетная фразеология частных писем (почему такое ограничение, ведь содержательная часть писем более богата обиходно-разговорной лексикой?); 3) лексика и фразеология церковно-книжного языка, входившая и в обиходную речь или освоенная ею (как проверяется освоенность – неосвоенность церковнославянанизмов?); 4) слова и выражения, характерные для фольклора (но фольклор не был письменной формой языка). Хорошо, что декларации остались на бумаге, а в действительности составители учитывают письменность не только московских приказов, анализируют весь словарь частного письма, очень разборчивы в выборе церковно-книжных элементов, охотно цитируют фольклорные тексты, но желательно учитывать, что художественно-поэтическая выразительность фольклора значительно превосходит экспрессивность средств обычного разговора.

⁵¹ Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков» // Словарь обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков. Вып. 4: Гагара – Гуца. СПб., 2011. С. 41.

⁵² Ковтун Л.Я. Основная идея шахматовской лексикографии // Вопросы языкоznания. 1971. № 2. С. 63.

⁵³ Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков» ... С. 16.

3. Составители определились и с понятием «обиходный язык»: *обиходный* – это язык, применяемый в повседневной жизни, *народно-разговорный* – язык, преимущественно употребляемый в живом разговоре, в устной речи, *общерусский* – язык, в равной мере представленный на разных территориях Московской Руси⁵⁴. Термин был предложен Б.А. Ларином, для которого обиходный язык XVI–XVII вв. – это живая общерусская разговорная речь, представленная в памятниках, созданных на народно-разговорной основе⁵⁵. Характеристика языка памятников – это хорошо, но недостаточно определять обиходный язык через определенный набор памятников: «Словарь обиходного русского языка XVI–XVII вв., основанный только на памятниках делового письма, демократической литературы, фольклорных произведениях, разговорниках, будет толковым историческим словарем этой группы памятников»⁵⁶. Круг источников СОРЯ заметно шире: в привлекаемых публикациях (это не только отдельные тексты, но и сборники различных текстов) есть деловые тексты общегосударственного политического звучания, конфессиональные нарративные источники и т. п. Может быть, целесообразно учесть также: 1) перечень определенных ситуаций общения (домашний обиход, традиционные занятия посадского человека и сельского жителя и т. п.); 2) перечень тематических групп лексики.

4. Похвально намерение авторов включать в Словарь только «наддиалектное» разговорное, но региональных словарей языка XVI–XVII вв., лингвогеографических исследований этого времени мало, лингвистический ландшафт эпохи описан фрагментами и бессистемно, с использованием разных методик. Кажется, авторы и сами отступили от провозглашенного требования, поскольку решили, что «материалы из региональных исторических словарей вводятся в СОРЯ в полном объеме»⁵⁷.

5. Есть проблема определения «узко социального, специфически сословного». Например, в разговорниках фиксируются очень характерные ситуации бытового общения, но сугубо прикладная направленность этого жанра (для нужд иностранных купцов) определила однообразный круг ситуаций: еда и сон, купля и продажа. Как квалифицировать торговую терминологию в разговорниках: это общеразговорное или узкосословное?

⁵⁴ Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков» // Словарь обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков. Вып. 4: *Гагара – Гуца*. СПб., 2011. С. 6.

⁵⁵ Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 22–34; Его же. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 5–9.

⁵⁶ Проект словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / под ред. О.С. Мжельской. СПб., 2000. С. 11.

⁵⁷ Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков» ... С. 9.

Но важно главное: СОРЯ – это исторический словарь принципиально нового типа, ориентированный на язык повседневного общения и раскрывающий функционально-стилистический спектр слова.

Рассмотрим дополнительно одну из проблем любого исторического словаря – это проблему иллюстрирования. Задачи иллюстрации как элемента словарной статьи в историческом словаре имеют особую значимость. Если для читателя словаря современного языка есть три ориентира: 1) иллюстративный материал, 2) комментарий автора словарной статьи как эксперта и как компетентного носителя языка, 3) собственный речевой опыт и свое языковое сознание как носителя языка, то для читателя исторического словаря единственным и окончательным авторитетом является цитата, причем цитата семантически содержательная, демонстрирующая семантический, грамматический и фонетический потенциал слова.

Для исторического словаря особо важно описание семантики слова, не только полное и точное, но и правильное в этнокультурном плане. Толкование значения слова, сформированное лексикографом на основе многих контекстов, должно быть подкреплено наиболее выразительными цитатами. Семантическая недостаточность, «пустота» контекста как следствие отсутствия иных цитат в картотеке – самое уязвимое место исторических словарей.

Как можно судить по цитатному материалу, авторы СОРЯ очень дорожат примерами, в которых приводится толкование слова,дается синоним, описывается внешний вид предмета или объясняется его функция, назначение. Такую практику следует только приветствовать. Например: *Агварденту, по-русски двойного вина, не возили; Академии, то есть книжные училища; Алексъ, можъ сургучъ слыветь.*

В выпуске 5 при отдельных словах находим разъясняющие отсылки: говорить дворкою «шутить, прибегая к иносказаниям» (см. отсылку к СРНГ, вып. 7, с. 299); долгари «сапоги для рыбаков с высокими голенищами» (см. отсылку к СРНГ, вып. 8, с. 105).

В «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» есть вынужденные случаи приписывания слову семантики не на основе словарных иллюстраций, а с помощью источников, которые не названы для читателя. Это касается, например, слов с начальным **А**: **аба** «грубое сукно» (девятнадцать штук обы; одиннадцать штукъ абы), **аблаут** «должностное лицо у некоторых местных народов Сибири» (аблавут ваш), **агарикъ** «древесный гриб, употребляемый как лечебное средство» (агарикъ купянь фунтъ). При единичных фиксациях слова встречаем произвольные толкования значения. Например, **абым**, союз. *То же, что абы.* (СОРЯ, с. 35). Цитата следующая: «Ксендзъ Воевоцкий принес до мене абым въ него купиль мунстранцию. Сл. Смол., 22. 1668 г.». Судя по контексту, **абым** – какая-то вещь, предмет, с помощью которого можно купить мунстранцию.

Отмечаются случаи, когда не весь цитатный материал используется для толкования семантики слова. Например, алтабас поясняется как «персидская парчовая ткань, шитая волоченым золотом». Действительно, приведенные примеры подтверждают это значение. Но есть и такой пример в словарной статье: *дача его въ 103 году ризы алтабасъ серебрянь* (СОРЯ, с. 46). Значит, алтабасы шили и серебром.

Непоследовательно выделяется в словарной статье фразеология даже при наличии соответствующего цитатного материала. Так, в иллюстрациях к слову амбар встречаем составные названия *засевалной анбар*, *крутилной анбар*, на которые не обратили внимания составители. В статье *Аршинный* не выделен фразеологизм *аршинный счет*, хотя выражение есть в иллюстрациях данной статьи.

Вероятно, из-за нехватки цитатного материала обеднено корневое гнездо слов, обозначающих сосуды для ароматических жидкостей, в СОРЯ учтено только *ароматник* (с. 58). Между тем были и *ароматница* (с 1611 г.), *ароматик* (с 1689 г.), *ароматичек* (с 1655 г., не учтено в СлРЯ XVI–XVII вв.). Кроме того, у слова *ароматник* не учтено значение «скрытое углубление в предмете для хранения ароматических веществ», см. например: *в тех ларцах в кровлях сделать тайно ароматники* (1677 г. – Забелин, с. 472). Приведенный в СОРЯ единственный пример к слову взят из сатирической росписи приданого XVII века и не способствует пониманию значения: *ароматник с клопами да табакерка з блохами*. Заметим, что если стремиться учитывать сферу использования, то хорошо бы указывать тип (жанр), разновидность памятника.

Рассмотрим несколько словарных статей из выпуска 5 «Словаря обиходного языка...». Прилагательное *двоеморхий – двоеморховый (двоемохрой)* определяется как род бархата: «негладкий, рельефный, с вытисненным узором; рыхлый» (СОРЯ, с. 76–77). В СлРЯ XI–XVII вв. *морхъ – ворс на бархате и других тканях* (вып. 9, с. 269). С самой «ворс» можно согласиться, но что означает первый корень *двое*? В «Словаре обиходного языка» приводится 6 цитат со словом *двоеморхий – двоеморховый*, ни одна из них не проясняет значения этого слова. Составители СлРЯ XI–XVII вв. в свое время решили, что *двоеморхый* – «имеющий двойной ворс (о бархате)» (вып. 4, с. 186). Почему составители «Словаря обиходного языка...» отказались от такого определения?

Как показывают наши наблюдения, главный вопрос, вызывающий затруднения у составителей и сомнения у читателей исторических словарей, – вопрос о соотношении толкования значения слова и иллюстрации в словарной статье. Иногда значение приписывается слову по данным неназванных источников, а иллюстрации только фиксируют графический облик слова, его грамматические свойства и потенцию к сочетаемости. Очевидно, что авторы словарных статей толкование семантики берут из другого источника, может быть, более позднего времени, что нередко случается при подготовке исторических словарей. Было бы разумно (полезно для читателей словаря) указывать этот источник, для чего в

словарной статье после описания семантики (если она дана предположительно, не на основании цитаты) использовать специальный знак – ссылку или просто ставить вопросительный знак, а словарь сопроводить списком справочной и прочей литературы, использованной для определения значений слов.

Кстати, составители СОРЯ иногда так и поступают, приводя этимологию заимствованных слов и (в случае недостаточной содержательности иллюстраций) ориентируясь именно на семантику соответствующих иноязычных лексем.

Лексикограф не только имеет право, но и обязан привлекать другие источники для идентификации слова и обозначаемой реалии, но и читатель имеет право знать (особенно если толкование значения выходит за содержательные границы иллюстрации), на чем основываются семантические рассуждения составителя словаря. Скажем, слово **алебарда** объясняется как «оружие в виде насаженного на древко фигурного топорика» (СОРЯ, вып. 1, с. 43), хотя ни в одной из двух цитат, помещенных в словарной статье, нет и намека на описание алебарды. Понятно, что с помощью исторических исследований, описаний музеиных коллекций составить представление об алебарде несложно. Важно лишь одно, чтобы это описание алебарды относилось именно к той эпохе, языку которой посвящен словарь. Иногда даже в «серебряных» авторитетных исторических словарях видишь заимствования из словарей Бурнашова, Даля, Левшина и других лексикографов более позднего времени. Здесь тем более была бы ценна откровенность составителя исторического словаря.

За столетия меняются материалы, технологии, обычаи и обряды, взгляды людей. Если семантика (или часть лексического значения) не «вытекает» из цитаты, то следовало бы все дополнения к толкованию слова помещать в скобки, одновременно продумав, как обеспечить ссылку на дополнительную справочную литературу или иные источники.

Исторические словари не должны копировать модель словаря современного языка, составителю исторического словаря нужны дополнительные инструменты и данные, и он должен их использовать в максимальном объеме.

1.5. Живая народная речь как лингвистический источник и ее исследователи

В данном параграфе рассмотрены этапы становления и достижения вологодской диалектологической школы, роль традиции и проблемы преемственности в создании лингвистических картотек, региональных словарей. Путь, пройденный вологодскими диалектологами, поучителен, из этих уроков многое пригодится для будущего.

Начало пути – XVII век. Когда безымянный любитель родного говора из Великого Устюга собрал небольшой, в несколько десятков слов, словарик, изданный лишь в конце XIX века⁵⁸. Такие списки слов собирались отдельными

⁵⁸ Симони П.К. Два старинных областных словаря XVIII столетия (1. Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом) // Живая старина. 1898. № 3-4. С. 443–448.

энтузиастами и позже, на протяжении всего XIX века⁵⁹. Некоторые представляли целые тетрадки зафиксированных слов, а кто-то считал, что из сокровищницы родной речи не должны пропасть и отдельные слова и обороты. Житель Тотьмы В.М. Шевяков записал в 1859 г. всего 18 слов и направил их в Академию наук⁶⁰.

Назовем некоторые имена земляков-краеведов, которые уже в XIX веке осознавали значимость древних рукописей, фольклорных текстов и самое главное – родного языка, его словарных сокровищ: педагоги Фортунатовы, Н.П. Титов, Д.И. Прозоровский, А.Д. Протопопов, Е.В. Кичин, И.Н. Муромцев, Н. Отто, священники А.М. Шайтанов, Н. Попов, Н.Е. Чернавский, экономист В.А. Попов, землемер Г. Паули.

Три поколения педагогов Фортунатовых по праву возглавляют этот список. С 1786 г. по 1852 г. они трудились в Вологодском главном народном училище (с 1804 г. преобразовано в Вологодскую гимназию).

Старший – Иона Федорович – выпускник Санкт-Петербургского главного народного училища, был учителем математики Вологодского главного народного училища с момента его открытия – с 22 сентября 1786 г. Иона воспитал своего младшего брата Алексея и племянника Николая Петровича.

Алексей Федорович Фортунатов начал службу рядовым учителем, а закончил в должности директора Вологодских училищ в чине титулярного советника⁶¹. Кроме педагогической, он занимался научной деятельностью, за что неоднократно поощрялся советом Московского университета. Его труды печатались в журналах «Вестник Европы», «Новый магазин» и др. А.Ф. Фортунатову принадлежит самая ранняя публикация вологодской лексики⁶².

Федор Николаевич Фортунатов (1814–1872) также работал в Вологодской гимназии учителем, затем инспектором, а позже назначен директором училищ Вологодской губернии. Кроме того, он был членом губернского статистического комитета и редактировал Вологодские губернские ведомости, где неоднократно публиковал списки диалектных слов, собираемых по его распоряжению учителями для готовящегося в Академии наук «Опыта областного великорусского словаря». «Его организационная деятельность во многом

⁵⁹ См. их полный список в книге: Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006. 677 с.

⁶⁰ Козниев Л.М. Страницы из истории изучения вологодских говоров (1839–1866 гг.) // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сб. научных трудов. Ч. 9. Вологда, 2011. С. 171–180.

⁶¹ Государственный архив Вологодской области. Ф. 438. Д. 224. Л. 2 об.; Д. 560. Л. 6; Отто Н.К. Материалы для истории учебных заведений Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1866. Ч. 132, отд. 5. С. 61–63.

⁶² Фортунатов А.Ф. Вологодский провинциальный словарь // Труды общества любителей российской словесности. Вып. 20. 1820. С. 38–42. Там же в 1822 г. опубликованы дополнения к словарю (ч. 1. С. 193–213).

способствовала формированию объективных сведений о корпусе вологодской диалектной лексики»⁶³.

Сын Федора Николаевича Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) родился в Вологде, окончил Московский университет, стал выдающимся лингвистом, академиком.

Объединению усилий одиночек из всех десяти уездов Вологодской губернии способствовало участие вологжан в сборе материалов для «Опыта областного великорусского словаря», а особенно – помочь в создании «Словаря русского языка» Академии наук. В 1897 году, после кончины первого редактора академического словаря Я.К. Грота, заботу об этом сложном предприятии по поручению президиума Академии принял А.А. Шахматов.

Шахматов внес изменения в концепцию Словаря, в структуру словарной статьи, в технологию лексикографической работы. Для ученого академический словарь – это тезаурус, в него должны включаться не только литературные слова, но диалектизмы, церковнославянизмы, принятые в устной речи, специальная лексика. Шахматов очень ценил фактический материал: словарные статьи на многие слова стали занимать несколько страниц.

Кроме того, Шахматов был сторонником коллективной работы. Он сломал традицию растягивать работу над словарем на жизнь целого поколения. Уже первый выпуск второго тома, подготовкой которого руководил Шахматов, стал площадкой для большой группы вологжан: 20 наших земляков прислали в словарь свои коллекции местных речений, еще 7 оформили ответы на специальную пространную анкету для собирания особенностей говоров, а наиболее активные и профессионально подготовленные были привлечены к чтению корректуры и редактированию (академик Ф.Ф. Фортунатов (университетский профессор Шахматова), Н.А. Иваницкий, А.А. Шустиков, В.П. Шляпин и др.). В большом коллективе вологодские составляли самую значительную группу.

Попытку представить в одной книге все словарные материалы, собранные исследователями вологодских говоров, осуществил в начале XX в. П.А. Дилакторский. Ученый использовал опубликованные списки слов и рукописные материалы, представленные в Академию наук, а в определении концепции словаря опирался на консультации А.А. Шахматова. Его «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» был издан только в 2006 г.⁶⁴ П.А. Дилакторский за свою недолгую жизнь написал около 15 статей по этнографии, книгу «Вологжане-писатели», издал научный сборник «Вологжанин», создал в Вологде публичную библиотеку, много лет работал в редакции академического «Словаря русского языка».

⁶³ Кознева Л.М. Фортунатовы и вологодское народное слово // Русское слово и Костромской край. СПб., 2013. С. 51.

⁶⁴ Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006. 677 с.

Общий объем слов и фразеологизмов в словаре Дилакторского – около восьми тысяч, ср. в близком по теоретическим основам архангельском словаре А.О. Подвысоцкого – около пяти тысяч⁶⁵.

В 1900 г. Академия наук получила «Словарь уездного череповецкого говора», который был опубликован в 1910 г. в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии наук» и переиздан в издательстве Череповецкого государственного университета в 2006 г.⁶⁶ Составлял его в течение 23 лет земский фельдшер Михаил Константинович Герасимов. В словаре Герасимова более трех тысяч слов и краткая характеристика череповецкого говора. М.К. Герасимов за свои научные публикации имел две серебряные медали, был членом Географического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Следующая попытка сплотить вологодских диалектологов была выполнена в Вологодском педагогическом институте.

Во-первых, занятия наукой – это традиция, заложенная первым директором института. Занятия в институте начались в ноябре 1912 г. (открыт 1 июля 1912 г.), а его директор Алексей Сергеевич Шарапов в феврале 1913 г. защитил магистерскую диссертацию «Вторая книга Ездры». Научный комментарий к этому тексту требовал не только богословских, но и лингвистических знаний.

Во-вторых, вологжане уже знали, что диалектологический проект – это коллективное предприятие. В апреле 1939 г. старший преподаватель кафедры языкоznания и русского языка Александр Семенович Ягодинский организовал диалектологический кружок и наладил издание «Диалектологического сборника»⁶⁷.

20–28 июля 1944 года в Вологде была проведена Всесоюзная конференция (52 участника во главе с академиком Л.В. Щербой). По предложению конференции народный комиссар просвещения В.П. Потемкин приказал выделить из общего курса «История русского языка с диалектологией» самостоятельный курс «Русская диалектология» (30 лекционных часов, 20 практических часов; зачет и экзамен). Так в вузах России появился курс «Русская диалектология».

В 1963 г. под руководством Т.Г. Паникаровской было заложено начало словарной картотеки, в 1983 г. издан первый выпуск «Словаря вологодских

⁶⁵ См. детальную оценку этих словарей: Судаков Г.В. Словарь П.А. Дилакторского – окно в языковой мир вологодского крестьянина // Русское слово в тексте и словаре. Вологда, 2003. С. 141–149.

⁶⁶ Герасимов М.К. Словарь уездного череповецкого говора / подг. текста, вступ. статья Н.П. Тихомировой. Череповец, 2006. 88 с.

⁶⁷ Диалектологический сборник. Вып. 1. Вологда, 1941. 123 с.; вып. 2. Вологда, 1942. 145 с.; вып. 3. Вологда, 1946. 208 с.

говоров. А-Г»⁶⁸. После издания восьмого тома коллектив получил Государственную премию Вологодской области. Одновременно со словарем росла картотека, на основе которой написаны монографии, статьи, диссертации, выпускные работы.

В интересах массового читателя и системы образования изданы два однотомных словаря: «Вологодское словечко. Школьный словарь диалектной лексики» (2010) и «Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах» (2014).

По сути, по примеру и на базе данного словарного коллектива были созданы другие словарные коллективы, словарные картотеки и изданы «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» и «Словарь языка Н. Клюева».

Обратим внимание и на начало издания словаря западных говоров Вологодской области⁶⁹.

К сожалению, вологодские говоры теряют своего носителя и хранителя – этнос восточных и центральных районов Вологодской области. Однако рождаются новые социокультурные общности. Формируется своеобразное городское просторечие, а эту целину народной речи еще никто не разрабатывал. Кроме того, практически не изучена местная микротопонимика и богатая система ойконимов. Для новых поколений исследователей всегда найдется интересная работа.

В предисловии к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин, формулируя требования к историку, пишет о патриотизме как обязательном его качестве: «Любовь к Отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души»⁷⁰. В языке, в его лексиконе находит свое место душа народа, поэтому изучать язык надо с любовью, с душой. Равнодушие не даст результата.

⁶⁸ Словарь вологодских говоров. Вып. 1–6 / под ред. Т.Г. Паникаровской; вып. 7–12 / под. ред. Л.Ю. Зориной. Вологда, 1983–2007.

⁶⁹ Словарь западных говоров Вологодской области. Вып. 1. А–Б. Череповец, 2016. 102 с.

⁷⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. М., 1988. С. XIII.

Глава 2

РУССКОЕ СЛОВО В СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ И ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

2.1. У истоков русской лексикологии

Слово – основная и самая значимая единица языка. Любое знаменательное слово со своими производными – отдельная вселенная, особенно если иметь в виду семантическую структуру слова, весь спектр его эмоционально-экспрессивных и стилистических приращений.

Первые случаи внимания к речевым фактам, особенно процессам номинации, отмечаются уже у древнерусских писцов и книжников.

Во времена Московской Руси в XVII в. писцы как центральных, так и местных канцелярий, употребляя название какой-то хозяйственной реалии, не могли быть уверены в общерусском характере слова, поэтому во избежание двусмысленности указывали на предназначение предмета, на профессию человека: *скотной двор а на нем строенья: ...овцам рубленой анбар да две по вети коровам* (ДТП, кн. 1, с. 266); *жил во дворе поварок Шестюнка ести варил и хлебы пекъ; нанели дрововоза из ысад к варнице дров придвигати; розгребалицикомъ дали семь алтын розгребали в поле навоз, наимовати возжелников возити навоз в поле* (ГАВО, ф. 512, оп. 1, д. 6, л. 49, 49 об., 152 об.). Подобная практика способствовала включению функционального компонента в семантическую структуру слова.

Другой прием более точной и яркой характеристики предмета – использование для пояснения слов той же лексико-семантической группы: *друшка и сваха едуть с постелею, велите указать сенник, к которому месту приехати, а по обычному – потклеть; и как приедут на дворъ и идут в сенникъ а по простому – в потклет* (Домострой, XVII в., с. 172, 183).

Третья особенность характеристики предмета – подчеркивание его отличительного признака с указанием мотивировочного элемента: *дровянник, книгохранительница, портомойня, столовая – горница столовая*.

Во всех этих случаях писец мог и этнографически точно описать предмет, и привести его название, и указать на тождесловы, связанные с понятием о данном предмете¹.

Начало профессиональных занятий русской лексикологией относят к последней четверти XIX в., а в ряд значимых фигур ставят А.А. Потебню, Н.В. Крушинского и М.М. Покровского. Можно оспорить эту традицию и со-

¹ Более подробное описание языковой личности старомосковских писцов см. в книге: Су-даков Г.В. История русского слова. 2-е изд., доп. Вологда, 2015. С. 40–50.

ответственно наметить другой ряд личностей, которые являются подлинными предтечами в создании лексикологии русского языка.

Но вначале отдадим должное традиционной версии. А.А. Потебня в пору общего увлечения фонетикой и морфологией писал: «В истории языка общего внимания заслуживает, конечно, исследование не звуковой наружности слов, которое при всей своей важности имеет лишь служебное значение, а мысленного содержания слов»². Любопытно, что, сформулировав первый вопрос «Что такое слово?» в первом абзаце первого тома своего знаменитого труда «Из записок по русской грамматике» (впервые издан в 1874 г.), А.А. Потебня сразу цитирует Ф.И. Буслаева и отталкивается от его определения этой главной значимой единицы языка, затем подробно рассматривает семантическую структуру слова *верста* и историю формирования полисемии этого слова и делает вывод из напрашивающегося противопоставления языка и речи в пользу особой значимости употребления (речи): «Слово в е р с т а, по-видимому, многознаменательно, но таково оно лишь в том виде, в каком является в словаре. Между тем действительная жизнь его и всякого другого слова совершается в речи... Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения». Далее следует знаменитый пассаж Потебни: «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом»³, что равно аксиоме «одно значение + одно слово». В этом случае главный оппонент для Потебни – Буслаев с разделением значений на собственное и переносное⁴. А.А. Потебня все же различает ближайшее (н а р о д н о е) значение и дальнейшее (л и ч н о е). Потебня рассуждает как семасиолог, поэтому для него «в слове совершается акт познания...», происходит познание «посредством наименования, сравнение познаваемого с прежде познанным»⁵. Он стремится вслед за Буслаевым объяснить специфику смысловой стороны языковой системы и все семантические изменения влиянием общественно-исторического развития народа. Труды А.А. Потебни обозначили решительный сдвиг в семасиологической проблематике. Вот эти рассуждения ученого и принято считать началом русской лексикологии.

Вспомним еще появившийся через 9 лет после книги Потебни «Очерк науки о языке» Н.В. Крущевского (1883 г.), который считал основным фактором развития языка «закон соответствия мира слов миру мыслей»: слова должны классифицироваться в нашем уме в те же группы, что и означаемые ими вещи. Он утверждал, что благодаря «ассоциации по сходству слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда», а вследствие «ассоциа-

² Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменениях значений и заменах существительного. М., 1968. С. 5.

³ Там же. С. 13–15.

⁴ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 18.

⁵ Потебня А.А. Указ. соч. С. 17.

ции по смежности должны строиться в ряды»⁶. Крушинский легко вывел из этого следующую зависимость: «Современные тематические группы лексики так и классифицируются: по предметно-логическому основанию». Выдающийся ученый свою докторскую диссертацию «Очерк науки о языке» посвятил доказательству всеобъемлющей системной организации языка, особенно на фонетическом и морфологическом уровнях. Лексика для него системна не только сама по себе, но и в отношениях со словообразованием и морфологией⁷. Дальнейшее развитие этой идеи показало, что словарь языка – это, безусловно, система с некоторым количеством постоянных и, возможно, с еще большим числом вариативных элементов. Системность лексики убедительнее всего проявляется в синонимических рядах, в лексико-семантических группах и однокорневых гнездах слов, во взаимоотношениях генетически и функционально разнородных элементов с тождественной или близкой семантикой. Системность обнаруживается и в структуре полисемантического слова, в иерархии его значений.

Активизация словарного дела обусловила рост интереса к теоретической лексикологии. В 1895 г. академик М.М. Покровский пишет монографию «Семасиологические исследования в области древних языков», где ставит вопросы, относящиеся к понятию «лексико-семантическая группа»: влияние семантики контекста на значение слова; влияние синтаксической конструкции на изменения смыслового содержания слов; воздействие морфологических и словообразовательных закономерностей на семантику слова; изучение семантики слова в связи с другими словами, синонимическими с ним, а главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений⁸.

На этом этапе развития лексикологии выявились две зависимости: 1) словарная практика обогоняла формирование лексикологии; 2) историческая лексикология, хотя и описательная (на уровне истории отдельных слов), опережала развитие синхронной лексикологии.

Назовем две проблемы, которые выявились на этом этапе и до сих пор остаются неразрешенными.

Основной объект изучения лексикологии – лексико-семантическая или тематическая группа. Исходной единицей анализа является слово и набор воспроизводимых, а также семантически связанных словосочетаний с этим словом. Выбор слова в качестве исходной единицы исследования влечет за собой актуализацию ряда вопросов общей ономасиологии и семасиологии. Во-первых, это проблема сохранения единства и тождества слова, пределы фонетико-грамматического и семантического варьирования слова, см. посвящен-

⁶ Крушинский Н.В. Очерк науки о языке. Казань, 1883. С. 65, 69.

⁷ Там же. С. 149.

⁸ Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков // Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. 383 с.

ную этой проблеме работу В.В. Виноградова и более позднюю статью его ученика В.Я. Дерягина⁹. Во-вторых, оценка средств развития словаря: источники омонимии, энантиосемия, деэтимологизация, лексикализация и т.д. В-третьих, выявление универсального и национального в развитии полисемии и принципах номинации, в отношениях узуального и окказионального в различных лексико-семантических и предметно-тематических группах. В разработке этой проблематики открывается возможность перехода от «атомарности», от судьбы отдельных слов к анализу функционирования всего лексикона, возможность перехода от анализа к синтезу. В-четвертых, описание типов лексико-семантических групп. Минимальный объект исследования в этом случае – лексико-семантическая группа, структура и признаки которой последовательно сопоставляются по нескольким синхронным срезам. В качестве содержательных признаков, которые сравниваются, избираются соотношение родовых и видовых слов внутри группы, количественные соотношения мотивирующих признаков, лежащих в основе наименований, соотношение мотивированных и немотивированных лексем, уровень синонимичности и др. Подобным образом далее сравниваются между собой и разные группы, сосуществующие в языке в один и тот же исторический период¹⁰. Важно выявить специфические для конкретного периода особенности словаря, модели перевода, процессы онимизации и устойчивые элементы, составляющие сущность русского языка. Далее можно осуществить переход к типологическому изучению лексики близкородственных языков.

Но вернемся к вопросу о первоходцах в формировании лексикологии русского языка.

Прежде всего это Михаил Васильевич Ломоносов как предтеча научного изучения русского слова и его труд «О пользе книг церковных в российском языке» как первый трактат по русской лексикологии. Жанр этой работы обозначен автором как «предисловие»¹¹. *Предисловие* – редкий жанр литературы XVII–XVIII вв., так называли в то время пролегомены – научные сочинения на наиболее важные темы, своего рода введение в научную дисциплину. Указанием на жанр ученый стремился подчеркнуть принципиальную важность этого труда среди других своих сочинений. Работа была помещена в начало первого тома «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михаила Ломоносова» (1757 г.). Указанное сочинение –

⁹ Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 5–38; Дерягин В.Я. Проблема семантического тождества слова в исторической лексикологии // Русский язык. Языковые единицы в функциональном и эстетическом аспектах. М., 1988. С. 47–61.

¹⁰ См. первый опыт такого анализа: Судаков Г.В. Предметно-бытовая лексика в ономасиологическом аспекте // Вопросы языкоznания. 1986. № 6. С. 105–112.

¹¹ Ломоносов М.В. О пользе книг церковных в российском языке // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Том седьмой. М.; Л., 1952. С. 585–592.

самая последняя по времени создания и, на наш взгляд, наиболее основательная филологическая работа русского гения.

Есть несколько мнений об основных идеях предисловия. Распространенная версия: основываясь на разграничении лексики по ее происхождению, Ломоносов изложил здесь теорию «трех штилей». Другие пишут: «Работа Ломоносова разрешала три важнейшие в его условиях проблемы: 1) проблему сочетания церковно-славянских и русских, народных элементов в составе русского литературного языка, 2) проблему разграничения литературных стилей и 3) проблему классификации литературных жанров»¹². Высказано и третье предположение: «...представлена программная концепция, которая призвана определить принципы формирования русского литературного языка»¹³. Все отмеченные идеи действительно есть в этом замечательном произведении.

Однако внимательное прочтение ломоносовского трактата позволяет увидеть в нем и другие важные мысли, предвосхитившие лингвистические концепции не только девятнадцатого, но и двадцатого столетия.

Работа состоит из четырех частей: 1) история возникновения литературно-письменного языка у славян; 2) структура русского литературного языка в современную (для Ломоносова) эпоху, т.е. в XVIII веке; 3) значение церковно-славянского наследия для русского языка в процессе его исторического развития; 4) «польза» церковнославянского наследия для русского литературного языка XVIII века, для художественного творчества эпохи, для индивидуальной речи каждого автора.

Для целей нашего исследования важна вторая часть, где автор характеризует структуру русского литературного языка, описывает три группы литературной лексики и систему «штилей».

Чтобы оценить замечания классика, нужно разобраться в ломоносовских терминах и понять их смысловое наполнение.

Состав литературного языка описан так: «Как материи, которые словом человеческим изображаются, различают по мере разной свое важности, так и российский язык через *употребление* книг церковных *по приличности* (выделено нами – Г. С.; далее Ломоносов то же самое свойство будет называть *рассудительное употребление и разбор*) имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка»¹⁴.

Почему здесь употреблено слово *степени (языка)*, а не *штиль*, которое неоднократно употребляется далее? Представляется, что для нашего автора это разные понятия.

¹² Блок Г.П., Макеева В.Н. Приложения // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Том седьмой. М.; Л., 1952. С. 894.

¹³ Вомперский В.П. Риторики в России XVII–XVIII вв. М. 1988. 185 с.

¹⁴ Ломоносов М.В. О пользе книг церковных в российском языке // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Том седьмой. М.; Л., 1952. С. 588.

Степени языка возникают на основе исторически сложившихся «трех родов речений» и отличаются друг от друга разной мерой употребления церковнославянского элемента («через употребление книг церковных»), эти «степени языка» существуют объективно, независимо от воли авторов, использующих «российское слово». *Степени языка* – это в нашем современном понимании *функциональные стили языка*.

Штили (в других его работах – «роды речей») – это *стили речи*, причем чаще – речи литературной. Поэтому (обратите внимание на разницу!) разные «степени» российский язык «имеет», а «три штиля рождаются от рассудительного употребления и разбору трех родов речений». Выражаясь по современному, языковой стиль в процессе употребления реализуется в конкретных речевых стилях. Кстати, в других работах Ломоносова «штилей» упоминается еще больше, поскольку анализ речевых разновидностей там не ограничивается только художественной речью. Так, в «Кратком руководстве к риторике» описываются указательный, советовательный, судебный «роды речей», а в подготовительных материалах к «Российской грамматике» предполагалось тексты «разделить на риторической, на пийтической, исторической, дидаскалической, простой»¹⁵. По мнению В.П. Вомперского, «в этой записи слово “штиль” применяется для характеристики использования языка в разных сферах общественно-речевой практики»¹⁶.

Перед нами первая в отечественной лингвистике попытка различить *стили языка* и *стили речи* (разумеется, без употребления известной нам терминологии), и эта идея труда Ломоносова значительно позже блестяще развита В.В. Виноградовым¹⁷.

Но поскольку Ломоносов различает «степени» языка и рождающиеся в употреблении (т.е. в речи) «штили», значит, в его работе есть и невыраженная вербально, но содержащаяся в потенции идея *различия языка и речи*.

Далее в Предисловии следует характеристика «трех родов речений». Ломоносов назвал три «рода речений», входящих в состав литературных средств активного употребления, но попутно выделил еще две группы, которые «выключаются» из литературного языка, поскольку их «ни в каком штиле употребить не пристойно»: 1) «неупотребительные и весьма обветшальные», 2) «презренные слова». За этим скрывается впервые отмеченное именно Ломоносовым различие между *литературным языком* и *нелитературной частью общенародного языка*.

Но для нас важны критерии, на основе которых Ломоносов описал эти пять групп лексики. Г.П. Блок и В.Н. Макеева увидели два признака: «по принадлежности слова к русскому или церковнославянскому языку и по степени

¹⁵ Ломоносов М.В. О пользе книг церковных в российском языке // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Том седьмой. М.; Л., 1952. С. 608.

¹⁶ Вомперский В.П. Риторики в России XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 152.

¹⁷ Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 211–234.

употребительности слова»¹⁸; В.П. Вомперский учел три признака: 1) «прис-
тойность», т.е. соответствие слов «материям», теме повествования или рас-
суждения; 2) степень употребительности в разных сферах общения; 3) понят-
ность¹⁹.

На наш взгляд, *при классификации лексики Ломоносов исходил из пяти признаков* (подходы к такой многосторонней характеристике лексики наблюдаются уже «Кратком руководстве к красноречию»): 1) происхождение (или представлена в славянских языках); 2) время или продолжительность употребления: «которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны»; 3) сфера употребления (письменное или разговорное): «употребляются мало, а особенно в разговорах», «нет... в церковных книгах», «употребить... только в подлых комедиях»; 4) частота употребления: «кои хотя обще употребляются мало, а особенно в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны»; 5) эмоционально-экспрессивная окраска: «презренные слова, которые ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях»). Вывод из ломоносовского анализа лексики: предложенные им пять взаимосвязанных критерий характеристики слова – это *первая в отечественном, да и в мировом языко-
знании того времени попытка лексико-семантического анализа*.

Кроме того, при характеристике «презренных слов» Ломоносов впервые проводит *различие между литературным языком с его жесткими нормами, с одной стороны, и свободной художественной речью, с другой стороны*. Кстати, это заметили уже В.В. Виноградов и В.П. Вомперский²⁰.

Самое существенное, на наш взгляд, в стилистической концепции Ломоносова – это *«рассудительное употребление и разбор трех родов речений» как принцип создания литературного текста*: «От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий»²¹. Этот принцип повторяется в работе многократно, для Ломоносова это одно из центральных положений стилистической концепции. Так, при характеристике среднего штиля эта идея повторяется трижды: «можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию»; «употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость»; «в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность»²². Так утверждается право создателя текста на выбор языковых средств и открываются возможности для индивиду-

¹⁸ Блок Г.П., Макеева В.Н. Приложения // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том седьмой. М.; Л., 1952. С. 895.

¹⁹ Вомперский В.П. Риторики в России XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 143.

²⁰ Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 4; Вомперский В.П. Риторики в России XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 248.

²¹ Ломоносов М.В. О пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том седьмой. М.; Л., 1952. С. 589.

²² Там же. С. 589.

ального творчества. *Индивидуально-авторское начало в речевом творчестве* и содержание текста как мотивация для выбора языковых средств – это *обязательная черта национального периода в истории литературного языка*, и это впервые отметил русский академик. Открытие Ломоносова касается принципов создания текста в отличие от тогдашней науки, которая занималась языковым инвентарем: звуки, формы, реже – слова.

В последней части рассуждения ученый формулирует, специально нумеруя по степени значимости, ответы на вопрос: в чем польза церковнославянского наследия для русского языка XVIII в. в целом и для речи отдельного его носителя в частности? Здесь отметим впервые установленное *отличие языка этноса и индивидуальной речи носителя национального языка*. Ломоносов советует любителям отечественного слова прилежно читать «все церковные книги, от чего к общей и собственной пользе воспоследует» (далее перескажем современным слогом): 1) пополняются средства для возвышения великолепных мыслей; 2) появится возможность для отграничения высоких слов от подлых, причем, «наблюдая равность слога», автор сам проведет это ограничение; 3) «старателы и осторожны употреблением сродного нам коренного славянского языка купно с российским» определится критерий для отбора иноязычных заимствований. Заметили: и здесь торжествует «принцип рассудительного употребления и разбору»!

Ломоносов завершает свой труд предупреждением, что с падением природного языка, «без искусственных в нем писателей немало затмится слава всего народа; ...из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей»²³. Вот откуда часто цитируемые поэтические строки Бунина: *Молчат гробницы, мумии и кости, – / Лишь слову жизнь дана: / Из древней тьмы, на мировом погoste, / Звучат лишь письмена*. Таким образом, Ломоносов вскрыл *важность природного языка и значимость богатой литературы на национальном языке для сохранения нации и утверждения статуса народа среди других народов*. В конце Предисловия М.В. Ломоносов провозглашает: «словесные науки не дадут никогда притти в упадок российскому слогу»²⁴. В итоге охарактеризованный им *комплекс из трех взаимодействующих и взаимоподдерживающих элементов: родной язык – литература на этом языке – словесные науки, изучающие язык и литературу*, – это *свидетельство нового, национального состояния русского языка*, которое впервые было осмыслено и описано великим Ломоносовым. Этую главную новаторскую идею ученого следует учесть особо.

Предисловие М.В. Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке», кроме лексикологической значимости, содержит впервые изложенную

²³ Ломоносов М.В. О пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том седьмой. М.; Л., 1952. С. 592.

²⁴ Там же.

системную оценку нового, национального состояния русского языка середины XVIII века. Последний филологический трактат ученого – это программа изысканий для последующих поколений исследователей русского языка и русской словесности.

Значительный вклад в учение о русском слове внесла дискуссия о старом и новом слоге российского языка – полемика между «шишковистами», отстаивающими традиции, и «карамзинистами» – защитниками «нового слога». По этому вопросу накопилась достаточная литература²⁵, выделим особо последнюю по времени монографию А.М. Камчатнова²⁶, появление которой освобождает от необходимости доказывать значимость для развития лингвистической науки первой открытой дискуссии, занявшей четверть века и посвященной языку художественных текстов, публичному разговору и особенно употреблению слов. Профессор А.М. Камчатнов выполнил исследование историко-лингвистического наследия А.С. Шишкова во всей полноте, общая направленность его книги – лингвофилософская, что позволило не только объяснить идею адмирала-академика о славяно-русской природе литературного языка, но и оценить пафос критики «нового слога», содержание деятельности «Беседы любителей русского слова» (1811–1816 гг.), а также понять замысел его трех словарей: «Трязычного морского словаря» (словарь вышел в трех частях тремя изданиями: СПб., 1795, 1797, 1835), «Опыта Славенского словаря» (1815–1819 гг.) и «Опыта словоизводного словаря» (1828 г., 1833 г.). П. Бицилли писал: «Шишков... был замечательным семасиологом. Его замечания о перерождениях смысла слов, его словарные сопоставления различных языков с этой точки зрения подчас необыкновенно удачны и ценные. Семантика как наука тогда еще отсутствовала, и в этой области Шишков далеко опередил свое время»²⁷.

Напомним, что в свою очередь Н.М. Карамзин первым показал русской публике на материале лексики возможности сравнительно-исторического языкоznания для установления родства языков и народов²⁸, был последовательным сторонником исторического подхода к языковым изменениям.

Следующий ученый, заслуживающий быть названным в числе основоположников русской лексикологии, – Федор Иванович Буслаев. Он стремился соединить историю языка, в частности смысл слова, с культурными традициями разных эпох. Во времена Ф.И. Буслаева лексикологию как раздел языкоznания еще не выделяли, хотя изредка писали о происхождении слов. Еще в донациональный период была осознана необходимость лексикографии: слова-

²⁵ Александр Семенович Шишков (1754–1841): материалы к библиографии // Литературо-ведический журнал. 2011. № 28. С. 150–209.

²⁶ Камчатнов А.М. Русский древослов Александра Шишкова: Лингвистическое наследие А.С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. СПб., 2018. 368 с.

²⁷ Бицилли П.М. Державин // Россия и славянство. 1931. 18 апреля.

²⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. первая, т. 1–4. М., 1988. С. 62–65.

ри-азбуковники использовались для толкования иноязычных заимствований, поэтому словарное дело было признано как прикладное и единственно полезное для практических нужд. Словари готовили почву для научного изучения семантических процессов русского языка, для разработки учения о слове. Интерес Буслаева к этой области языкоznания, особенно рецензирование разных словарей, подталкивал его к лексикологическим и семасиологическим штудиям. Читатели его учебника «О преподавании отечественного языка» отмечали, что «в отделе, названном стилистикой, Буслаев знакомит нас с лексическим составом русского языка...»²⁹.

Значительная часть конкретных исследований ученого касалась как раз слова, его семантической структуры и функционально-стилистических свойств.

Свой главный труд, посвященный современному для того периода русскому языку, Буслаев назвал «Историческая грамматика русского языка», то есть «грамматика русского языка с историческими комментариями», причем она была и функциональной грамматикой. Впервые книга была издана в 1858 году под названием «Опыт исторической грамматики русского языка» (с 1863 года книга выходит под названием «Историческая грамматика русского языка»). «Историческая грамматика русского языка» Ф.И. Буслаева – это энциклопедия знаний о русском языке в середине XIX века. В главе, посвященной синтаксическому употреблению частей речи, подробно рассматриваются выразительные возможности многих отдельных слов. В середине XIX века никто еще не занимался ни статусом слова как такового, ни определением функций слова в предложении. Во введении ученый пишет: «...только в предложении получают свое значения отдельные слова»³⁰. Что же касается роли предложения (контекста) для раскрытия значения многозначного слова, то здесь Буслаев прав: сочетаемость слова в контексте – надежный прием для выявления значений слова.

Проследим развитие идей Буслаева о слове, сравнивая его работы разного времени. Первый труд – это магистерская диссертация 1848 года, см.: «Слово как звук, выражающий движения потрясенной души, тронутой впечатлением внешним в соприкосновении с действительностью, означает предметы по тем достоинствам, какие ярче бросаются в глаза и затрагивают воображение»³¹. Это высказывание близко современной теории происхождения мотивированных лексем.

²⁹ Шахматов А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании отдела Коменского 21-го января 1898 года проф. А.И. Соболевским, акад. А.А. Шахматовым, проф. И.Н. Ждановым и директором Гатчинской учительской семинарии В.А. Воскресенским. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1898. [2], 39 с.

³⁰ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 21.

³¹ Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Островерхому евангелию. М., 1848. С. 10.

Сравним определение статуса слова в «Исторической грамматике»: «Все слова суть не что иное, как названия общих представлений или понятий, потому что одно и то же слово может выражать представление о различных предметах. Напр., слово *дом* означает не только то здание, где мы теперь находимся, но и бесчисленное множество всех прочих предметов, этим словом именуемых... Хотя все слова служат для выражения понятий, однако отличаются большею или меньшею отвлеченностью...»³². Позже автор уточнил процесс рождения слова: «Слово – не условный знак для выражения мысли, но художественный образ, вызванный живейшим ощущением, которое природа и жизнь в человеке возбудили»³³.

Несколько раз в «Исторической грамматике» повторяется мысль о том, что «одно и то же слово в различные времена или по различным наречиям родного и того же языка имеет различные значения», то есть с позиций сема-сиологии Буслаев утверждает идею сохранения единства и тождества слова, когда не только формальные признаки, но и устойчивость семантики позволяют оценивать слово как равное самому себе. Значит, историческое слово, например, в языке Московской Руси и в современном языке – это разные слова, тем более они неодинаковы в древнерусском языке (едином языке восточно-славянской народности) и в современном русском (языке русской нации). У них иные семантические связи не только контекстуальные (сintагматические), но и в группе себе близких по значению (парадигматические)³⁴.

Первый раздел «Исторической грамматики русского языка» называется «Этимология», в котором, в частности, ученый говорит о семантических различиях, вызванных историческими чередованиями, сравнивает однокоренные слова, при этом учитывает исторические и диалектные факты.

В главе «Образование слов» Буслаев использует сравнительную методику для выявления семантических различий в словах. В этом Ф.И. Буслаев видит и практическую выгоду: «Уразумение настоящего смысла слов необходимо для того, чтобы пользоваться речениями родного языка сознательно. ...*столица* происходит от слова *столь*, означавшего в старину престол...; *прапорщикъ* от слова *прапоръ*, означавшего знамя. <...> Ближайшими источниками, откуда почерпается объяснение слов нынешнего общеупотребительного языка, служат: 1) язык церковнославянский; 2) древнерусский и 3) современный русский, по местным его наречиям»³⁵. По Буслаеву, для выявления семантики слова нужно проводить исследование, выбирая нужный материал и используя научные данные о причинах и содержании фонетических измене-

³² Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 256.

³³ Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб., 1861. С. 1–2.

³⁴ См. посвященную этой проблеме статью: Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 5–38.

³⁵ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка ... С. 97 .

ний, о наборе актуальных или архаичных словообразовательных моделей, о правилах сочетаемости слова с лексемами из других частей речи.

Ученый рассуждает как исторический лексиколог: «...нынешний общеупотребительный язык представляет совокупность речений, которых настоящий и полный смысл определяется только исторически... Собственное же значение и правильнейший вид слов определяются историей языка... Относительно значения слов древний и народный язык отличается: 1) ясностью в производстве слов от корней и в употреблении слов в их прямом значении (дотла от до тла “дно”); 2) точностью, которая определяется ближайшим значением слова к его корню (*на-ук-а* от *-ук-* “навык”, ср. *уч-и-ть*, *при-вык-а-ть*); 3) изобразительностью, по которой слова, ныне употребляемые только в отвлеченном или в нравственном смысле, первоначально имели и вещественное значение (пример: *по-н-я-ть* “уразуметь, усвоить”, а ранее вообще “брать”); 4) полнотою, расширяющею ныне принятное значение слова. Она объясняется тем, что говорившие живо чувствовали связь слова с его корнем... Так, например, ныне употребляем слово *верста* только в значении известного расстояния; в старину оно имело смысл измерения вообще и потому применялось не только к пространству, но и ко времени, означая возраст, а также равенство вообще, пару, чету, двоих супругов»³⁶. Говоря «об отношении ныне употребительного слова к его источникам», ученый показывает значимость исторических сведений, учет морфемного состава слова, а также всего набора производных лексем для выявления в полном объеме семантической структуры слова, установления иерархии его значений. Перед нами лаконично и выразительно сформулированная программа анализа семантической структуры слова во всем объеме его значений, оттенков значений и особенностей употребления.

Буслаев проявлял особое внимание к семантическим оттенкам слов. Говоря об особенностях образования глагольных лексем, он приводит объемные коллекции слов с аффиксом *-ну-* (типа *слепнуть*, *сохнуть*, *глохнуть* и т.д.), большой список глаголов многократного действия (типа *давывал*, *купливал*, *кладывал*) и мгновенного действия (*глядь*, *хвать*, *хлоп*), обращая внимание на особенности выражения глагольного действия. По сути, уже в середине XIX века, опередив свое время, Ф.И. Буслаев стал детально разбираться в лексико-грамматических разрядах глаголов, описание которых в современных грамматиках и учебниках составляет десятки страниц.

Исследователь внимателен к тематическим разрядам нарицательных существительных, считает необходимым говорить о значении имен собственных. Это касается неофициальных названий лиц с ласкательным и уничижительным значениями: *Ванюша*, *Митюха*³⁷ и слов, означающих отчество³⁸. Он тщательно описывает оттенки значений существительных «кувачительных и уменьшительных, ласкательных или смягчительных и уничижительных»: встре-

³⁶ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 97.

³⁷ Там же. С. 47

³⁸ Там же. С. 136.

чаются «суффиксы *-ыг-*, *-уг-(-юг-)*, *-яг-(-аг-)* для означения унижения, иногда с оттенком жалости, снисхождения и даже ласки, напр. *тороп-ыг-а*, *пьянч-уг-а*, *бедн-яг-а*, *звер-юг-а*, *дел-яг-а*», причем замечает сферы употребления тех или иных существительных: «прежде *-уш-* чаще употреблялось и в книжном языке, а теперь выходит из обычая, но в разговорном и особенно в областном доселе держится крепко: *Петр-уш-а*, *пер-уш-к-о*»³⁹. Степеням сравнения прилагательных посвящено семь страниц в главе 2⁴⁰, при этом анализируется не только семантика с учетом вариативности, но и оценивается динамика и степень употребительности в разных сферах: церковнославянское, книжное, разговорное, областное.

Безусловно, к семантическим наблюдениям ученого относятся его заметки по лексической стилистике из первой главы синтаксического раздела «Исторической грамматики»: эпитет, синонимы (здесь, кстати, объясняется разница между «собственным» (прямым) и переносным значениями слова), тропы: метафора, метонимия, синекдоха⁴¹. Например, рассуждая о метафоре, Буслаев подробно рассказывает, опираясь на факты истории языка и народную областную речь, о формировании семантической структуры названий животных, птиц и насекомых, деревьев и растений, ископаемых, водных объектов. Анализу этих слов посвящены целые страницы примечаний (все исторические справки Федор Иванович оформлял как примечания к основному тексту).

С идеями Гумбольдта и современной антрополингвистикой связано следующее высказывание академика: «Так как каждый язык пользуется своими собственными, национальными воззрениями при выражении понятий, то выучиться чужому языку значит не только усвоить себе его звуки и формы, но и постановить себя на новую точку зрения, с которой народ изучаемого языка смотрит на природу и жизнь»⁴². Ф.И. Буслаев хорошо понимал взаимосвязи разных уровней языка, например, о связи лексической семантики и синтаксических качеств частей речи он писал: «Значение синонимов особенно важно в рассуждении управления глаголов, потому что глагол, заимствуя переносный смысл от синонимов, с которыми поставляется в один разряд, получает то же самое управление, как и прочие глаголы, которыми выражаются синонимы»⁴³.

Перечень рассмотренных им слов касается главных национальных стереотипов русской ментальности: *мир*, *земля*, *страна*, *отечество*, *путь*, *пространство и время*, *душа*, *жизнь и смерть*, *искусство*, *наука*, *право*, *вера*, *судьба*, *честь*⁴⁴, *народ*, *язык и слово*, *душа и дух*, *церковь*, *брак*⁴⁵.

³⁹ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 134.

⁴⁰ Там же. С. 143–148.

⁴¹ Там же. С. 289–317.

⁴² Там же. С. 314.

⁴³ Там же. С. 314.

⁴⁴ Там же. С. 248–253, 275–282, 308–311.

⁴⁵ Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Островицкому Евангелию. М., 1848. С. 10, 65–66, 67–74, 88, 105.

Стилистика в понимании Буслаева касается прежде всего стилистических свойств лексики. А его «ономатика» как раздел книги «О преподавании отечественного языка» в основных чертах похожа на нашу ономасиологию, хотя семантическая структура слова, по Буслаеву, – это набор исторических смыслов и символики слова. «Фигурные выражения» Буслаева – это начало изучения фразеологии в отечественной лингвистике, эти «выражения» заметил и описал 24-летний автор первого учебника по методике русского языка.

Вслед за «Опытом исторической грамматики...» Ф.И. Буслаев выпустил «Историческую хрестоматию», где впервые представил и прокомментировал лексические особенности древних текстов разных жанров и современных ему диалектов. Он открывает тонкие нюансы в семантике и употреблении слова: от богословского до фольклорного, от дипломатического до публицистического.

Уже ученые конца XIX века осознавали, что наследие Ф.И. Буслаева представляет собой собрание плодотворных идей, которые обязательно будут восприняты потомками: «Благотворное влияние трудов первого историка нашего языка простирается гораздо шире и глубже, чем оно может казаться с первого взгляда»⁴⁶.

Заключая, отметим, что настало время для внимательного прочтения филологических работ М.В. Ломоносова, в частности материалов для «Российской грамматики», содержащих литературные и диалектные факты. Следует изучить лексикологические заметки Ф.И. Буслаева в «Исторической грамматике», в диссертации «О влиянии христианства на славянский язык», в рецензиях на разные словари, в статьях диалектологического, исторического и методического содержания. В трудах по риторике и стилистике русского языка Ф.И. Буслаев дает примеры лексико-семантического анализа. В книгах «О преподавании отечественного языка» и «Историческая грамматика русского языка» он выступает как этнолингвист, что чрезвычайно важно для лексико-семантических исследований.

М.В. Ломоносов и Ф.И. Буслаев работали в науке на пересечении языкоznания, литературоведения, искусствоведения, культурологии, педагогики, поэтому в их творческом сознании были задействованы такие ассоциации, которые немыслимы для нашего современника – узкого специалиста.

2.2. Тенденции развития русской лексики

Задачи русской исторической лексикологии в трудах отечественных ученых постепенно усложнялись. Оценим следующее мнение: «Далекая цель исторической лексикологии – выяснение таких компонентов словарной системы языка, которые в истории их развития эволюционируют единым фронтом, т. е. обнаруживают прочные, устойчивые связи... Когда такие устойчивые группы будут намечены, следующая задача исторической лексикологии –

⁴⁶ Войнаховский К. Значение трудов академика Ф.И. Буслаева в истории науки о русском языке // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М., 1898. С. 61–116.

установить их взаимодействие... Следующий этап исторической лексикологии – установление циклов, чередование медленного, эволюционного развития и переломов в развитии словарного состава, резких, глубоких изменений, протекающих в относительно ограниченное время»⁴⁷. Этим высказыванием Б.А. Ларин наметил перспективы системного исследования истории словарного состава, что стало принципиально новым явлением в теории исторической лексикологии.

В лексикологии слово изучается во многих аспектах. Длительное время преобладал динамический аспект, т. е. регистрация количественных изменений в лексике и констатация наличия или отсутствия известных слов на нескольких синхронных срезах. Сейчас утверждается ономасиологическое и семасиологическое изучение исторической лексики, что влечет за собой закрепление системного подхода. Больше внимания уделяется внутрисловным связям значений, внутригрупповым семантическим связям слов, формальному и семантическому варьированию лексем. Укрепляющийся функциональный аспект направлен на законы исторической жизни слова, на особенности его бытования в языке разных эпох, на выявление основных тенденций и закономерностей в длительном и непрерывном развитии словарного состава русского языка.

Преднациональный период (XVI–XVII вв.) – чрезвычайно важное время в истории развития словарного состава русского языка. В это время закладываются основы национального словаря, происходит отбор в общерусскую лексическую сокровищницу семантически выразительных средств из огромного числа книжных слов, локальных лексем и элементов повседневной речи. Семантико-функциональные исследования позволяют определить характер и направление лексико-семантических и стилистических изменений.

Каковы наиболее существенные изменения в словаре языка Московской Руси?⁴⁸

Количественное увеличение словаря – реальное явление истории языка, даже если делать скидку на разный объем и неодинаковые информативные качества текстов, написанных до XV в., с одной стороны, и источников XVI–XVII вв. – с другой. В изучаемый период появляются целые группы новых названий: передников, карманов, посуды для специй, небольших бондарных судов и др. К тому же преобладающее число уменьшительных образований от анализируемых слов отмечено в актах XVI–XVII вв.

В связи с развитием устного речевого этикета в языке появляются формулы, отсутствующие в письменном этикете: *бью челом* (выражала не только просьбу, но приветствие и благодарность); *здравствуй* (фиксируется с 1586 г.); *спаси бо* (из *Спаси, Богъ!*; *С Богомъ!* (напутствие в дорогу); *Хлеб да*

⁴⁷ Ларин Б.А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару) // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 12–13.

⁴⁸ Исследование конкретных групп лексики см. в монографии: Судаков Г.В. История русского слова. Вологда, 2015. 360 с.

соль (пожелание доброй трапезы, с 1618 г.); *Богъ помочь* (благопожелание, зафиксировано в «Грамматике» Лудольфа); *пожалуи* (так начинается просьба, 1618 г.); *прости* (извинение, начало XVII в.)⁴⁹.

Тенденцию к увеличению своего числа испытывали лишь видовые названия. Что же касается родовых слов, то наблюдается даже некоторое их сокращение за счет утраты архаичных лексем, перехода в пассивный словарь книжных обозначений, универсализации стилистически нейтральных наименований. Новые родовые обозначения появляются лишь в тех группах, где они ранее отсутствовали, так в конце XVIII в. возникает название *головной убор* (вместо прежнего универсального *шапка*), в XVII в. появляется слово *посуда* (вместо *посудье*) и т. п. Инновации старорусского периода – это в основном видовые слова, они имеют прозрачную внутреннюю форму и образованы с помощью продуктивных словообразовательных моделей.

В ряде случаев наблюдается закрепленность номинативных признаков и словообразовательных средств за определенной группой названий, например, общие названия одежды сформировались главным образом за счет суффиксального способа от глагольных основ (*покров*, *одежда*); названия, образованные по материалу или цвету ткани, обозначают чаще всего несколько типов одежды, имеющих один общий признак, ср.: *сукня* 1) ‘суконная свитка’, 2) ‘суконный кафтан’, 3) ‘шуба, крытая сукном’; названия футляров образованы от глаголов, указывающих на укрытие чего-либо (*влагалище*), и от существительных, обозначающих укрываемые предметы (*игольник*); названия вместилищ из кожи и ткани с собирательным значением образованы с помощью суффиксов *-j-* (*веретье*, *рогозье*) или *-ищ-* (*веретище*); модель на *-ник-/ниц-* свойственна названиям сосудов для умывания и вместилищ для косметических средств (*рукомойник*, *белильница*); суффикс *-иц-* закрепился за названиями вязаных и плетеных изделий, то есть рукавиц и рогож (дубленница ‘рукавица, вязанная из шерсти и обшитая кожей’; лапотница ‘тип рогожи, плетенной наподобие лаптя’). В именованиях разных типов предметов, имеющих какой-либо общий признак, иногда использовались одни и те же мотивировочные признаки, например, по материалу, по отношению к другому предмету, что порождало омонимию наименований, ср. *верхница* и *исподка* как названия рубашек и как названия рукавиц.

В язык Московской Руси, продолжая ранее обозначившуюся тенденцию, вливаются в основном тюркские названия. В XVI в. начинают появляться западноевропейские слова, в основном через польское посредство. Со второй половины XVII в. наблюдается приток прямых заимствований из немецкого, итальянского и других западноевропейских языков (*юбка* и др.). Заимствования из тюркских, тунгусо-маньчжурских языков в соседние русские говоры

⁴⁹ См. подробнее: Судаков Г.В. Речевой этикет устного общения в Древней Руси // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. Сб. статей. Рязань, 2017. С. 93–101.

были, по-видимому, значительными, так как связи соседних народов носили не случайный, а сознательный и возрастающий характер. Известно, что для общения с аборигенами русские служилые люди и купцы учили местные языки. Слова, усваиваемые в результате непосредственных контактов русских с населением соседних территорий, часто обозначали предметы, характерные для быта всех сословий. Наоборот, названия предметов, привозимых из-за рубежа послами или купцами, усваивались в первую очередь в дворянском быту.

Особая развитость уменьшительных образований в старорусской письменности (*волосничишко* ‘женский головной убор’, *каптурик* ‘головной убор, тип шапки’, *лохонишко* ‘одежда, чаще рабочая’, *ногавичишка* ‘тип чулок’ и др.) – это не просто реализация потенциальных возможностей русского словообразования, но прежде всего характерная особенность устного и письменного общения, специфика старорусского речевого этикета, для которого было свойственно варьирование языковых средств в зависимости от отношения содержания речи к ее адресату или адресанту, то есть одна и та же реалия, не меняясь в своих признаках, могла получать характеристику, далекую от объективной оценки свойств предмета. Привносимые в таких случаях в семантику слова дополнительные оттенки имеют повторяющийся, этикетный характер.

На развитие бытовой и производственной лексики серьезное внимание оказывали социально-культурные и иные условия эпохи. Известная подвижность семантики наименований женской верхней одежды объясняется более быстрой изменчивостью женской одежды по сравнению с другими разновидностями платья. Результативность лексико-семантических процессов корректировалась факторами культурно-исторического характера, например, в преднациональный период наступало время короткой одежды, поэтому названия длиннополой верхней одежды постепенно сокращаются в употреблении, переходя в разряд диалектных или просторечных обозначений крестьянской одежды: *кафтан*, *зипун*, *однорядка*; отбор короткополой одежды заканчивается победой иноязычного слова *куртка* для одежды с рукавами и исконной лексемы *безрукавка* для одежды без рукавов.

Постоянное стремление говорящих к разнообразию, особенно если используемый язык функционирует на значительной территории и не имеет систематической кодификации, способствует развитию фонетико-словообразовательных вариантов: *варги* – *варенги* ‘шерстяные рукавицы’. Вариативность фонетического облика характерна в первую очередь для заимствованных слов, по-разному осваиваемых на разных территориях (*кумган* – *кунган* – *кубган* и пр.), но не лишены вариативности и некоторые исконные элементы (*братина* – *братена*). Часть вариантов имеет отчетливо выраженный территориальный характер: *пестерь* – северорусское, *пещерь* – средне- и южнорусское, *рукомой* – северное и среднерусское, *рукомойка* – северо-восточное. Обращает на себя внимание наличие пар мужского и женского рода, которые различались в семантическом или стилистическом отношении: *ароматник* ‘углубление в предмете для хранения ароматических веществ’ – *ароматница* ‘сосуд для ароматических веществ’.

Конкретное протекание процессов определялось составом лексико-семантической группы, от этого зависел семантический и стилистический статус слова, активность и продолжительность его функционирования в языке. Например, в группе названий кухонной посуды после выхода из общерусского употребления лексемы *веко* изменились семантические отношения между словами *сковорода* и *противень*: старорусское разграничение по объему (от большего к меньшему) *противень – веко – сковорода* заменилось разграничением по объему и форме: *противень* ‘большая четырехугольная емкость для приготовления пищи’ – *сковорода* ‘небольшая круглая емкость для приготовления пищи’.

Интересно соотношение родовых и видовых наименований в составе лексики. Наблюдается специфика в способах пополнения родовых наименований в зависимости от жанрово-стилевой сферы употребления: в деловой письменности были распространены составные наименования позднего происхождения (*тинейная посуда, распивочные суды*), в книжной речи чаще используются слова, утратившие денотативную опору в предмете и выражающие в условно-обобщенном виде идею ‘посуда’: *сосуд, чаша*. Иногда на первом этапе формирования однословного родового наименования оно функционирует как собирательное существительное (*посудье* – с XVI в.), но затем отпадает необходимость в специальном форманте, подчеркивающем идею обобщенности, множественности, и слово в обычном виде (*посуда*) начинает выражать родовое значение.

С точки зрения жанрово-стилевых качеств заметно различались между собой с этой стороны родовые и видовые названия. Конкретные наименования сравнительно редко используются в художественных текстах, причем даже здесь они не выстраиваются в синонимические цепи, как это характерно для родовых названий. Стилевые качества слов тоже зависели от экстралингвистических обстоятельств. Так, архаично-книжные элементы отмечаются среди названий столовой посуды, но их мало в наименованиях русской погребной посуды из дерева. Названия умывальных сосудов *умывальница, рукомыя, рукомойница, глек, лекань* имели отчетливо выраженный архаично-книжный характер, что связано с христианским культовым обычаем омовения рук.

Наблюдается закрепленность отдельных слов за тем или иным типом контекста. Отдельные значения полисемантических слов также закрепляются за определенным типом контекста, поэтому в совокупности лексических значений старорусского слова можно выделить контекстуально-связанное значение, проявляющееся в контекстах определенного содержания и известных стилистических качеств, ср. *риза* ‘одежда вообще’ в художественных и религиозно-описательных сочинениях и *риза* ‘облачение священника’ в других контекстах, например деловых. Литературно-художественные тексты, а не церковная книжность начинают все чаще выступать в качестве лаборатории семантико-стилистических проб и экспериментов, но в основном это касается общих наименований. В деловой речи происходил отбор лексем из разговорного фонда конкретных названий. Именно деловой речи принадлежала первенствующая роль в формировании повседневного русского словаря.

2.3. Типология лексических групп как перспектива сравнительно-сопоставительных исследований лексики в славянских языках

Системная организация лексики обусловлена функциональными свойствами языка. Признание системных начал в организации лексико-семантического уровня языка обусловило выбор основного объекта синхронной и диахронной лексикологии: таковым является лексико-семантическая или тематическая группа в ее эволюции. Исходной единицей анализа, конечно, остается слово и набор словосочетаний с этим словом. Семантический объем слова, особенно исторического, выявляется только в сочетаемости. Сравнение российского опыта с практикой историко-лексикологических исследований других славянских языков, особенно в отношении роли текста, было бы чрезвычайно полезно.

Задачи лексикологии в трудах отечественных ученых постепенно усложнялись. Оценим следующие мнения: 1) «...только в предложении получают свое значения отдельные слова... каждое отдельное слово суть не что иное, как живые члены целого живого состава, именуемого предложением»⁵⁰ – Буслаев прав: сочетаемость слова в контексте – надежный прием для выявления значений слова; 2) «Далекая цель исторической лексикологии – выяснение таких компонентов словарной системы языка, которые в истории их развития эволюционируют единым фронтом, т. е. обнаруживают прочные, устойчивые связи... Когда такие устойчивые группы будут намечены, следующая задача исторической лексикологии – установить их взаимодействие...»⁵¹. Этим высказыванием Б.А. Ларин наметил перспективы системного исследования истории словарного состава, что стало принципиально новым явлением в теории исторической лексикологии славянских языков.

В исторической лексикологии слово изучается во многих аспектах. Длительное время преобладал динамический аспект, т. е. регистрация количественных изменений в лексике и констатация наличия или отсутствия известных слов на нескольких синхронных срезах. Сейчас утверждается ономасиологическое и семасиологическое изучение исторической лексики, что влечет за собой закрепление системного подхода. Больше внимания уделяется внутрисловным связям значений, внутригрупповым семантическим связям слов, формальному и семантическому варьированию лексем. Укрепляющийся функциональный аспект направлен на законы исторической жизни слова, на особенности его бытования в языке разных эпох, на выявление основных тенденций и закономерностей в длительном и непрерывном развитии словарного состава языка.

⁵⁰ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1959. С. 21.

⁵¹ Ларин Б.А. Историческая лексикология // История русского языка и общее языкознание. М, 1977. С. 12–13.

Учет функциональных свойств лексики позволяет определить основные тенденции развития лексических групп и причины, которые привели к формированию современной системы номинации как наиболее оптимальной, соответствующей коммуникативно-прагматическим требованиям, контексту речи и характеру общения. При описании исторической лексики требуется разграничение социальных функций отдельных групп, семантических и референциальных функций, а также системно-языковых функций, связанных с отношениями и зависимостями лексических единиц разных множеств.

Семантико-функциональные исследования позволяют определить характер и направление лексико-семантических и стилистических изменений. Далее будут использованы результаты лексико-семантического описания лексики, представленные нами в опубликованных работах⁵².

1. Оценим количественный состав словаря в разные исторические эпохи. Сравнивая словарный состав языка в соседствующие исторические периоды, например древнерусский XI–XIV и старорусский XV–XVII вв., исследователи фиксируют резкое увеличение количества и объема тематических групп.

Каковы же на самом деле изменения в словаре языка Московской Руси? Прежде всего учтем разный объем и неодинаковые информативные качества текстов, написанных до XV в., с одной стороны, и источников XVI–XVII вв. – с другой. Так, преобладающее число уменьшительных образований отмечено в актах XVI–XVII вв. Особая развитость уменьшительных образований в старорусской письменности (*волосничишко* ‘женский головной убор’, *каптурик* ‘головной убор, тип шапки’, *лохонишко* ‘одежда, чаще рабочая’, *ногавичишка* ‘тип чулок’ и др.) – это не просто реализация потенциальных возможностей русского словообразования, но прежде всего характерная особенность устного и письменного общения, специфика старорусского речевого этикета, для которого было свойственно варьирование языковых средств в зависимости от отношения содержания речи к ее адресату или адресанту, то есть одна и та же реалия, не меняясь в своих признаках, могла получать характеристику, далекую от объективной оценки свойств предмета. Привносимые в таких случаях в семантику слова дополнительные оттенки имеют повторяющийся, этикетный характер.

Но и в этом случае количественное увеличение словаря – реальное явление истории языка. Изучаемый период появляются абсолютно новые группы названий: это именования передников, посуды для специй, небольших бондарных сосудов и др.; увеличивается группа названий короткополой одежды, число названий карманов; начинает сокращаться список названий «питных медов» в связи с сокращением добычи бортного меда, но постепенно, начиная с XVI века, развиваются названия зерновой водки. Как видим, динамика лексики зависит от смены форм цивилизации, развития технологий. Лексика пре-

⁵² Судаков Г.В. История русского слова. Вологда, 2010. 336 с.; Его же. История русского слова. 2 изд., доп. Вологда, 2015. 360 с.

дельно антропоцентрична по сравнению с другими уровнями языка, что в равной мере проявляется в развитии любого славянского языка.

Издание специально подготовленной к XVI Международному съезду славистов коллективной монографии, где есть разделы «Историческая лексикология славянских языков» и «Историческая лексикология русского языка»⁵³, является хорошей базой для сравнительно-сопоставительных исследований лексики славянских языков.

В связи с развитием устного речевого этикета в русской речи появляются формулы, которых не было в письменном этикете: *бью челом* (выражала не только просьбу, но приветствие и благодарность); *здравствуй* (приветствие и пожелание здоровья, как установка на гармоничный диалог, фиксируется с 1586 г.); *спаси бо* (из *Спаси, Богъ*); *С Богомъ!* (напутствие в дорогу); *Хлеб да соль* (пожелание доброй трапезы, с 1618 г.); *Богъ помочь* (благопожелание, зафиксировано в «Грамматике» Лудольфа); *пожалуи* (просьба о чем-либо напоминает древнерусское челобитие о пожаловании, 1618 г.); *прости* (извинение, начало XVII в.). См. подробнее в нашей работе далее.

2. Следующее свойство старорусской лексики – это своеобразные отношения между видовыми и родовыми словами. Тенденцию к увеличению своего числа испытывали главным образом видовые названия. Инновации старорусского периода – это в основном видовые слова, они имеют прозрачную внутреннюю форму и образованы с помощью продуктивных словообразовательных моделей.

Иногда на первом этапе формирования однословного родового наименования оно функционирует как собирательное существительное (*посудье* – с XVI в.), но затем отпадает необходимость в специальном форманте, подчеркивающем идею обобщенности, множественности, и слово в обычном виде (*посуда*) начинает выражать родовое значение.

3. Следующее, что следует сравнить, – это хронология и содержание процессов заимствования иноязычных слов.

Давление европейской цивилизации и трех западноевропейских гегемонов – немецкого, французского и английского языков – на разные славянские языки не было одинаковым: играли свою роль и количество носителей языка, и территориальная удаленность от европейских столиц, и степень сопротивляемости этноса иноземному воздействию, и другие факторы. Германизмы Россия лучше усваивала через польское посредство, а не напрямую, играла свою роль возможность общения рядом проживающих народов.

4. Полагаем, что представляет интерес проблема соотношения корневых и производных слов и процессе их усвоения русским языком. Так, в русском обычный путь включения в язык слова и его производных восстанавливается в следующем виде: после непродолжительного одиночного функционирования у слова возникает диминутив, отличающийся оттенком значения. Но при

⁵³ Лексикография и лексикология славянских языков. Международный коллективный труд / отв. ред. М.И. Чернышева. М., 2017. 879 с.

значительной близости языков, совпадения в них словообразовательных моделей возможно было одновременное усвоение основного слова и диминутива, так перешли в русский язык в первой половине XVI в. из польского *фляга* и *фляжка*. На следующем этапе происходит десемантизация диминутива с утратой оттенка уменьшительности и приобретением способности обозначать модифицированный вариант или новый тип реалии, при этом начальная форма может перейти в разряд архаично-книжных слов, утратить в значительной степени конкретное значение и приблизиться по характеру семантики к общему именованию. Одновременно происходит развитие вторичного диминутива по соответствующей модели, ср. историю слов *чаша* – *чашка* – *чашечка*, *чара* – *чарка* – *чарочка* и др. Нередким было и такое развитие процесса, как утрата первичного диминутива и увеличение престижности вторичного диминутива. Иногда основное слово имело локальное распространение, зато его производные с уменьшительным значением были склонны к общерусскому употреблению. Так, слово *ларь* представлено лишь на северорусской территории, а *ларчик* ‘небольшое по размеру вместилище для ценностей’ имел общерусскую известность, последнее обстоятельство могло сыграть известную роль в приобретении общерусского характера словом *ларь*. Таким образом, диминутивы вели более или менее самостоятельную жизнь в языке, не всегда зависимую от характера основного слова. Это явление замечено и в других славянских языках.

5. Семантическое развитие исследуемой лексики осуществлялось по следующим основным направлениям: специализация наименований, преодоление семантической перегрузки слов; отбор средств, сочетающих семантическую определенность с широкой сферой употребления и территориальной неограниченностью; расширение в употреблении слов, денотат которых получил общественное признание, и арханизация слов, утративших денотативную опору; жанрово-стилевая дифференциация лексем. Специализация значения сокращала функциональные возможности слова, сферу его употребления. Кроме того, каждая тенденция лексико-семантического развития имела свою антитенденцию, действующую с неравной силой, что обеспечивало непрерывность развития разных участков лексики, например, тенденция к специализации (семантической определенности) наименований сталкивалась с метафорическим способом номинации, благодаря чему создавался избыток лексических средств, ср.: общее *ковш* и конкретные названия ковшей *наливка*, *питушка* и т.п.

Чем выше семантическая организация лексико-семантической группы, тем больше у нее шансов для длительного существования. Например, группа старорусских названий денежных мешочеков *мошна*, *калита*, *зепь*, *карман*, *хамьян*, *чаг* имела родо-видовую иерархию, синонимические связи, дифференцированные значения, четкие словообразовательные связи между составными и однословными наименованиями. Многие слова этой группы были усвоены языком национального периода. Определенное влияние на степень семантической связанности лексем оказывал генетический фактор: названия

рукавиц, передников, футляров и др., возникшие в основном на русской почве, отличались значительной семантической организованностью.

6. Целесообразно было бы сравнить и жанрово-стилевые различия в лексических группах: это, как уже сказано, соотношение родовых и видовых называний, это жанрово-стилевая дифференциация слов, в том числе однокоренных, внутри лексико-семантических групп, это закрепленность отдельных слов или отдельных значений полисемантических слов за тем или иным типом контекста. Синонимичность в книжно-церковных и художественных текстах была развита в большей степени, чем, например, в деловой письменности. Уже в XVII в. литературно-художественные тексты начинают выступать в качестве лаборатории семантико-стилистических опытов в сфере общих наименований, а в деловой речи происходит отбор конкретных названий из устного разговорного фонда. Конечно, этот процесс характерен и для других славянских языков, хотя установление национальной литературной нормы эти народы переживали в разное время, как и становление нации.

7. Полагаем, что проведение сравнительных исследований позволило бы также сблизить и упорядочить терминологию, используемую в национальных славянских лексикологиях.

Добавим, что представляется перспективным сравнительно-сопоставительное изучение разных групп предметно-бытовой лексики и по таким критериям, как модели семантической деривации или типы полисемии, уровень диффузности семантики слов и т. п. Далее следует провести типологическое сопоставление фреймов в разных функциональных разновидностях русского языка: письменной литературной речи и диалектах, исследовать эволюцию лексического состава с учетом его деривационного потенциала и территориальной дифференциации. В результате может быть создана типология лексических групп русского языка, установлена степень их изменчивости, определены факторы и причины этой изменчивости. Подобные исследования проводились на материале разных славянских языков, когда сравнивались лексиконы нескольких современных языков⁵⁴. Наши наблюдения связаны с диахронной лексикологией, см. примеры использования описанной методики⁵⁵. Проведение сравнительного исследования состоит в сопоставлении предварительно исследованных лексико-семантических групп или фреймов по сформулированному перечню критерии, выявление сходств и различий и составление типологии лексических групп. Интерес представляет и анализ типологических качеств одной и той же группы в разные исторические периоды и выявление таким образом исторических тенденций и направлений развития лексической системы русского языка.

⁵⁴ Кретов А.А., Меркулова И.А., Титов В.Т. Проблемы квантитативной лексикологии славянских языков // Вопросы языкоznания. 2011. № 1. С. 52–65; Круглякова В.А., Рахилина Е.В. Глаголы вращения: лексическая типология // Труды международной конференции «Диалог 2010». М., 2010. С. 241–247; Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкоznания. 2013. № 2. С. 3–31.

⁵⁵ Судаков Г.В. Типология лексических групп русского языка // Вестник Рязанского государственного университета. 2017. № 2. С. 76–89.

2.4. Эволюция формул устного речевого этикета в XVI–XVII вв.

Данная работа является первым опытом изучения динамики речевого этикета в условиях устного общения с середины XVI в. до начала XVIII в. В качестве материала исследования используются словари-разговорники конца XVI – начала XVII вв. Зафиксирована эволюция и хронология появления основных этикетных формул, установлено влияние бытовой культуры и письменных образцов на устный этикет.

В «Мыслях об истории русского языка» И.И. Срезневский писал: «...история русского языка представляется связью нескольких историй отдельных, и две главные из них – история языка простонародного и история языка книжного, литературного. На ту и на другую филолог должен обращать внимание отдельно. И так как жизнь языка в книге возможна только потому, что есть или была жизнь языка в народе, то историю народного языка он должен изучить прежде и даже более, чем историю книжного»⁵⁶.

Русский речевой этикет, то есть нормы и правила ведения диалога, в зависимости от формы речи также подразделяется на этикет устного общения и этикет письменного общения⁵⁷.

На «русский речевой этикет» первым обратил внимание В.Г. Костомаров⁵⁸, имея в виду прежде всего ситуации устного общения. Устный речевой этикет современности наблюдается исследователями систематически с последней четверти XX века⁵⁹. Устный речевой этикет прошлого исследуется преимущественно по его фиксациям в письменной художественной речи XIX–XX вв.⁶⁰ В ряду этих исследований особое место занимает монография Н.С. Гребенщиковой «История русского приветствия», отличающаяся глубиной ретроспективы и высоким научным уровнем⁶¹, однако фактическая основа этой работы, в отличие от нашей статьи, – не памятники народно-разговорной речи, а восточнославянский фольклор и письменные памятники официального и делового характера. Богатую коллекцию фактов XIX–XX вв. (около 6000

⁵⁶ Срезневский И.И. *Мысли об истории русского языка*. М., 1959. С. 38.

⁵⁷ Стернин И.А. *Русский речевой этикет*. Воронеж, 1996. С. 3.

⁵⁸ Костомаров В.Г. *Русский речевой этикет* // *Русский язык за рубежом*. 1967. № 1. С. 56–62.

⁵⁹ См., например: Формановская Н.И. *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*. М., 1987. 158 с.; Ее же. *Культура общения и речевой этикет*. М., 2005. 250 с.

⁶⁰ Луцева О.А. *Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох (конец XIX – первая четверть XX века)*: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1999. 151 с.; Тупикова С.Е. *Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на материале текстов XIX–XX вв.)*: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 206 с.; Лю Минлин. *Фигуры речевого этикета в динамике русской лингвокультуры (на материале художественных текстов конца XIX – первой трети XX века)*: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 164 с.; Бирюлина А.И. *Эволюция русского речевого этикета (на материале художественной литературы XIX–XXI веков)*: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 200 с.

⁶¹ Гребенщикова Н.С. *История русского приветствия (на восточнославянском фоне)*: монография. Гродно, 2004. 306 с.

слов и выражений) собрал и исследовал А.Г. Балакай⁶², причем некоторые из зафиксированных им формул складываются уже в старорусский период.

Изучение речевого этикета в письменной речи древности, особенно в деловой письменности, – дело реальное, проверенное временем и накопившее хорошие традиции⁶³. Весьма интересна предпринятая Е.И. Зиновьевой попытка описания на материале текстов XVI–XVII вв. отдельных речевых интенций и некоторых моделей речевого этикета (обращение и приветствие, просьба и пожелание, благодарность⁶⁴. Для Е.И. Зиновьевой важно было отметить взаимовлияние формул этикета в деловых памятниках и в разговорниках той же эпохи.

Для исследования речевого этикета письменного общения есть источниковая база, насчитывающая десятки тысяч письменных памятников разного рода. Сложней обстоит дело с изучением устных форм речи. Но письменность, которая тематически многообразна, роды и виды которой исчисляются десятками, может отражать не только развитие государственности, смену социально-экономических условий, но и эволюцию культурных форм. Имеются и такие памятники, которые обслуживали культуру повседневности, фиксировали «обыходный язык», ежедневные ритуалы устного общения.

Истоки русского речевого этикета наблюдаются в живой разговорной речи древних новгородцев, которую частично отражают частные письма XI–XV вв., выполненные на бересте. Значимость этих источников для изучения живой речи несомненна, что блестяще доказал академик А.А. Зализняк⁶⁵. Как установлено нами ранее, в берестяных грамотах частного содержания XI–XVI вв. иногда фиксируются характерные для устной речи лаконичные представления адресата и адресанта (имя, степень родства и – реже – указание социального статуса), обычай поклонения (*поклонение, поклонь, кланяюся*), речевые обороты усиления просьбы (*попечалуете, добро сътвори*), формулы приветствия и прощания, обороты выражения благодарности⁶⁶. Отметим, что в древнерусский период в общении еще не было установленной в XVI–XVII вв. тра-

⁶² Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. 672 с.

⁶³ См., например: Волков С.С. Стилевые средства деловой письменности XVII века: На материале челобитных. СПб., 2006. 342 с.; Чашнина Е.А. Речевой этикет деловых текстов Московского государства. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 24 с.

⁶⁴ Зиновьева Е.И. Коммуникативно-семантические группы единиц речевого этикета в обыденном языке Московской Руси // Русское слово в историческом развитии. Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXV Международной филологической конференции. СПб., 2006. С. 30–38. Позже текст опубликован в монографии: Зиновьева Е.И. Очерки по фразеологии обыденного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2012. С. 26–34.

⁶⁵ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное. М., 2004. 872 с.

⁶⁶ См. подробнее: Судаков Г.В. Речевой этикет устного общения в Древней Руси // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сб. статей Международной научно-практической конференции, 21–23.09. 2017 г. / отв. ред. Е.П. Осипова. Рязань, 2017. С. 93–101.

диции желать здоровья, провозглашать здравицу, задавать вопрос о состоянии здоровья собеседнику и сообщать о своем здоровье⁶⁷.

В качестве источников исследования привлекаются тексты словарей-разговорников XVI – начала XVIII вв., созданных иностранцами, приезжавшими в Россию по разным поводам: дела посольские, торговые и иные. Содержание словарей-разговорников очень разнообразно: в их составе и словарики-«азбуковники», и диалоги-«разговоры», и записи пословиц, и грамматические справки. «Записи иностранцев» – так их называл Б.А. Ларин, первый исследователь подобных текстов. Разговорники воспроизводят ситуации бытового общения, начиная от приветствия и входления в речевой контакт до сцен благодарностей и прощания. К настоящему времени открыто и издано 15 подобных текстов, из них в свое время Б.А. Ларин впервые опубликовал как наиболее научно значимые три: Парижский словарь московитов 1586 г., Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.), Генрих Вильгельм Лудольф. Русская Грамматика (1696 г.).⁶⁸

Речевое взаимодействие людей носит социокультурный характер, поэтому при повторяющихся ситуациях общения формируются устойчивые речевые образцы – этикетные формулы. Эти речевые интенции проявляются в типизированных речевых актах, перечни которых в настоящее время насчитывают более десяти единиц. Мы используем для обозначения единиц речевого этикета традиционное обозначение «формулы речевого этикета», хотя считаем допустимым и более новый термин «коммуникативно-семантические группы», который Н.И. Формановская определяла как «совокупности коммуникативных языковых единиц, типизировано выражают те или иные смыслы речевых интенций»⁶⁹. Лексема «группа» вызывает ассоциации с «лексико-семантической группой», но разница в том, что «коммуникативно-семантическая группа» реализуется в виде фразеологизма, в котором могут варьироваться какие-то части при сохранении смысла: *Бог в помощь – помогай Бог – с Богом*.

Наша работа является опытом изучения процесса формирования речевого этикета в условиях устного общения, хронологические границы исследования: середина XVI в. – начало XVIII в. В качестве единиц анализа избираются этикетные формулы: приветствие, обращение, приглашение к столу и речевые обычаи застолья, средства поддержания гармоничного диалога при обсуждении бытовых тем, выражение благодарности, прощание и т.д. Выполняя коммуникативную функцию, единицы речевого этикета позволяют регулировать общение (устанавливать контакт), опознавать (идентифицировать) адресата и апеллировать к собеседнику. В качестве гипотезы исследования выдвигается идея эволю-

⁶⁷ Отин Е.С. «За сим паки здравствуй!» // Русская речь. 1981. № 3. С. 102–107.

⁶⁸ Все названные тексты цитируются по изданию: Ларин Б.А. Три иностранные источники по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. 686 с.

⁶⁹ Формановская Н.И. О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях // Русский язык за рубежом. 1986. № 3. С. 74.

ции основных этикетных формул (обращения, приветствия, благодарности и т.д.) под влиянием меняющейся бытовой культуры и письменных форм общения.

Двуязычные словари-разговорники XVI–XVII вв., составленные иностранцами, имели целью зафиксировать именно стереотип устного общения в диалогическом формате, то есть конструкции устного речевого этикета. Тексты в разговорниках – это записи наиболее актуальных и часто воспроизводимых выражений, повседневных разговоров; ритуал общения в них фиксируется от момента приветствия и установления контакта между собеседниками до момента благодарности и прощания. По мнению Б.А. Ларина, «едва ли не самой интересной частью всех трех изучаемых... источников является их фразеологический материал, изобильный и в значительной части не имеющий параллелей в письменности XVI–XVII вв.»⁷⁰. Исследуемый нами этикетный комплекс – это преимущественно фразеологизмы разной степени сращения.

Выбранные для анализа тексты не повторяют друг друга, а показывают динамику развития этикетных формул. Традиция составления двуязычных разговорников может быть отнесена к XIII–XIV вв., когда Великий Новгород и Псков начинают торговые отношения с ганзейскими городами Германии. Если оценивать качество фактического материала применительно к территории, то известно место записи: Псков, Холмогоры, Москва, причем есть точные даты записи.

Охарактеризуем несколько подробнее каждый из выбранных памятников. В русско-немецком разговорнике (*Ein Rusch Boeck*) в редакции 1568 г. (Сл. 1568), кроме словарной, есть фразовая часть: это нормы и речевые формулы, которые нужно использовать при ведении торговых операций и в повседневном быту. В *Парижском словаре московитов* 1586 г.⁷¹, по мнению Б.А. Ларина, «все записанное было достоянием живого языка в конце XVI века».

К началу XVII в. относится русско-немецкий словарь-разговорник, составленный купцом Томасом (Тенисом) Фенне. Впрочем, краковские русисты (Анна Болек) считают возможным отнести время его создания к середине XVI века. Для составления словаря использованы два источника: 1) наверняка, это живая речь Пскова, который часто посещал Фенне; 2) вероятно, несохранившиеся словари ганзейских купцов – предшественников и современников Фенне, у которых он и мог списать некоторую часть своего разговорника. В отличие от первых двух разговорников, содержащих в основном отдельные слова, значительную часть книжки Фенне составляет «Разговорник», в нем выделены две части: 1) бытовые разговоры; 2) деловые разговоры: *как надобъ немчиноу с роусином торговат, товар коупит или менят товаро против товароу* (Фенне, с. 320).

⁷⁰ Ларин Б.А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. 686 с.

⁷¹ Парижский словарь московитов 1586 г. // Ларин Б.А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 21–174.

Следующий памятник – это «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)», который, по мнению Б.А. Ларина, «по праву заслуживает достойное место среди немногих памятников XVII в., широко и относительно точно отражающих разговорный язык Московской Руси» (Джемс, с. 177). Надо добавить, что Ричард Джемс как ученый капеллан очень добросовестно собирал материал и фиксировал при возможности несколько фразеологических вариантов одного речения. Прагматические задачи, которые решал составитель словаря, и его собственный положительный эмоциональный настрой выражает парадигма спряжения глагола *люблю* в настоящем и прошедшем временах в самом начале памятника (Там же, с. 214). «Из Англии – с любовью» – замечательная установка для отбора речевого материала для словаря. Но уже на первых страницах составитель предупреждает о том, что в русской речи есть не только *ласково слово* «приветливое слово» (Там же, с. 292), но и *деревенские слова*, то есть «оскорбительные и непристойные» (Там же, с. 244). Поэтому собеседникам рекомендуется *поскрести слово* «смягчить слова, чтобы они казались дружескими, благосклонными» (Там же, с. 310). В словаре Джемса особенно заметно разнообразие учтенных ситуаций общения и соответствующих им этикетных выражений.

В «Русской грамматике» Лудольфа обращают внимание два обстоятельства: 1) выбраны наиболее необходимые для общения речевые элементы и подробнее разработаны диалоги; 2) учтены синонимы, позволяющие в зависимости от ситуации варьировать этикетные формулы; по Ларину, «фразеологический материал Лудольфа почти целиком свежий, единственno у него зарегистрированный для конца XVII в. и до сих пор в оборот наших исследований по истории русского языка не принятый»⁷². К сожалению, так остается и до сих пор. В качестве приложения к «Русской грамматике» Лудольфа Б.А. Ларин опубликовал «Руковедение в грамматику во Славянороссийскую: Ко употреблению учащихся Языка Московского». Эта книга была подготовлена Ильей Копиевичем и издана в 1706 году. Здесь есть восемь русско-латино-немецких «разговоров».

Рассмотрим основные речевые формулы, первая из которых – приветствие. В разговорнике 1568 г., например, хорошо представлена фразеология повседневного приветствия (приведем в кириллической аллитерации): *доброфто, доброи ден, доброи ветчерь, добра нотч* (Сл. 1568, с. 20а). Лаконичное *челом!* в этом разговорнике является примером компрессии традиционного *бью челом*. Дальше увидим, что формула *бью челом* выражала не только просьбу, но и приветствие, и благодарность.

С формулами приветствия начинается словарь 1586 г. Пожелание добра с надеждой на милость Бога – традиция русского речевого общения, которая

⁷² Ларин Б.А. Три иностранные источники по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 534–535.

фиксируется в берестяных грамотах и продолжает развитие в эпоху средневековья. Фраза с пожеланием добра и милости от имени Бога повторяется неоднократно: *Бох даи добраи вечер. Добраи ночи сударь* (Сл. 1586, с. 62); *7. Как те бох милует* (Там же, с. 63).

В иллюстративном материале грамматики Лудольфа (1696 г.) есть раздел «Розличные речи простие», где представлены приветствия и благодарности: *Здравствуи; Как тебя богъ милует – Спасибо, я не гораздо здоровъ* (Лудольф, с. 569).

Первые три разговора в книге Копиевича (1706 г.) объединены темой приветствия. Здесь довольно много синонимических приветствий, которые мы сводим в две группы: 1) пожелание добра: *Добрый день. – Слава Богу (Слава творцу небесному); Желаю тебе доброго дня – Такова жъ и я тебе желаю; Буди тебе добро севодне (Сей вечеръ буди тебе щасливыи) – И тебе не худо буди (И тебе благополучныи);* 2) пожелание здоровья: *Здравствуи – Здравствуи и ты; Зело здравствуи – И ты толико здравствуи; Здравъ буди ты – Ты такожде здравствуи; Здравия тебе желаю – Тако жъ и я тебе желаю; Здравиемъ тя дарю – Я тебя такожъ; Повелеваю тя здравствовать – Я такожде тебя* (Копиевич, с. 631–632). Из этих примеров очевидно, что русское приветствие с пожеланием добра или здоровья – это скорее благопожелание, чем простое приветствие, причем реплики собеседников обязательно содержат повторы, они симметричны и синтаксически, и семантически.

В состав многих этикетных выражений входило обращение. Популярны были в конце XVI века, как свидетельствует словарь 1586 г., обращения *(о)сударь, (о)сударыня* – производные от *государь, государыня*. До сих пор исторические словари фиксировали их первое употребление в письменности, начиная с 1619 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 28, с. 253–254). По мнению С.С. Волкова, « обращения *государь (государыня)* в повествовательной и просьительной частях человитных является одним из этикетных средств, выражающих экспрессию почтительности и униженности»⁷³. Кроме этого, в данный разговорник включены обращения *добраи цалавек, добрая жена* (Сл. 1586, с. 69), *милай друг; мила подруга* (Там же, с. 79), которых нет в официальной письменности. Судя по данным словаря, *челом бью* становится частым оборотом речевого этикета, причем в значении «благодарю»: *Я тебе за то дело чолом бью чете мене седелал* (Там же, с. 63).

Обращения, употребляемые в разговорнике Т. Фенне, в основном заимствованы из терминологии родства, что сближает собеседников и должно подчеркивать доброе отношение к собеседнику: *матука, батука* (Фенне, с. 196); *братуке* (Там же, с. 197); *братке* (Там же, с. 200); *ненка* (Там же, с. 228).

⁷³ Волков С.С. Стилевые средства деловой письменности XVII века: На материале человитных. СПб., 2006. С. 89.

В записках Р. Джемса находим рекомендации по поводу формы обращения: *судáрь, судáрыня* (Джемс, с. 237); *мила моя судáрыня* (Там же, с. 274), причем в большинстве зафиксированных слов проставлено ударение.

Отличительная черта русского общения, зафиксированная уже в эпоху средневековья – благопожелания, обычно связанные с благодарностью. Словварь 1568 г. начинается с серии благопожеланий (пожелание помочи Бога в делах и пожелания здоровья): *Бох на помотч, здорово ли тебе на дворе, аще Бог дал всо здорово, аще Бох помиловал?* (Сл. 1586, с. 20а). Эти факты позволяют констатировать, что в XVI веке развивается традиция сопровождать приветствие вопросами о здоровье и пожеланиями здоровья. Здравствование – новация этого периода, что фиксируется словарем 1586 г. в разных вариантах: *Даи бог здаровья* (Там же, с. 62); *Да бе здоровве аспондаре, Да бе здоровве аспондарина* (Там же, с. 62). Пожелание здоровья – часто отмечаемая формула в разных ситуациях: при встрече и прощании, в застолье: *Пей на здоровье* (Там же, с. 77).

Разговорник Фенне тоже начинается с благопожеланий (их 19), приведем их в кириллической расшифровке: *Бог пособи вас, Бог на помус, Бог дато, Помози бог, Помохаи бог, На жалование, Поди з Бохум, Бог блюди тебе, Заступи бог, Благослови тебе бог, Зжит вам, Доброффто, Добри ден, Добро ветчер, Добра нич, Добо здоровие, Даи бог так* (Фенне, с. 190). Обратим внимание, что пожелание доброго сна – это и пожелание здоровья (*спиши здорово, здорово спат*). Формула *Сохрани (блюди) тебя Боже* (Там же, с. 190) – это пожелание уберечься от беды, от болезни. Пожелания, связанные с именем Бога, могли подвергаться компрессии, почти до минимума: *Спаси бо, Богъ с тобой (с вами); С Богомъ!* Последнее произносилось как напутствие в дорогу или пожелание добра провожающим. Но был и специальный ряд пожеланий благополучной дороги: *Поди во имя Божье с богом. Бог тебе проводник* (Там же, с. 233). Многие добропожелания могли произноситься при встрече и при прощании. Кроме того, иногда благопожелание адресант обращает к себе: *Аще бог меня милует, здорово я к тебе приехал* (Там же, с. 193); *Даи асподи мне здорово спат* (Там же, с. 192); *Даи бог мне здорово спат* (Фенне, с. 251). Начиная с этого же разговорника фиксируется традиция выражать благодарность формулой *спаси Бог за что: спаси Бог на заловани; Спаси тебе Бог на великом жаловании* (Там же, с. 20а, 21); *Спаси Бог за дборо беседе* (Там же, с. 216).

Внимание Фенне привлекли пословицы своей краткостью и выразительной интонацией, их можно было удачно вставлять в торговый диалог: *Даи бог мне здорово спат да много добра дабыват да лиха <горя> збавит* (Фенне, с. 239). Интерес вызвали у иностранца русские пословицы шутливого и ироничного содержания, оппозиционные по отношению к благопожеланиям: *Говна тебе на нос* (Там же, с. 487); *Даи асподи тебе скорчило; Чорт тебе похвати; Твори тебе чорт за то* (Там же, с. 490). Зафиксировал Фенне и такое

шутливое благопожелание: *Не молви перво: как стара баба срат, ино молви: бог на помоч баба* (Фенне, с. 491).

Находят свое место благопожелания в записках Джемса (1618 г.): особо отметим впервые зафиксированное как пожелание доброй трапезы *Хлеб да соль* (Джемс, с. 254), похвальное славославие: *(и)сполать тебе* (Джемс, с. 251), пожелание здоровья: *Как ти владыко сохранеит?* (Там же, с. 297). Последнее выражение, по предположению Ларина, могло быть формулой начала беседы типа «Как поживаешь?»⁷⁴. Демонстрация интереса к состоянию здоровья, к самочувствию собеседника – это выражение расположения к адресату⁷⁵.

В «Грамматике» Лудольфа зафиксировано благопожелание: *Богъ помочь* (Лудольф, с. 570), уже прочно вошедшее в речевой обиход. Учитывая показания Лудольфа, можно считать, что синонимом к *спасибо* мог выступать оборот *челомъ бью*: *Пожалуи, садися. – Челомъ бью, я не устал; Изволиши с нами хлеба кушать? – Челомъ бью, дело мне* (Там же, с. 569). Записанные Лудольфом разговоры посвящены пожеланиям доброй ночи: *Буди тебе сия ночь щаслива – И тебе благополучна; Имеи себе добрую ночь – И ты то жъ не худую; Ночь сия вамъ буди благогодна – И тебе благополучна* (Там же, с. 632).

Очень важный элемент речевого этикета – контактные средства связи, средства поддержания гармоничного диалога. Так, в разговорнике 1568 г. появляются дидактические наставления, касающиеся организации беседы и уважительного отношения к собеседнику: *Говори по памети да по правде* (Сл. 1568, с. 7а.7). Характерно, что автор разговорника уловил, что в России участники торговых отношений проявляют не только официальную «купеческую» порядочность, но и свойственную русским приветливость, искренность и доброжелательность: *Ино ты прямой человек, дай Бог тебе долго жити* (Там же, с. 43).

В словаре 1586 г. есть обороты *добро говори* (Сл. 1586, с. 68), *добро делаши* (Там же, с. 69), *то мне любо – и мине то велико любо* (Там же, с. 112), которые являются формой поощрительной оценки для поддержания разговора. Обратим внимание на новый семантический компонент с корнем *люб-*, ср. еще: *говори про любовь* (Там же, с. 111); *любо ли тебе то сделать* (Там же, с. 127). Стремление к доброжелательному диалогу – это обязательное качество русской беседы.

Т. Фенне учел много примеров просьб, позволяющих регулировать процесс общения: *Пожалуи перемолчи ты мне одно слово* (Фенне, с. 239); *Бог твои речи не переимит, за тим и ты не переими мое рече, да дай мне до конца говорит* (Там же, с. 251); *Перестан: нишкни: сорум <срам> тебе таковыа слова молвим* (Там же, с. 252); *Чуму <почему> ты меня передраживаеш (переносиш): яз тебе не дурн <не дурак>* (Там же, с. 254).

⁷⁴ Ларин Б.А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 350.

⁷⁵ Гребенщикова Н.С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне): монография. Гродно, 2004. С. 25.

У Р. Джемса тоже учтены контактные средства связи, способствующие поддержанию и развитию диалога. Так, имелся оборот для переспрашивания или для акцентирования внимания на какой-то детали: *Как биш?* (Джемс, с. 291), отмечены специальные слова согласия: *ряжено, вут разжо* (Там же, с. 310).

Как считал Лудольф, выражение *Велико слово* – это тоже русское приветствие (Лудольф, с. 48), но мы оценим это скорее как похвалу собеседника в целях развития гармоничного диалога.

Самый главный повод для общения – это *просьба*. Обратим внимание при этом на желание расположить к себе собеседника, попросить у Бога милости для него, при этом почти всегда просьба начинается со слова *пожалуи*. Освоение этого слова в начале XVII в. начинает эпоху «пожалуйста» в русской речи: *Останси ты пожалуи здес* (Джемс, с. 229); *Пожалуи попаметуи меня коли тебе добро будет а бог тебе не забудет* (Там же, с. 239). Как отмечает Лудольф в своей Грамматике, одновременно фиксируется вплоть до конца столетия и старая формула бить челом: *бъеть челомъ чтобы ты изволиъ хлеба кушить съ ними* (Лудольф, с. 56).

Словарь 1586 г. фиксирует формулы застольного этикета *Абедай с нам. Вузинай с нами* (Сл. 1586, с. 84), которые отражают характерную черту русского гостеприимства: если гость зашел во время домашней трапезы, он обязательно приглашается к столу. Иностранные должны усвоить и соблюдать обычай русского гостеприимства, поэтому Фенне приводит речевые формулы застолья: *приди вечере опят ко мне яз тебе рад попотчеваю* (Фенне, с. 227); *Гостите пожалуйте у меня здес да есте пожалуйте хлеба да сол что бог заслет* (Там же, с. 228); *Миле ты мне гост, в чест ты ко мне пришол* (Там же, с. 253). Гостю-новичку нужно пить «новичное»: *Надобе тебе новичное пить: ты впервои здес. Ты переже чего <раньше> и здес не бувал* (Там же, с. 260). Гостю полагается дать подарок на дорогу: *Надобе нам тебе проводное дат ты проч едииш* (Там же, с. 260). Подарок – это и знак благодарности за полученный презент: *Бог дай мне отдарит против тебе* (Там же, с. 261).

В «Грамматике» Лудольфа один блок диалогов касается важной в русском разговоре темы застолья. К речевому этикету застолья относятся выражения: *не погнушайся нашимъ кушениемъ* (Лудольф, с. 553); *Отпотчиваи* (Там же, с. 570). Заслуживает внимания специально сформированный раздел «О ествомъ и питии», приведем выдержки из него: *Завтракаль ли ты? Изволиши с нами хлеба кушить. Мы не дожидались гости, не суди, что я смель запростъ тебя держать здесь. Пожалуи, куши, не побрезгуи нашимъ кушениемъ... Изволиши чарку вотки? Ренского у насъ нетъ, чемъ тебя потчивать?* (Там же, с. 570–571). Далее идет обычай «здоровной чаши», запускаемой по кругу: *Пожалуи, пейте кругомъ. Буди здоровъ, на твое здоровие. – Челомъ бью, я починаль пить про здоровие хозяина* (Там же, с. 571–572). В застольный ритуал входит и выражение благодарности: 1) хозяин благодарит гостя за

посещение: *То твое пожалование, что с нами запростъ удоволитъся изволилъ; Челомъ бью за любовь; 2) гость благодарит хозяина за сытный обед: Слава Богу, я доволно ель, я съть* (Лудольф, с. 573).

Как свидетельствует Фенне, во времена Московской Руси при разговоре уже использовали **извинение**, включающее в свой состав и глагол *прости*: *Я промахнулсѧ, прости меня яз виноват* (Фенне, с. 257); *Яз тебе спокастил, прости меня в том* (Там же, с. 378). Иногда к извинению добавляли формулу **утешения**: *Не кручинися (не печался) ты в том товару не проторгувалса* (Там же, с. 6). Признание в дружбе – лучшее средство расположить к себе: *Я тебе товар продам на свою цену... не наложу, ты мои сердечна друг* (Там же, с. 337). Р. Джемс зафиксировал формулу **клятвы**: *верь Богу «клянусь Богом»* (Джемс, с. 261), **уступки** собеседнику: *Что пожалуши «как тебе угодно»* (Там же, с. 292).

Составитель словаря 1568 г. обратил внимание на **любовный разговор**. Лирические отношения предполагают употребление соответствующего обращения и, конечно, пожелание здоровья: *Хороша молодица, поди со мнои спасти – Хочешь ли на мне жениться, ино с тобои пойду спать* (Сл. 1568, с. 43а:1); *Мильи мои немчин, поеди с богом да жив-здоров* (Там же, с. 43.10). Любовь по-русски уже тогда выражалась горячо и страстно: *Коли тебе вижу ино тобои утешаитъся и мое сердце* (Там же, с. 43а.8).

При прощании, как заметил Р. Джемс, полагалось пригласить гостя для повторного визита: *Побувайте сюды* (Джемс, с. 297); извиниться и просить прощения: *Не поминай лихом* (Там же, с. 310); *не осуди, пожалуй* (Там же, с. 276), *Бог судит* (Там же, с. 283).

Лудольф первым зафиксировал форму **вежливого приглашения** к кому-либо действию, она начиналась со слова *пожалуй*: *Пожалуи, приди чаще къ намъ въпереди* (Лудольф, с. 570).

Следует учитывать два фактора влияния на устный речевой этикет. Первый фактор – это влияние письменной формы (хотя и вторичной по времени появления) на этикет устного общения, но добавим: это влияние было взаимным, хотя и ограниченным. Ведь письменный этикет имел свои специфические сферы употребления: государственное управление, дипломатическая переписка, деловая переписка. Второй фактор – это возможное влияние иноязычной культуры и среды. Наверняка, в разговорнике Т. Фенне и в «Русской грамматике» Лудольфа есть фразы, первоначально составленные на иностранном языке, а затем переведенные на русский.

В современном русском этикете насчитывают 15 групп лексико-коммуникативных единиц⁷⁶. В древнерусской этикетной сфере некоторые из

⁷⁶ Соколова Н.Л. О системном характере речевого этикета // Филологические науки. 2005. № 1. С. 43–52; Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

них почти не развиты, как знакомство и поздравление, или выражаются полисемантическими формулами, например, раздельно не оформлены неодобрение и отказ, благодарность и комплимент. Речевой этикет развивался и обогащался: это касается формул приветствия, обращения, прощания, благопожелания, застолья, просьбы. Особое богатство семантики имело приветствие, его pragmaticальные задачи: обращение, знакомство и собственно приветствие. Но «основная цель русского приветствия – манифестация расположения к адресату»⁷⁷, демонстрация интереса к собеседнику, пожелание ему благ: здоровья, добра, божьей милости. Приветствие особенно быстро эволюционировало, семантически усложнялось, причем формулы устного приветствия и письменного приветствия взаимодействовали и взаимно обогащались. В структуру приветствия включаются личное имя собеседника, иногда наименование его общественного статуса, его эмоциональная характеристика и выражение чувств по поводу встречи. Приветствия от вербализованного жеста (*кланяюсь, целом бью*) развиваются в сторону осведомления (*как бог милует?*), затем благопожелания (*будь здоров*). Появившиеся в XVI веке, как зафиксировано в исследованных памятниках, пожелания здоровья и запрашивание информации о здоровье собеседника – это сильная нота доброжелательства и душевности. Обороты *как здоровье? как живеши? как бог помогает?* способствуют установлению контакта и создают положительный эмоциональный фон. Это и приветствие, и узнавание нового и благоприятного о собеседнике. В русском этикете сильны элементы открытости, искренности, стремления к добру общению.

Важный элемент речевого этикета – контактные средства связи, средства поддержания гармоничного диалога фиксируются уже в разговорнике 1568 г., они касаются организации беседы, развития диалога и уважительного отношения к собеседнику, поощрительных оценок его речи. При изложении просьбы наблюдается желание расположить к себе собеседника, попросить у Бога милости для него, при этом почти всегда просьба начинается со слова *пожалуи*. Освоение этого слова в начале XVII в. начинает эпоху «пожалуйста» в русской речи.

2.5. Царский указ 1700 года о «бесчестных» словах

Основой нашего исследования стал текст под условным названием «Царский указ 1700 года о “бесчестных” словах». Он был опубликован трижды: в 1793, 1855 и в 1871 гг. Нормативно-правовой статус этого текста – запись в книге Судного приказа за 1700 год. Она никогда не оформлялась в форме указа, подписанного царем: волеизъявление царя (*царь указал*) было выражено в устной форме и записано думным дьяком.

⁷⁷ Гребенщикова Н.С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне): монография. Гродно, 2004. С. 257.

Первая публикация текста под названием «Дворцовые записки» носила выборочный характер: это был фрагмент разрядных книг 1700 года, публикация состоялась в периодическом издании «Российский магазин», который издавал Г.Ф. Туманский (СПб., ч. 2–3, 1792–1793 гг., с. 291–335).

Вторая публикация выполнена в 1855 г. в книге под названием «Дворцовые разряды», в четвертом томе, который содержал записи за 1676–1701 гг. (далее – ДЦ). Это были распоряжения государей по военной, гражданской, придворной службе. Основное содержание тома содержит распоряжения в годы независимого правления Петра Первого (с 9 сентября 1676 г. по 17 октября 1700 г.). Оригиналы разрядных книг в столбцах хранились в Московском Разрядном архиве. Копии снял с подлинников адъюнкт-профессор университета И.Д. Беляев. Однако разряды 1700 г. (Дворцовые разряды, т. 4, с. 1111–1158) заимствованы из издания «Российского магазина» 1793 г.

Третья публикация под названием «Указ Петра I о бесчестных словах» появилась в журнале «Русская старина» (СПб., 1871, том IV). Этот текст отличается по композиции и имеет некоторые разнотечения по сравнению с оригиналом, цитируемым во второй публикации. Издатель И.П. Корнилов⁷⁸ сообщает, что «копия этого указа и решения появилась между Желтухинскими⁷⁹ бумагами, весьма интересными, ныне разбираемыми и приготовляемыми для издания их в «Русской старине» (Указ, с. 683). Именно И.П. Корнилов и назвал данную выписку из разрядных книг указом.

В каждой из этих публикаций издатели использовали графику и нормы правописания своего времени (XVIII–XIX вв.).

За последние годы некоторые журналы приводили текст «указа о бесчестных словах» в качестве эпатажного материала, предполагая его искусственный характер и сомневаясь в его статусе как государственного документа (Вестник университета им. О.Е. Кутафина (2017 г.), Дилетант (2018 г., январь)).

Интересующий нас текст в его более полном варианте (это публикация в журнале «Русская старина») состоит из трех композиционных частей. Охарактеризуем последовательно каждую из них, сравнивая с публикацией в книге «Дворцовые разряды».

Приведем текст из «Русской старине» полностью, с учетом современных норм правописания и современной графики.

«1700-го года, мая в 11-й день, Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всея великия и малыя и белыя России самодержец.

⁷⁸ Корнилов Иван Петрович (1811–1901) служил по ведомству Министерства просвещения, был собирателем древнерусских и славянских рукописей. См. о нем: Памяти И.П. Корнилова. Сб. статей. СПб., 1911. 47 с.

⁷⁹ Возможно, имеется в виду Желтухин Алексей Дмитриевич (1820–1865) – писатель, издатель «Журнала землевладельцев». Упоминание о нем есть в Словаре Брокгауза и Эфроня, в Википедии.

По сему вышеписанному челобитью Сенофонту Алымову⁸⁰ на Григорья Батурина⁸¹ в бесчестье, что он, Григорей, говорил ему, что он смотрит на него зверообразно, – отказать. Да и впредь, буде кто на кого в таких ж или в иных к тому принятых недельных⁸² итех (sic; т.е. истех, исках) учнут великому государю бить челом, в приказех судьям отказать и челобитья не принимать и никого не допрашивать. А Ксенофонту Алымову за такое ево недельное челобитье доправить петдесят рублей, а, взяв с него те деньги, раздать из разряду на милостыню в богадельни нищим, чтоб впредь иным в таких недельных итех (sic; см. выше) бить челом было неповадно. И сей его великаго государя указ в разряде закрепил думной дьяк Протасей Никифоров»⁸³.

Этот первый фрагмент полностью отсутствует в опубликованной Книге дворцовых разрядов.

«А ныне в Судном Московском Приказе бить челом великому государю многие челобитчики стали на ответчиков в разных бесчестиях своих, что называли исцов они, ответчики, на словах: 1) вольно тебе лаять; 2) называл щенком турецким; 3) ис-под печки де тебя вытащили; 4) не Воротынской де ты: пехаешь; 5) ребенком; 6) щенчишком боярским; 7) снартышкой (мартышкой?) и мартинышком; 8) черти тебе сказывают; 9) трусом; 10) отец де твой лаптем шти хлебал, и отец твой – лапотник, и сушил сыромятную кожу и яловичные сапоги; 11) подговорщиком; 12) злодеем; 13) подскорбою; 14) поди такой де в допрос: что напои, то очишу; 15) вчерась было меня на площади удавил; 16) разоренье де мне от тебя; 17) мучил ты меня; 18) преезжаешь ты на чужую землю насильно; 19) грабителем». За счет неоправданного объединения в тексте «Дворцовых разрядов» выделено нумерацией семнадцать выражений (конкретно будет указано при анализе соответствующих слов и выражений). Возможно, нумерация в том и другом случае внесена копиистами или публикаторами. К сожалению, с оригиналами разрядных книг мы не знакомились.

В этой части при сравнении с изданием «Дворцовых разрядов», обнаруживается девять разнотечений. При толковании «бесчестных выражений» мы их приведем и прокомментируем. И.П. Корнилов – издатель этого текста – дал короткую оценку данной части фрагмента, не увидев в нем чего-либо существенного: «Сообщаемый мною документ рисует нравы петровского общества и рядом примеров доказывает всю пустоту и отчасти смехотворность тогдашних “бесчестных слов”. Что кляузничество подобного рода было особенно

⁸⁰ Алымов Ксенофонт Тимофеевич – стряпчий, потом с 1692 г. стольник.

⁸¹ Батурин Григорий Степанович (род. 1674 или 1676) – стольник до 1721 г. О родах Алымовых и Батуриных см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона и Википедия.

⁸² Недельно, нареч. Неправильно, несправедливо. Примеры: говорил недельно, поклепал; обвинил недельно. Недельный, прил. Не имеющий основания, несправедливый. Примеры: скора напрасная и недельная, поносит словами недельными. См. толкование: СлРЯ XI–XVII вв., вып. XI. С. 72–73.

⁸³ Никифоров Протасий Иванович – думный дьяк.

развито в то время, видно из указа и удвоения весьма больших штрафов» (Указ, с. 683).

Приведем третью часть записи: «И того ж 1700 году, мая в 24 день, Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всея великия и малыя и белыя России самодержец, сей выписки слушав, указал, и бояре приговорили: челобитчикам всяких чинов людем, которые бить челом ему, великому государю, на ответчиков в разных бесчестиях своих, что называли их истцов они, ответчики, на словах против всех вышеписанных статей в тех их бесчестиях отказать, и, взяв у них сказки за руками с подкреплением, и доправить на них, с тех исцов великого государя, пошлины деньги вдвое за то, что они, истцы, били челом на них, ответчиков, приличая те слова к бесчестию при-метками своими, и чтоб в таких словах оным, подобным тому, впредь бить челом великому государю им, челобитчикам, было неповадно».

Оценим «всю пустоту и отчасти смехотворность тогдашних “бесчестных” слов», как их характеризовал И.П. Корнилов. Одновременно обратим внимание на существенные разнотечения, возникшие, как мы предполагаем, при переносе предварительной черновой записи доклада царю и царского распоряжения в беловой вариант разрядной книги (незначительные разнотечения при этом не приводятся). Предполагаем, что к этой черновой записи ближе вариант, опубликованный в «Русской старине».

Далее рассмотрим слова и обороты с уточнением их значения и эмоционально-экспрессивной окраски. Для справок привлечены следующие словари: Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978–1980; Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999; Словарь Академии Российской. Ч. 1–4. М., 1794–1798; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1– (издание продолжается); Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 1– (издание продолжается); Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940; Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. М., 2001. 720 с.; Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004. 762 с.; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: Т. 1–2. М., 1994.

Первый и четвертый примеры «бесчестных» оборотов рассмотрим вместе, объединяющий их элемент – слово *лять*: 1) *Вольно тебе лаять* (Указ, с. 683); 4) *Не Воротынской де ты – лаешь* (ДР, с. 1132); в другой редакции: *Не Воротынской де ты – пехаешь* (Указ, с. 683).

Слово *вольно* значит «свободно, беспрепятственно» (СлРЯ XI–XVII вв. вып. 3, с. 16; САР, ч. 1, с. 825) и не содержит осуждающего компонента.

Слово *не(и)хати* обозначало физическое действие «грубо толкать» без какой-либо негативной оценки (СлРЯ XVIII в.). Кстати, по «Русской Правде» это действие по отношению к человеку считалось физическим оскорблением и штрафовалось 3 гриевнами (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 15, с. 61).

Слово *ляти* среди прочих имеет значение «ругать, бранить, поносить»; дополнительным оттенком «бесчестить» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 181). Иллюстрации в словаре содержат обороты *ляти срамными словами*, *ляти бессстыдно* (СлРЯ XVIII в., вып. 11), которые усиливают грубый, уничижительный характер обращений.

Полный смысл фраза приобретает, если учесть фамильное имя *Воротынский*. Знатнейший род князей Воротынских вел историю от Рюрика, Михаил Иванович Воротынский был выдающимся полководцем XVI в. В XVII в. были известны Воротынские: боярин и воевода Иван Михайлович, стольник и воевода Алексей Иванович, ближний боярин (двоюродный брат царя Алексея Михайловича) и воевода Иван Алексеевич, на последнем, не имевшем потомства, и угас род Воротынских [Князья Воротынские]. Воротынские имели заслуги перед государством и русским народом. В остроумной фразе *Ты не Воротынский, а лаешь* (или *тихаешь*) как раз и подчеркиваются заслуги Воротынских. Ср.: *Что позволено Юпитеру, то не дозволено быку*.

2) *Называл щенком турецким* (Указ) – *Называл шпынком Турецким* (ДР). Из-за многовековых конфликтов с Турцией отношение ко всему турецкому было резко негативным. Хотя обороты носят переносный характер, но наличие определения *турецкий* есть покушение на честь собеседника, независимо от определяемого существительного: 1) *щенок* по отношению к человеку – просторечное, бранное слово со значением «молокосос, мальчишка»; 2) *шпынъ, шпынек* значит «насмешник, шут» (САР, т. 6; Ушаков, т. 4, ст. 1385).

3) *ис-под печки де тебя вытащили* (указ) – *ис-под бочки тебя тащили* (ДР).

Подпещь «пространство под печью» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 16, с. 35). Современное *подпечек* «узкое пространство под русской печью» (МАС, вып. 3, с. 209), где хранились дрова, утварь, тряпки, веник, куда заметался на время мусор, иногда спала кошка, зимой держали кур и т.п.⁸⁴ Морально и социально опустившийся человек мог тоже оказаться в подпечке. Фразеологизм *ис-под печки тебя вытащили*, безусловно, имеет цель подчеркнуть низкое социальное достоинство человека. По звучанию и по значению близко и выражение *ис-под бочки тебя тащили*, но в этом случае имеется в виду винная или пивная бочка и ее обожатель – спившийся человек. В принципе, могли существовать оба фразеологических оборота. Вероятнее: из-под печки тащили о человеке, который производит впечатление ненормального, неуравновешенного.

5) *ре(о)бенок*. Здесь имеется в виду тот, кто поступает по-детски, наивно, без раздумья. Близко по смыслу слову *щенок* в переносном значении, но менее обидно.

6) *сынчишко боярский* (ДР) – *щенчишко боярский* (Указ). Обращает на себя внимание фонетическая близость и уменьшительно-пренебрежительная

⁸⁴ См. назначение подпечка (опечка) в СРНГ: вып. 28, с. 135–136.

оценка у слов *сынчишо – щенчишко*. К началу XVIII в. термин *сын* (*сынчишко*) *боярский*, мн. ч. *дети* (*детишки*) *боярские* в значении «сословие служилых землевладельцев, получавших поместья при условии исполнения военной и административной службы» (СОРЯ, вып. 1, с. 258–259), «мелкий феодал в Московской Руси, несший службу и получивший за это поместье» (СлРЯ XVIII в., вып. 6, с. 116) превращается в историзм. Вежливое уменьшительное *сынчишко боярский* было этикетной нормой самоуничтожения, употребляемой в члобитных: *бьет челомъ холопъ твой ялченин сънчишко боярскои Якушко Левонтеевъ сънъ* (Там же, 1639 г.). В качестве именования лица собеседником *сынчишко боярский* становится оборотом обидным, подчеркивающим малозначительность социального статуса человека. В 1701 г. издается распоряжение «О писании людям всякаго звания полных имен своих с прозваниями во всяких бумагах частных и в судебныя места подаваемых», в котором устанавливалось: *полуженами никому не писаться. Щенчишко боярский* – это уже прямое оскорбление, сравнение человека со щенком (см. ранее приведенную оценку слова *щенок*, употребляемого в переносном значении), выраженное уменьшительно-уничижительным словом, подчеркивает униженный, подчиненный, малозначимый статус человека.

7) *снартышка* (*мартышка?*) и *мартинышек* (Указ) – *мартынушек* *мартышек* (ДР). **МАРТЫШКА**¹, -и, ж. *Маленькая обезьянка с длинным хвостом.** | *Шутл. и Бран. О человеке.* По собранию всѣх сил крикнул на нее: тебя, проклятая мартышка, куда чорт от меня несет? Иван гост. сын I 72. Жену люблю...; привык было к дочери, которая была сущая Мартышка. АБ XII 59 (СлРЯ XVIII в.; САР, вып. 4, с. 43). Применительно к взрослому человеку, тем более к мужчине, это слово в уменьшительно-уничижительном варианте *мартинышек, мартынушек, мартышок* воспринималось как грубая насмешка.

8) *Черти тебе сказывают*. Этим оборотом утверждалось, что недобрые поступки, совершаемые кем-либо, – это волеизъявление нечистой силы, овладевшей сознанием человека. Человек, находящийся под воздействием чертей («с чертом водится»), – недобрый, не внушающий доверия, «о человеке, которому нечистая сила советует, кто знается с нечистою силой».

9) *Трус*. Слово дано вне контекста. СлРЯ XI–XVII вв. зафиксировал его при обозначении лица в значении «непостоянный человек». В этом значении оно вряд ли является грубым и оскорбительным. Вероятно, у слова развивается и значение «трус», поскольку слово *трусость* «трусость, страх» отмечено в примере из письма Петра князю Ф.Ю. Ромодановскому: *Откуды на вас такой страх бабей! Некали ничего делать с такою трусостью!* (Петр I, с. 252. 1698 г.). Затем упоминается *трусливый* и *трусить* в словаре Вейсмана и *трус* в современном значении в Российском Целлариусе (Черных, т. 2, с. 267).

10) *Отец твой лапотник*. Ср.: **ЛÁПОТНИК** (от лапоть плетеная, обычно из лыка, обувь, охватывающая ступню ноги). Человек, носящий лапти.

| *О крестьянине, простолюдине* (СлРЯ XVIII в.). Лапти – знак нищеты, невежества и отсталости. Родовая принадлежность (отец – лапотник) – знак на всю жизнь.

11) *Отец твой лаптем щи хлебалъ*. Связано со словом *лапотник*. Лаптем щи хлебать – просторечное, пренебрежительное. Имеет значение «жить в нищете, прозябать в невежестве, в отсталости и косности» (ФС с. 677). Два разных фразеологических оборота, имеющих семантическую связь. Значимо слово *лапоть*. Лапоть – символ бедности. А беден тот, кто плохо трудится, бесхозяйственный. Семантика выражения связана с такой материальной ценностью древнего русича, как труд. Быть сыном бедняка и бездельника – позорно.

Раньше попирание чести родителей считалось особенно сильным оскорблением. В Московской Руси понятия *семья, родня, родители* были чрезвычайно значимы. Какого ты роду – это знак на всю жизнь.

12) *сулиль* (сушиль – Указ) *сыромятную кожу и яловичные сапоги* (ДР). Разгадка смысла и коннотации этого выражения – в определениях. *Сыромятная кожа* – выделанная без дуба в извести, для сгона шерсти, и в овсяном квасу, очисткой и сильным мятьем, ломкой и тягой на конном вороте, при смазке ворванью и березовым дегтем. Из сыромути делали конскую упряжь, ремни (Даль, т. 4, с. 376), это плохо выделанная кожа и знак невысокого материального достатка.

Яловые сапоги – из яловой кожи, снятой с крупного рогатого скота: молодых или недорослых телят, взрослых коров и быков. Кожа была толстой, шла на рабочую обувь (Даль, т. 4, с. 677).

Сулиль сыромути и яловые сапоги – значит обещать суровую трудную жизнь, разорение; сыромутина – знак наказания ремнем, кнутом.

13) *Называл подговорщиком* (Указ) – подговаривал (ДР). Подговаривати – склонять, подстрекать к какому-либо действию (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 15, с. 245).

14) *злодей* (СОРЯ, вып. 8, с. 75 «кто совершает злодеяние, способен на него; преступник»).

15) *Называл подскорбою*. Два варианта: а) подскорба, жен. р. – от глагола *скорбеть* «быть больным, немощным, болезненным»; б) подскорбою = под + скорбою; *быть под скорбою* «выглядеть больным, слабосильным». Физическое здоровье тогда, при отсутствии здравоохранения, значило больше, чем сейчас.

16) *Поди толко* (такой де) *въ допросъ, а что соберешь* (что напои) *и то очицу*. 17) *Вчерась было меня на площади удавиль*. В данном случае описана ситуация высказанной и реализованной угрозы, где описывается действие поэтапное: 1) что соберешь (что напои), 2) поди толко (такой де) въ допросъ, а что соберешь (что напои) и то очицу, 3) вчерась было меня на площади удавиль.

18) *Разоренье де мне от тебя*. Адресат высказывания – агрессивный человек, способный довести до разорения.

19) *Мучиль де ты меня*. Здесь адресат характеризуется как насильник, подвергающий своих недругов насилию и мукам.

20) *Приехал де ты на чужую землю грабителем* (ДР) – *проеезжаешь ты на чужую землю насильно*. Адресат характеризуется как грабитель и насильник. Грабитель – « тот, кто занимается грабежом; Грабить – «нападая, отнимать чужое имущество, силой похищать что-л.; обирать кого-л.» (СлРЯ XVIII в., вып. 5, с. 206).

В перечень «бесчестных слов» не включен оборот *смотреть на кого-л. зверообразно*, который употребил, как явствует из текста, Григорий Батурин в разговоре с Ксенофонтом Алымовым (Указ, с. 683). *Зверообразно* – наречие в значении «жестоко, свирепо» (СлРЯ XI–XVII вв., т. 5, с. 353). Слово активно употреблялось и в XVIII в. (СлРЯ XVIII в., вып. 8, с. 152). Судя по реакции царя «отказать!», требование наказать за выражение лица, за свирепый взгляд было чрезмерным и для XVIII века.

«Бесчестные слова» не составляли отдельной разновидности речевого этикета, как обращение, приветствие, выражение отношения, хотя могли выполнять функцию обращения заведомо негативного характера.

По структуре «бесчестные слова» могли быть наименованиями лица, состоящими из одного слова (существительное или глагол прош. вр.): *злодей; мартынушко (мартышка?); мартышко, мартинышко; подговорщикъ; грабитель, робенокъ (ребенок); трус; подскорба; подговаривал*.

Оскорбление могло быть выражено простым предложением: *Мучиль ты меня; Приехал ты на чужую землю грабителем; Приезжаеть ты на чужую землю насильно, грабителем; Не Воротынской де ты лаешь (– пехаешь); Волно тебе лаять; Разорене мне от тебя; Вчерась было меня на площиади удавиль*. Один вариант оформлен сложным предложением: *Поди толко въ до-прось, а что собереш (что напои), и то очищу*.

Фразеологизированные структуры могли быть двухсловными: прилагательное + существительное: *сынчишко (щенчик) боярский; шпынок (щенок) турецкий*. Отмечаются и фразеологизированные предложения: *Черти тебе сказывают; Изъ подъ бочки (печки) тебя тащили; Отец твой лаптемъ шити хлебать; Отец твой – лапотник; Сулиль сыромятную кожу и яловичьи (яловичные) сапоги*.

Возникают вопросы: что понималось в то время под оскорблением? Что и в какой степени воздействовало негативно на самолюбие человека той эпохи? Применительно к началу XVIII века это реконструировать сложно, хотя сам факт возникновения на этот счет официального документа показателен. Специальные пособия по речевому этикету появились несколько позже: «Приклады, како пишутся комплименты разные» – 1708 г., «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» – 1717 г. В 1715 г. Петр утверждает «Воинский Артикул», содержащий статьи о преступлениях воинских, уголовных и административных. Был здесь и артикул 152 о бранных словах: «Ежели кто другого, не одумавшись: с серд-

ца или опамятиваясь, бранными словами выбранит, оный перед судом у обиженного христианское прощение имеет и просит о прощении. И ежели гороз до жестоко бранил. То сверх того наказанием денежным и сносным заключением наказан будет... Ежели оный, который имеет просить о прощении, в том упрямитца, можно оного через потребные способы к тому принудить». Странной была и статья 151, касающаяся оскорблений чести офицера: «Ежели офицер о другом, чести касающихся или поносных слова будет говорить, дабы тем его честное имя обругать и уничтожить, оный имеет пред обиженным и пред судом обличать свои слова и сказать, что он солгал, и сверх того посажен быть на полгода в заключение» (Артикул воинский, с. 354–355).

Вспомним, что впервые в России специальную форму вежливости – местоимение Вы (2 л. мн. ч.) стал применять Петр I, начиная с 1696 г., подражая иностранцам. Правда, он мог в одном и том же письме обращаться к адресату двояко: на ты и на Вы, см. письмо С.Л. Владиславичу-Рагузинскому от 2 ноября 1708 г.: *...желаем, дабы вы с кем добрыи надежным куриером послали к нему вексель на то число червонных. Чтоб ему твой корреспонденции там те червонные отдал. А ты у нас прими оные на Москве* (Письма Петра). Специальная вежливая форма местоимения как норма впервые рекомендована А. Барсовым в его «Обстоятельной российской грамматике» (1783–1788).

К концу века благодаря «Словарю Академии Российской» понятие «оскорбление» было закреплено и разяснено более подробно. См. корневое гнездо: *Оскорбляю*. Причиняю прискорбие, печаль, огорчение; досаждаю раздражаю. Обижаю. *Оскорбить словами*; *Оскорбляюсь*. Раздражаюсь, трогаюся, чувствую досаду, опечаливаюсь; *Оскорбление*. Раздражение, причинение досады, прискорбия; *Оскорбленный*; *Оскорбитель*; *Оскорбительный*. Причиняющий оскорбление. *Оскорбительные слова*. *Оскорбительный посту пок*; *Оскорбительно*. Досадно, обидно, огорчительно (САР, ч. V, ст. 489–490).

2.6. К проблеме лексико-семантических и грамматических связей

2.6.1. Качественные прилагательные в русском языке XVIII века

В данном параграфе рассмотрены вопросы соотношения грамматического значения качественности и лексического значения слова, особенности лексических и грамматических свойств прилагательных, различия собственно-качественных прилагательных от качественно-оценочных лексем.

Семантика имени прилагательного сосредоточена на выражении качества. Результаты изучения имени прилагательного в русском языке на протяжении его письменной истории дают возможность более детального рассмотрения выражения качественности прилагательными в XVIII веке. Этот период является важной вехой в становлении русского национального языка. Крупные политические и социокультурные преобразования вызвали пополнение

словарного состава языка, существенные преобразования его семантической системы⁸⁵. Рост словарного состава был обусловлен специфическими условиями того времени: 1) вовлечение в словообразование средств разговорной речи; 2) межъязыковые контакты, активная переводческая деятельность обеспечили большой приток заимствований.

Употребление имен прилагательных в разнообразных текстах XVIII века было предметом исследования ряда ученых (Н.Ю. Шведова, Е.А. Земская, А.А. Котов, З.М. Петрова, В.М. Живов). Они обратили внимание на вопросы варьирования флексий, предикативное функционирование, развитие лексических значений адъективов.

Попытаемся наметить весь спектр проблем, остающихся не разрешенными до сих пор.

Первый вопрос – средства выражения грамматического значения качественности: части речи, их формальные показатели, с помощью которых выражается это значение. Понятно, что аффикс как формальная примета рода, числа и падежа делает прилагательное прилагательным⁸⁶. Но есть некая неполнота в следующей формулировке А.М. Пешковского: «Если в *туманный* простая основа означает предмет (*туман-*), а суффикс – отношение к этому предмету (*-н-*), то, очевидно, значение качества может быть заключено только во флексии *-ый*, т.е. в том самом аффиксе, который именно и делает его прилагательным⁸⁷. Дело в том, что значение конкретного качества как лексико-семантического свойства определенного прилагательного, особенно качественного, конечно, выражается всем морфемным составом этого слова. Морфемный состав в целом определяет и общий грамматический признак прилагательного. Не увеличена ли роль флексии как главного и единственного субъекта формирования общего грамматического значения качественности? Как можно оценить функцию флексии, не учитывая семантику корня и – отчасти – суффикса? Кажется, качественность гораздо выразительнее выражается значением основы, чем флексией. Обращение к фактам XVIII века, когда идет бурное развитие этой части речи, могло бы помочь ответить на этот вопрос. Методология такого исследования была в свое время намечена Е.А. Земской⁸⁸. Будем при этом помнить, что качественные прилагательные обозначают признак непосредственно, они характеризуют предмет, не относя его к другому классу (*новая посуда – старая посуда – удобная посуда*), «в значении качественного прилагательного отражается одно общее свойство предметов разных классов»⁸⁹.

⁸⁵ Мальцева И.М., Молотков А.П., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л., 1975. 371 с.

⁸⁶ Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. С. 158.

⁸⁷ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 102.

⁸⁸ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., 1964. С. 277–364.

⁸⁹ Павлов В.М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 69.

Как быть с определением смысловыразительной функции кратких форм и степеней сравнения? Общая характеристика прилагательного как части речи исходит из качеств полных форм. Но, во-первых, так было не всегда; в XVIII веке краткие прилагательные, памятуя о своем первоначальном лидерстве, по объему своих свойств не уступают полным формам. Во-вторых, флексия – формальный признак качества прилагательных, но ср. *вред-н-ый, вред-е-й, вред-н-а, вред-н-о, вред-н-е-е*. Меняется ли выражение общеграмматического значения качественного признака при разных флексиях? А если меняется, то что именно меняется?

Переходя к обсуждению лексического значения качественных прилагательных, обратимся к двум группам качественных прилагательных, охарактеризованных в свое время Л.Л. Буланиным⁹⁰:

1) качественно-оценочные, имеющие антонимы и степени сравнения: *длинный – короткий, длинный – длиннее*. Это слова, обозначающие переменный признак, причем по отношению к предмету такой признак выступает как оценка, даваемая говорящим. Значит, качественно-оценочные прилагательные – предельно антропоцентричны;

2) собственно качественные – они называют признак как абсолютный, не зависящий от оценки говорящего: *немой, босой, голый, пустой, слепой*.

Нас интересует, каким было соотношение этих двух групп качественных прилагательных в русском языке XVIII в. Чрезвычайно выразительными признаками являются семь известных грамматических и лексико-словообразовательных отличий качественных прилагательных от относительных. Какова степень их проявления по сравнению с современным русским языком?

1. Как обстояло дело со способностью кратких прилагательных образовывать антонимы? В каких речевых сферах эта возможность проявляется активнее и выразительнее?

2. В русском языке национального периода от качественных прилагательных активно формируются наречия на *-о, -е, -и* (*быстро, искренне, зверски*). Какой этап их развития зафиксирован в языке XVIII в.?

3. В чем отличие от современного языка в развитии форм субъективной оценки типа *черненький, злющий, широченный, развеселый, глубокий-глубокий*?⁹¹

4. Есть ли отличия в семантике и функционировании образованных от качественных прилагательных отвлеченных существительных со значением качества?

⁹⁰ Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976. С. 72.

⁹¹ Кстати, одним из первых попытку различить семантику обычных форм и форм субъективной оценки сделал еще А.Х. Востоков, см.: Востоков А.Х. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1859. 449 с.

5. Большая активность в XVIII в. кратких форм по сравнению с полными обусловливает их иную противопоставленность друг другу. Как выражено это противопоставление?

6. Каковы способы образования и активность употребления различных форм степеней сравнения в языке XVIII в. (с учетом разных сфер употребления языка)?

7. Каков характер сочетания в XVIII в. качественных прилагательных и наречий степени: *очень умный, необыкновенно теплый?*

Вспомним при этом, что в современном русском языке не каждое качественное прилагательное (см. масти лошадей) имеет все перечисленные признаки, о чем предупреждал еще А.Х. Востоков⁹².

В русском языке есть полисемантические прилагательные, которые в одном значении являются относительными или притяжательными, а в другом – качественными. Поскольку переносные значения у прилагательных со временем накапливались, то возможности их перехода в качественные увеличивались, хотя формальные признаки качественных прилагательных не всегда появлялись у слова. Важно изучить этот источник пополнения качественных прилагательных.

Не закрыт вопрос семантических различий между существительным и прилагательным, от которого это существительное образовано (*желтизна – желтый*)⁹³.

Отдельную проблему составляют синтаксические функции качественных прилагательных. Краткие формы в XVIII в. широко употребляются в двух функциях: именной части сказуемого и обособленного определения. Но в целом семантически богаче полные прилагательные: в какой мере это зависит от их синтаксических свойств?⁹⁴

Перечень сформулированных проблем требует тщательного подбора источников: 1) они должны носить общерусский характер; 2) важно жанрово-стилистическое разнообразие текстов; 3) в текстах должна быть представлена вся парадигма качественных прилагательных. Письменность XVIII в. богата количественно и разнообразна по жанрам: мемуаристика, художественная литература, научные сочинения, публицистика, юридические тексты. Выявление причин, условий и механизма семантических и функциональных изменений требует работы с оригинальными текстами XVIII в. и со словарями, относящимися к языку данной эпохи.

⁹² См.: Востоков А.Х. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1859. С. 40–46.

⁹³ В свое время А.А. Потебня наметил подходы к исследованию этой проблемы: Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968. 551 с.

⁹⁴ Некоторые вопросы были кратко изложены Н.Н. Прокоповичем в кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., 1964. 364 с.

2.6.2. Эволюция форм управления: на Москве – в Москве

Влияние грамматики на изменения в составе словаря, на приобретение словом определенных грамматических характеристик (рода, числа, значения субъектности и множественности и т.п.) известно давно. Стоит обратить внимание и на влияние лексического значения слова на выбор грамматических или лексико-грамматических качеств слова.

В VII главе «Евгения Онегина» А.С. Пушкин употребляет замечательное утверждение:

*У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.*

На Москве – такая падежная форма не свойственна современному литературному языку. Но она употреблена и в трагедии «Борис Годунов»: *Буду царем на Москве.*

Возникают вопросы: насколько характерна эта форма для языка пушкинского времени, какова ее употребительность в разные периоды истории языка, от чего вообще зависит выбор предлога?

В «Словаре языка Пушкина» собственные имена существительные не учитываются, выявить еще такие формы в пушкинских текстах не удалось. Впрочем, не обнаружили мы ее у Крылова, Радищева и Грибоедова. Повидимому, в первой четверти XIX в. данная форма употреблялась крайне редко и только в целях стилизации или каких-то иных художественных задач.

В первой четверти XVIII века эта форма применялась так же часто, как и *в Москве*, а в XVII в. вариант *на Москве* явно преобладает.

Рассмотрим более подробно историю смены форм, время и причину данного процесса. Обращаемся к падежным формам имен существительных – ойконимов, поименованных по рекам. Указание на способ номинации – ключ к причине смены падежной формы.

Существительные – названия городов, не связанные по происхождению с названиями рек, озер, со временем оформления предложного падежа последовательно употребляются только в форме *в* + предл. п.: *в Белгороде, в Каргополе, в Калязине, в Переяславле, в Ростове, в Суздале, в Смоленске, в Ярославле.*

Существительные – названия городов: *Белозерск, Вологда, Воронеж, Вытегра, Вятка, Кострома, Москва, Орел, Самара, Тотьма, Устюг, Устюжна, Уфа* – употребляются в предложном падеже с предлогом *на*. Такое употребление объясняется происхождением названий этих городов: *на Белом озере – на Белоозере (Белозерске), на реке Вологде – на Вологде, на реке Москве – на Москве, на реке Юге – на Устюге.*

Такая зависимость характерна не только для предложно-именной формы *на* + предл. п., но и для форм *на* + вин. п., *с* + род. п.: старые формы *на Москве*

– на Москву – с Москвы; новые формы в Москве – в Москву – из Москвы. Вот несколько примеров из повестей XVII в.: «И об едину нощь с Москвы в Смоленску ставшее»; «Полки же на Москве во всякой готовности к шествию бя-ху»; «В Калязине с любовию их принимали»⁹⁵. В художественных и деловых памятниках закономерность подобного распределения форм нарушается очень редко. Касается это формы в Москве (4 случая), в Вологде (1), в Великом Устюге (1).

Заметим, что с предлогом *на* + предл. *п.* употребляются ойконимы Холмогоры, Красноярск (*на горах* – на Холмогорах; *на Красном яру* – на Красноярске).

Слово *Тверь* имело форму в *Твери*, потому что название города рано оторвалось от названия реки *Тверца*, фонетические и морфемные структуры не совпадают.

Иноязычные названия, входящие в русский язык в XVI–XVII вв., сразу подвергались унификации и употреблялись в тех же формах, что и ойконимы, не связанные с названиями рек.

Каковы причины смены одних форм другими. Это постепенный отрыв названия города от соответствующего названия акватории, стремление к разграничению названий селений и акваторий. При этом часто употребляемые названия приобретают новое управление быстрее, это касается ойконима *Москва*, см. характерный пример: *Для отдачи и приема лошадей определяются места: 1) в Москве..., 2) на Воронеже..., 12) на Вятке; Англинские купцы да имеют позволение в Санкт-Петербурге, на Москве в Немецкой слободе и у города Архангельского мосты строить*⁹⁶. Второй пример из трактата 1734 г. между русским и английским дворами: в дипломатическом документе старая форма управления *на Москве* играет роль торжественно-официального стилистического средства.

В XVIII в. динамика употребления форм следующая: 1) первое десятилетие – преобладают старые формы; 2) второе десятилетие – употребление старых и новых форм выравнивается, при этом они сосуществуют в документе, написанном одним и тем же лицом: *торговые люди платили пошлины на Москве и в Сибири... в Москве и в городах с тех своих товаров паки многою пошлину платили; Амуниции за неприсылкою из Москвы на все полки не дано... амуниции с Москвы не прислано*; 3) третье десятилетие – преобладают новые формы (Письма Петра, т. XI, с. 143).

В «Повести о Фроле Скобееве» зафиксированы следующие формы: *в Москве – 1, в Москву – 6, из Москвы – 2*. Историки литературы предполагают, что данная повесть написана в первой четверти XVIII в., после 1704 г. На наш взгляд, поскольку нет ни одного случая употребления старых форм, что воз-

⁹⁵ Русская повесть XVII века. М., 1954. 477 с.

⁹⁶ Полное собрание законов Российской империи. 1733–1736. СПб., 1830.

можно не ранее третьего десятилетия, предполагать более раннюю датировку невозможno.

М.В. Ломоносов указывал в «Российской грамматике» (1755) на возможность существования старых форм⁹⁷, но в своих произведениях в 1734–1765 гг. ни разу не употребил старые формы. Несколько позднее Д.И. Фонвизин писал: «Обычай иногда позволяет вместо *в* и *во*, например, *живу в Москве* говорится *живу на Москве*», но в своих произведениях, хорошо отражающих разговорную речь, ни разу не употребил старую форму.

Таким образом, смена форм грамматического управления практически произошла за три десятилетия. Темпы этого процесса зависели не только от языковых причин, но и от возросшего культурно-экономического значения русских городов. Кстати, сибирские города имеют другую историю своих названий: хотя есть река Анадырь, но поселение называлось первоначально Анадырский острог, Анадырский город, а затем – Анадырский или Анадырск⁹⁸. По этой причине в старых формах падежного управления сибирские ойконимы не зафиксированы.

⁹⁷ Ломоносов М.В. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1953. Раздел 571–572.

⁹⁸ Проверено по публикациям: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713–1724. СПб., 1885. 541 с.

Глава 3

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

3.1. Номинации любимого человека в малых формах фольклора (первая половина XX века)

Данный параграф посвящен анализу имен существительных и прилагательных – именований любимого человека в частушках XX века. Оценивается употребительность разных номинаций, их лексико-семантические свойства и территория бытования. В качестве источников привлечены оригинальные тексты, записанные в Вологодской области и в соседних регионах.

Частушка – песенный жанр, функционирующий преимущественно в сельской среде. Основные исполнители частушек – девушки и женщины, но пели и парни. Василий Белов посвятил несколько восторженных слов частушке при описании ночных святочных гуляний в деревне: ребята пели частушки под балалайку «согласно, неторопливо; ясно, красиво; приятно и по мужскому нежно», а у девушек частушки звучали «тревожно, ласково, счастливо, горько, весело, беззаботно»¹.

Частушка выросла на добротной основе фольклорной традиции: это любовная лирика, плясовая песня и песенки скоморохов. Частушки появляются впервые в пятидесятых годах XIX века и скоро начинают записываться и оцениваться специалистами, так в 1891 г. была издана малоизвестная теперь брошюра И.Я. Львова «Новое время, новые песни», посвященная анализу текстов и мелодии частушек – коротких лирических песен². Характерно такое признание современника в начале XX века: «Ныне эти коротенькие песни можно слышать повсеместно на крестьянских беседах, но лет 20–30 назад, по рассказам стариков, о них не было и помину»³. Уже первые изданные коллекции частушек поражают своим объемом, например, в сборнике В.И. Симакова 1913 года, где кроме ярославских также есть вологодские частушки из Великоустюгского, Вытегорского и Грязовецкого уездов, опубликована 3341 частушка (Симаков)⁴.

¹ Белов В.И. Кануны // Белов Василий. Собр. соч.: в семи томах. М., 2011. Том третий. С. 124–125.

² Львов И.Я. Новое время, новые песни. В. Устюг, 1891. 39 с.

³ Балов А. Что поет наш народ // Северный край. 1902. № 133. С. 38. См. его более раннюю работу: Балов А. Экскурсы в область народной песни. Коротенькие песни или «припевки» // Этнографическое обозрение. 1897. № 32. С. 93–104. Там же есть прибавление к его статье: Гарднер К.М. «Сбирушки» из Череповецкого уезда Новгородской губернии. С. 104–113.

⁴ Симаков В.И. Сборник деревенских частушек. М., 1913. 670 с.

Главная тема первых частушек – отношения между девушкой и парнем, но частушки парней записывались составителями реже, поэтому меньше и фиксаций именований любимой девушки.

Здесь наблюдается особое богатство речевых презентаций любви как основы нравственной жизни человека⁵. Частушка часто была и средством реального искреннего любовного признания. Субъект любви не назывался, но зачастую угадывался. Возможность открытого публичного признания в любви сделала частушку популярной в конце XIX века, когда свободнее стали этические нормы в сельском сообществе.

Часто исполнение частушки носило игровой характер, форму театрализации. Частушки исполняются во время гуляний или пляски целыми сериями, что могло повлечь за собой повторение названий основных героев или, наоборот, – обязательную замену этих наименований синонимами в порядке творческого соревнования исполнителей.

В поле нашего внимания находятся именования любимого человека в текстах частушек первой половины XX века, когда частушки были особенно популярны и более лиричны, чем поздние образцы⁶. Этот фрагмент любовного словаря мало исследован. Лексика вологодских частушек еще не была предметом изучения. В наши задачи входит установить круг именований любимого человека, выявить семантико-стилистический потенциал и особенности функционирования этих слов в зависимости от степени близости влюбленных, проследить, как взаимообусловлены экспрессия названий любимого и содержание частушки. В работах по этой теме подобный комплексный анализ ранее не выполнялся, кроме того, не затрагивались вопросы времени появления и активизации отдельных номинаций: *дроля, залетка, золотце, краля, ухажер, ягодиночка*.

Небольшое семантическое поле частушки требует лаконичных и точных оценок героев. Именование любимого зачастую играло роль смыслового контрапункта в тексте частушки, а вся частушка наполнена личными переживаниями. Эмоциональная выразительность и драматизм ситуации усиливаются, когда название любимого человека выступает в качестве обращения и при

⁵ Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007. С. 242.

⁶ Зеркало нравственной жизни народа (публикацию подготовил Ю. Максин) // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 1992. Вып. 1. С. 176–184; Устюженская частушка 1920–1930-х годов // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 3. С. 445–461; Частушки 1940–1950-х годов // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 3. С. 462–490; Устюженские частушки в записи Арапова (1908–1917 гг.) // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 4. С. 301–318; Устюженские частушки периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 4. С. 319–340; Сборник великорусских частушек / под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914. 540 с.; Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: Сказки, песни, частушки: в 2 т. / под ред. В.В. Гуры. Архангельск. 1965. 332 с.

в этом повторяются близкие по семантике названия: «Дорогой мой, драгоценный, / Дорогой забавушка, / Давай расстанемся с тобой: / Надоела славушка» (Симаков, с. 200). Одновременное употребление нескольких любовных именований – не редкость в частушках. Номинации чаще были однословными: «За миленочком гоняюсь, / Как привороженная»; «Погляжу я на окно: / Нет ли ягодки мово»; «Ты играй, гармошка нова, / Пока любушка здоровая» (Гура, с. 121, 131, 148). Есть свои достоинства и в составных именованиях: они не только содержали описательную характеристику: «дорогой ты мой забавочка» (Симаков, с. 113), но усиливали образность и выразительность: *Милый мой – моя отрада* (Симаков, с. 160).

Любовные частушки воспроизводят всю драматуригию развития любовного чувства, поэтому с учетом семантики основных именований можно выделить шесть групп слов и словосочетаний (расположим их с учетом количества выявленных номинаций): 1) названия, содержащие оценку физических данных как основы любовного чувства: *краля, красавица, конфетка, ненаглядный, цветок, ягодка*; 2) названия – характеристики духовных качеств любимого человека: *голубь, душечка, хороший*; 3) названия, связанные с игровыми переживаниями: *забава, игровая, куколка, утеша*; 4) названия – оценки иных качеств, значимых для любящего: *дорогой, друг, заветная, золото, крошка, сударушка*; 5) названия, выражающие чувство сильного сердечного влечения: *дроля, любой, милый* (ср. однокоренные: *мил, милка, перемилка, миленок, миленочек, милашечка, милашка, милочка, милочек, миленький, милушка*); 6) названия, характеризующие силу переживания любящего: *зазноба, ненаглядный, отрада, прияточка, радость моя, сухота*.

Если же расположить эти именования в соответствии с этапами развития любовного чувства, то вначале будет характеристика внешнего вида героя: «Миленький, усатенький, / В рубашке полосатенькой, / Рубашка шита по канве. / Зачем ты ходишь не ко мне?» (Елеонская, с. 14); «Дроля в беленькой манишке, / Пиджак новый, голубой» (Симаков, с. 81). Затем – оценка речи героя, что подтверждает примету: девушки любят ушами: «Не за кудри полюбила, / Не за белое лицо. / Полестил на разговоры, / Полюбился золотцо» (Симаков, с. 83). И наконец – выражение абсолютной влюбленности и драматических переживаний: «Тебя, дроличка, в солдатушки. / Мине, девочке, куда? / На реке широка прорубь – / Я головушкой туда» (Гура, с. 155).

Частушка – жанр фольклорный, ее речевое наполнение – средства устной речи. Многие названия любимого человека – от глаголов: *дролиться, миловаться, забавляться, играть, ухаживать* и т.д. При этом набор подобных глаголов неодинаков для разных территорий России: популярные в ярославских местах *залетка* – от *залетать*, *приятка* – от диалектного *приять*⁷ гораз-

⁷ Гурская С.Л. Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в ярославских говорах // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 1. С. 172.

до менее известны на Вологодчине. Вместе с тем, частушки легко мигрируют, и в них, как правило, представлена в основном общерусская лексика.

Обратимся к двум наиболее употребительным корневым гнездам с вершинами *мил-* и *люб-*.

Корневое гнездо с вершиной *мил-* сложилось в русском языке в древности. В новгородских берестяных грамотах слова с этим корнем употреблялись как нарицательные и как собственные: Миль, Милята, Милка, Милко, Милость, Милошко, Милогость, Милонегъ, Милославъ⁸.

С учетом логики словообразовательных цепочек выявленные лексемы в вологодских частушках располагаются следующим образом: *милка* – *милочка* – *милушка* – *милаша* – *милашка* – *милашечка* – *милаха*; *миленок* – *миленочек*; *миленок* – *миленка*; *мил* – *милый* – *миленький*; *милая* – *милый* (*милой*). Слова на *мил-* часто сопровождаются ласкательными определениями: «Тебе врут, а ты и веришь, / Дорогой миленочек» (Устюжна, вып. 4, с. 337).

Слова *милаша*, *милашка*, *милочка*, *милушка* – это названия общего рода, остальные имеют более четкую родовую дифференциацию. Приведем отдельные примеры: «Милка, милка, перемилка, / Милка, куколка моя» (Симаков, с. 448); «Полно, полно погуляла / Без меня милашечка» (Устюжна, вып. 4, с. 304); «Никому я не поверю, / Что не жаль миленочки»⁹; «Всем бы милушка хорош, / Только ростом маленький» (Гура, с. 141); «Милый мой – моя утеша, / Я люблю, а ты уехал» (Гура, с. 151).

Слова с корнем *люб-* появились поздно и, вероятно, под влиянием авторской лирической песни. Первоначально же было только *любой*, *любушка* в значении «тот, кто больше всех люб, кто больше приглянулся» или в сочетаниях типа *любимый дроля*: «Я любее тебя, дролечка, нигде не нахожу»; «До чего любому рада: / В избу двери отворю, / Он со мной не заговорит, / Так сама заговорю» (Симаков, с. 16, 26, 173); «Нелюбого-то чужого / Полюбить заставили. / А любого дорогого / Сиротой оставили» (Симаков, с. 356); «И на ближнего товарища / Надеяться нельзя: / И мою красотку – любушку / Отбил он от меня» (Симаков, с. 181). Слово *любушка* стало народно-поэтическим, оно употребляется для выражения особой привязанности. Не принятное в любовном этикете употребление слова *любимая* заменяется окказиональным *любовная*: «Я своему-то дорогому / Завсегда любовная» (Симаков, с. 30). Слово *любимый* вырывается в драматической ситуации, когда девушку против ее воли выдают за нелюбимого: «В сто раз лучше девушке / Выйти за любимого» (Симаков, с. 323).

Теперь обратимся к хорошо зафиксированным в течение первой половины XX века циклам устюженских частушек, чтобы сравнить употребление слов с корнем *мил-* в отношении к другим номинациям.

⁸ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 759.

⁹ Бурцев А.Е. Народный быт великого Севера. М., 1898. С. 38.

1) 1908–1917 гг. (Устюжна, вып. 4, с. 301–318). По употребительности первые места занимают слова с корнями **мил-**, **дрол-**, **дорог-**. По отношению к парню использовано 16 разных номинаций, из них: **милый** – 27, **миленок** – 10, **милой** – 5. По отношению к девушке использовано 5 номинаций: **сударушка** – 2, по одному разу – **дорогая, милашка, милашечка, миленка**.

Сравним данные из вологодских частушек других уездов: великоустюгские, вытегорские, грязовецкие (записи Симакова 1880–1910 гг.). Преобладают названия с корнем **-мил**: **мужские милый** – 99, **миленок** – 17, **миленочек** – 14, **миленький** – 11; **женские милка** – 18, **милашка** – 9, по 8 – **милая, милушка, милашечка, милочка** – 6. Далее идут слова **дроля** – 92, **дролечка** – 38 (ср. женские варианты **дроля** – 2, **дролечка** – 1). **Дорогой** – 15 употреблений, а **дорогая** – 5. На четвертом месте по употребительности **друг** (13), отмеченное только в номинациях мужчин. Затем идут слова **игровой** – 8 (женская номинация **игровая** – 1 употребление). Слова с корнем **-хорош-** занимают шестое место (**хороший, расхорошенький** – по 3; **хорошая** – 5). **Любой** и **золото** употреблены по 9 раз.

2) 1920–1930-е гг. (Устюжна, вып. 1). Наиболее употребительны слова с корнями **мил-**, **ягод-**, **дрол-**. Именования любимого парня: 39 употреблений приходится на слова **милый** – **милой**, **миленький**, **миленок**, **миленочек**; **ягодиничка** – 9, **дорогой** – 6. Любимая девушка названа так: **милка** – 2, по одному разу **милая, милочка, милаха, милаша, милашечка**. В этой коллекции частушек преобладают слова с корнем **мил-** (24), слова с корневой доминантой **ягод-** – занимают второе место (13), слов с корнем **дрол-** – всего 3.

С этими данными можно сопоставить факты из рукописного «Частушечника» 1925 года, хранящегося в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике (записано 1075 частушек): здесь из мужских именований «...в большинстве частушек употребляются слова **милый, миленок, милеша, игривенький, дроля**», а из женских – **мила, милка, милашечка, сударушка**. Кроме того, в кирилловских частушках отмечено отсутствующее в устюженских текстах мужское именование **игровой (игровый)**: «У кого игровых нет, / Заявляйте в комитет. / В комитете разберут. / По игровому дадут» (Смирнов, с. 146). Для восточной части Вологодчины **игровый** известен и в начале XX в.: «Увижу серова кота, / Тебя, игровый, никогда» (Симаков, с. 168).

3) 1941–1945 гг. (Устюжна, вып. 4); 1940–1950 гг. (Устюжна, вып. 3). Отметим наиболее частотные от следующих корней: **мил-** 50, **ягод-** 49, **залет-** 31. При назывании любимого использовано 18 номинаций, при назывании любимой зафиксированы только **милая подруга, сударушка**.

Таким образом, в устюженских частушках с двадцатых годов начинают употребляться лексемы **ягодина – ягодиночка, дроля, забава – забавочка**; в годы Великой Отечественной войны активизируются именования **ягодиночка, милаша – милушка, залетка – залеточка, ухажер – ухажерик**.

В вологодских частушках второй половины двадцатого века решительно преобладает пара **милый – милая** со своими однокоренными: «Без тебя, мой дорогой, / Без тебя, мой милый, / Без тебя, хороший мой, / Белый свет – постылый» (Ехалов, с. 4); «Мой миленок, я – твоя, / Куда хошь девай меня»; «У меня милаша маленький, Как зернышко в овсе» (Ехалов, с. 10); «Милка – лебедь, милка – лебедь, / Милка – славный человек» (Ехалов, с. 13).

Рассмотрим несколько других именований.

Слово *друг*, употребляемое чаще по отношению к мужчине, фиксируется в сочетании *друг сердечный* и в форме диминутива *дружок*: «Я сидела на лужку, Писала тайности дружку. / Я писала тайности / Про любовны крайности» (Гура, с. 155).

Употребляемые по отношению к парню и девушке (первоначально только о парне) слова *дроля*, *дролечка*, *дроленочек*, *дроле(и)нька*, *дролюшка* являются диалектными и значат «человек, к которому испытывают привязанность, любовь». Очевидно, отсюда глагол *дролиться* – «иметь, любовные отношения с кем-либо; гулять, проводить время с любимым» (СРНГ, вып. 12, с. 199). Основное в этом ряду *дроля* стало словом преимущественно «частушечным», обозначающим чаще всего любимого. Вот текст, где подчеркнуто, что *дроля* – это именование неженатого парня: «...у жен мужей, у девок дролечек / В Германию увез». В другой частушке *дроля* – это девушка: «Я пришел на посиденку / Моя дроля занята» (Симаков, с. 35).

П.А. Дилакторский в 1902 г. отмечал это слово в Вологодском, Кадниковском, Тотемском, Никольском уездах (Дилакторский, с. 112). Диалектологи фиксируют его появление в говорах в начале XX века, см. примеры: «Где мы с дролечкой стояли, / Снег протаял до земли» (СРНГ, вып. 8, с. 198–199). «Дролечка бессовестной / Подговаривал весной. / Теперь осень настает, / Дроля вовсе отстаёт» (Елеонская, с. 101). В вологодских текстах нет производных *дролька*, *дроха*, зафиксированных в ярославских говорах. Была попытка рассмотреть *drÔl-* как общеславянское слово (ЭССЯ, вып. 5, с. 124–125), в русских говорах, прежде всего северных, это «любимый – любимая», у южных славян слово негативно характеризует женщину. Но *дроля* – это французская лексема *drôle*¹⁰, появление которой в частушках вполне объяснимо, если иметь в виду время и обстоятельства появления первых частушек: они формировались одновременно в деревне и в городе, поэтому лексика и образные

¹⁰ *Drôle* во французском языке прежде всего прилагательное со значениями: «1. Смешной, забавный. 2. Странный, чудной, диковинный». Возможна его субстантивация. Отмечается во французском с 1584 г., зафиксирован в «Словаре Академии Французской» 1788 года. (Новый французско-русский словарь / сост. В.Г. Гак, К.А. Ганшина. 12 изд., испр. М., 2007, 1160 с.). Большую коллекцию частушек с этим словом приводит Н.И. Епишкин в словаре «Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка». Чита, 1999. С. 298. См. наиболее характерную частушку: Еду, дроля мой Мишель, / К дроле Жану в Ла-Рошель. / Дролям Пьеру, Ги и Эду – / По огромному привету.

средства заимствовались из сельского фольклора и городского просторечия. Городское просторечие и оказалось передаточной средой для закрепления этого слова в частушке.

Забава, забавочка входят в ряд именований, в которых учитывается семантический компонент игры «тот, кто развлекает, веселит»; судя по текстам, употребляется чаще при номинации парня: «Посидела бы с забавочкой, / Да смелости-то нет» (Симаков, с. 85); «Забава, серые глазеночки, / Люби, не обмани» (Устюжна, 1941–1945, с. 337). По Дилакторскому, уже в 1896 г. кадниковское забавочка – это «девушка, которая пришла парню по сердцу» (Дилакторский, с. 137) – в этом значении отмечено в Новгородской, Псковской, Ленинградской областях (СРНГ, т. 9, с. 240).

Сюда же примыкает и родовая пара игровый – игровая, но с преобладанием мужского варианта: «Был игровый в посиденке, / Посидеть не удалось»; «Дроля, аленъкий цветочек, / Я – игровая твоя» (Симаков, с. 17, 21, 82), отмечен и уменьшительный вариант игровенький (Бурцев, с. 22)¹¹. Эти слова зафиксированы в вологодских, новгородских, псковских, тверских и ярославских говорах (СРНГ, т. 12, с. 73).

Слова кровинка, кровочка, кровиночка, кровинушка подчеркивают взаимность любовных чувств, особую близость героев друг к другу. Силу переживания влюбленного выражает слово зазноба – зазнобушка. Слово стало просторечным и устаревшим, оно обладает высокой экспрессивностью, ср. исходный глагол знобить «болезненно ощущать холод, лихорадить». С той же целью употребляются лексемы сухота, сухотинка, сухотиночка, близкие по семантическому компоненту «болезненное любовное переживание»: «Сухоты моя, золото, / Оставил на кого» (Бурцев, с. 28); «Сизый, сизый голубочек, / Научи меня летать. / Не высоко, не далеко – / Сухотинку увидать» (Гура, с. 150).

В качестве обращения к женщине употребляются фиксирующие физическую красоту возлюбленной слова краля, кралечка, где краля «королева» – западнославянского происхождения, ср. польское krala «королева» (Фасмер, т. 2, с. 365). См. примеры: «Уж ты милая моя, / Краля дорогая» (Симаков, с. 131); «Ах ты, милая моя, / Краличка червонная» (Елеонская, с. 120; червонная – это под влиянием карточной игры). Русские красавица, красотка подчеркивают внешнюю красоту более выразительно: «Ты играй, гармошечка, / Играй, раззолоченная. / Ты встречай, красоточка, / Красотка чернобровая» (Симаков, с. 2; Елеонская, с. 121). Лексемы цветок – цветочек также выражают идею красоты любимого человека: «Не говори, цветочек, дома, / Что я тоненька горазд» (Симаков, с. 201).

Промелькнули и редкие фартовый – фартовая, модные в криминальном жаргоне с начала XX века: «Закури, фартовый мой, / За спичкам сбегаю до-

¹¹ Бурцев А.Е. Народный быт великого Севера. М., 1898. 370 с.

мой, / Для такого молодца / Спичек много у отца»; «У него фартовая / На, примете новая»; / Милый новую припас, / А мне, девушке, отказ» (Симаков, с. 85, 291).

Отглагольные образования просторечного характера *ухажер* – *ухажерик*, проникшие в частушки в годы Великой Отечественной войны, чаще относятся к мужскому полу и употребляются только в описательных конструкциях, в качестве обращения не употребляются: «Скоро наши ухажерики / С победушкой придут» (Устюжна, 1941–1945, с. 330); ср. вариант женского рода: «Задушевная подруга, / ему нечего искать, / ему стара ухажерка / стала снова напевать»; «Поиграй повеселее, / неужели тебе лень? / Неужели ты боишься / ухажерочки своей?» (Устюжна, 1940–1950 гг., с. 469). А вот лексемы *сударка*, *сударушка* (от *сударь*) имели отношение только к женскому полу: «Знаю, Колину сударушку / Ориною зовут» (Устюжна, 1941–1945, с. 336); ср. отмеченное еще Симаковым в 1913 году: «Разбужу свою сударку, / Старо-прежнюю свою» (Симаков, с. 4).

Названия *прияточка* – *приятка* «влюбленный, возлюбленная» носили диалектный характер: «Чем-нибудь перефоршу / прияточку игровую» (Симаков, с. 135). Они были более характерны для ярославских говоров: «Ты, прияточка, прияточка, / Расподлая душа, / С другой девочкой гуляешь, / Чем же я не хороша» (Елеонская, с. 17).

В частушках используются не только традиционные модели с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*судар-ушк-а*, *дрол-ечк-а*, *мил-еночек*, *хорош-енк-ий*), с усилительными приставками (*рас-хороший*), но и неологизмы: *сухотинка*, *прияточка*.

Анализ основных именований любимого человека позволяет выстроить иерархию жизненных ценностей молодых людей, живших в России в конце XIX – XX вв. Взаимоотношения героев частушки – отпечаток народной этики, где семантика дружбы превалировала над семантикой любви, что соответствует православной концепции любви и дружбы. Для христианина главная любовь – это любовь к Богу, затем любовь к своим родным. Проявлениям этой тенденции соответствует и первоначальная номинация героя частушки. Употребляются слова *друг* (*сердечный друг*), *дружок* (*миленький дружок*), *дружочек*, а слово *любимый* встречается редко и позже, во второй половине XX века. Влюбленные не *встречались* (это слово отсутствует в первых частушках), а *гуляли*, что значило «вместе проводить время на гуляньях»; влюбленные называли друг друга *игровый* – *игровая*, *забава*, *утеха*, *отрада*. *Милый* из частушки – *любый*, *ненаглядный*, *дорогой*, *хороший* и т.д. Большинство лексем семантического поля «любовь» соотнесены с динамикой развития любовного чувства и культурными традициями эпохи.

Таким образом, названия любимого человека с опорой на словесно выражительный контекст позволяют передать разнообразную гамму чувств. Имен-

но названия любимого человека играют доминирующую роль в выражении и оформлении темы сообщения. Разговорный характер лексики, подвижная структура слова, яркость и выразительность семантики превращают отдельную частушку в законченный афористичный текст.

В перспективе возможно оценить связь рассмотренных номинаций с их употреблением в речевом этикете эпохи и ключевыми словами, от которых они образованы, разобраться с динамикой и частотностью их употребления в более значительных комплексах частушечных текстов разного времени.

3.2. Лексика как лингвопоэтическое средство в художественной прозе В.И. Белова

Художественные произведения В.И. Белова посвящены изображению вологодской, преимущественно сельской действительности. Поэтический и одновременно реалистичный образ Вологодчины, герои беловских произведений со своим особым мировосприятием происходящего – все это позволяет ставить вопрос: могут ли произведения Белова служить образцом «вологодского» текста? Но вначале определим, что такое «региональный текст» и в чем особенность «вологодского» текста как регионального.

В отличие от понятия «региональная писательская школа» термин «региональный текст» подразумевает не местный писательский корпоратив, а совокупность текстов, обладающих определенными художественными особенностями. В качестве объекта описания избирается территория, geopolитическая и историко-культурная значимость которой не подлежит сомнению. К сожалению, конституирующие качества «регионального» текста еще не определены. Актуальность подобных исследований обосновывается как раз стремлением, учитывая творческую практику авторов, описывающих Вологодчину (природу и проблему человека на этой земле, историю, культуру, быт и менталитет местного населения), выявить мифопоэтическую суть древней Вологодской земли, описать структуру художественного «вологодского» текста и показать роль выдающегося русского писателя В.И. Белова в развитии «вологодского» текста.

Кроме теоретической значимости, данный параграф имеет и прикладной характер: в нем рассмотрены различные приемы введения в художественный текст диалектных речений (слов и фразеологизмов), показаны способы их «семантизации» (раскрытия значений) непосредственно в тексте, доказано, что основа произведений писателя – современная литературная речь с редкими, но тщательно отобранными местными явлениями. Вторым исследуемым набором языковых фактов является колористическая лексика (цветообозначения), играющая важную роль в создании образа Вологодчины и соотнесенная с развитием сюжета и с образами положительных героев. Писатель увлекался

живописью и хорошо знал роль цвета в крестьянском быту и в русской природе. Важно отметить, что именно эти речевые средства играют важную роль в творческой палитре В.И. Белова. Третья группа изобразительных средств – это сравнения разной конструкции.

Идея «региональности» как набора особых художественных качеств текста, обусловленных свойствами описываемого объекта, появилась сравнительно недавно: ее выдвинул в своих работах, посвященных «петербургскому» тексту, академик В.Н. Топоров. То, что возможность претензий того или иного региона на наличие своего регионального текста зависит прежде всего от значимости самого региона в культурной истории государства, было очевидно для автора идеи: «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему)» – так называлась первая работа академика, посвященная обозначенной проблеме¹². Ученый охарактеризовал две особенности «петербургского» текста: 1) высокая историко-культурная и geopolитическая значимость объекта описания – города в истории государства; 2) наличие оппозиционных свойств в объекте, который исторически противопоставлен Москве: две столицы – две эпохи, два непохожих мира. При этом и сам город Петербург с позиций семиотики воспринимается как особый художественный текст – эта часть концепции В.Н. Топорова была усиlena в работах Ю.М. Лотмана¹³. Третья особенность подразумевалась сама по себе: «региональный» текст – это художественно значимый корпус текстов, описывающих объект, наделенный особым мифопоэтическим пространством (произведения писателей Серебряного века: А. Блока, А. Ахматовой, А. Белого, А. Ремизова; потом сюда добавили Ф. Достоевского).

Сами по себе идеи В.Н. Топорова применительно к Петербургу не были абсолютно новыми. Впервые о некоей цельности произведений о Петербурге, причем их художественном единстве, задаваемом самим городом, стал писать в начале двадцатого века Н.П. Анциферов: именно им впервые описан Петербург Пушкина, Гоголя, Некрасова, Достоевского, Блока¹⁴.

Какие особенности должны быть у регионального, именного текста? Какими чертами должен отличаться мифопоэтический образ территории, в честь которой создается корпус текстов?

¹² Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367. См. отдельное издание: Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003. 617 с. Впервые опубликована в 1984 г. в вып. 18 «Трудов по знаковым системам» Тартуского ун-та.

¹³ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 208–220; Лотман Ю.М. Семантические пространства // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 297–334.

¹⁴ Анциферов Н.П. Быль и миф Петербурга. Пб., 1922. 226 с.; Ациферов Н.П. Душа Петербурга. Пб., 1922. 227 с.; Анциферов Н.П. Петербург Достоевского. Пб., 1923. 106 с.

Первое – это изображаемый предмет, пространство с его активной функцией зиждителя судьбы героев произведений. Для возникновения «текста» (сверхтекста) локус должен обладать наряду с историко-культурной и социальной значимостью мифологическим смыслом. Благословенное место – место гармонии человека с природой, упорядоченный мир, самодостаточный и защищенный стеной народной духовности и культуры. Образы места закрепляются в разнообразных и разновременных текстах.

Отметим особую значимость для развития исследований «северного» текста работ Е.Ш. Галимовой¹⁵. По ее мнению, «северный» текст – «это создавшийся преимущественно на протяжении столетия (с начала XX в. до наших дней) в творчестве многих русских писателей особый *северорусский вариант национальной картины мира*, наделенный, наряду с индивидуальным, отражающим своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами»¹⁶. «На уровне поэтики цельность северорусского текста проявляется в обилии сквозных мотивов и образов (в том числе архетипических), ...в близости авторского восприятия Русского Севера»¹⁷.

Далеко не каждая местность способна породить свой «текст» в художественном смысле, для возникновения реального «вологодского» текста необходимы исторически значимые центры культуры на территории Вологодчины, что будет подталкивать к художественной рефлексии по поводу этой территории, к освоению вологодского варианта национальной картины мира.

Каковы главные составляющие специфической, региональной картины мира «вологодского» текста:

1. Пространственно-временная организация (мифопоэтические характеристики ландшафта, тема отношений природы и человека – антиурбанизм и пантеизм, художественное время как единство прошлого, настоящего и будущего). Для В.И. Белова Вологодская земля – мифопоэтическое пространство, таящее в себе загадку русской истории и духовности, самой души России. Художественных образов Вологодчины в «вологодском» тексте много: они разные и даже оппозиционные, в том числе негативные (вспомним мифологемы «вологодский ксивой», «вологодская ссылка»).

¹⁵ Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы как сверхтекст // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. Архангельск. 2010. С. 8–15; Ее же. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. Вып. № 1. С. 121–129. В Северном (Арктическом) федеральном университете под руководством Е.Ш. Галимовой в 2008 году создан музей-лаборатория «Северный текст русской литературы», с 2009 года издается сборник «Северный текст русской литературы» (вып. 1–4, 2009–2017). В 20. 9 году вышел первый том монографии «Северный текст как логосная форма бытия Русско-о Севера».

¹⁶ Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы как сверхтекст ... С. 9.

¹⁷ Там же. С. 12.

Кроме того, в Вологодчине скрывается и тайна русского художественного слова. Напомню мысль из беловского «Лада»: «Что значило для народной жизни слово вообще? Такой вопрос даже несколько жутковато задавать, не только отвечать на него. Дело в том, что слово приравнивалось нашими предками к самой жизни. Слово порождало и объясняло жизнь, оно было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего. Вместе с этим (и может быть, как раз поэтому) оно утешало, помогало, двигало на подвиг, заступалось, лечило, вдохновляло»¹⁸. Язык земли Вологодской мыслится как одно из художественных средств характеристики территории и этноса, проживающего здесь: это местная топонимика и минимум диалектных речений, необходимых в художественных целях. Топос воспроизводится речевыми средствами, поэтому обязательные элементы пейзажа и обязательные цветообозначения: синее небо, зеленый лес, белое зимой и желтое летом поле, разноцветный луг и разноцветье деревенских праздников.

2. Система образов-персонажей (близкая к «ролевой системе») с их особым отношением к окружающему миру и с особым складом мышления: праведник (поборник нравственности и традиционалист) как национальный тип и негодяй (не-годяй, не годящийся, выродок) как носитель зла и отрицания общественной морали, поэтому каждый элемент вологодского текста – это не местное и локальное, не провинциальная точка зрения, а попытка раскрытия всей России.

3. Система мотивов (поиск счастья, земли обетованной, испытание характера и силы духа, преображение личности и т.п.) и связанных с ними сквозных художественных образов, основанных на фольклорной традиции (дом, труд, добро, совесть, дорога и др.).

Понятие «вологодский текст» можно определить так: это совокупность художественных текстов разного времени, имеющих общую внеtekстовую ориентацию (ориентацию на Вологодчину как мифопоэтическое пространство), текстов, представляющих в основном вологодский вариант национальной картины мира и отличающихся общностью художественных мотивов и образов.

Созданию «вологодского текста» предшествовали жития местных святых, вологодский фольклор и авторские художественные тексты национального периода. Но любой региональный текст – это комплекс гуманитарного знания как ответ на вызовы времени, на глубинные потребности национального самосознания. Хотя локальные тексты локальны по формам своей реализации, но едины в своих проявлениях русского менталитета.

Не отрицая возможности толковать понятие *текст* расширительно, понимать под ним и совокупность местных обычаем, мир вологодской архитектуры и искусства, мы только настаиваем не смешивать явления разных сфер действительности в одном «котле текстов»: семиотика это допускает, филологи

¹⁸ Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. 2-е издание. М., 1989. С. 315–316.

гия хотела бы заниматься художественными текстами. Здесь приходится со- жалеть, что единые критерии и правила изучения локальных текстов русской литературы пока еще не выработаны.

Мы допускаем в «вологодском» тексте симбиоз, наложение текстов разной внеtekстовой ориентации: автор, описывающий приключения вологжан в Париже и передающий их оценку Парижа, в первую очередь создает «парижский» текст, но отчасти и «вологодский» текст. Вспомним похожую мысль Гоголя: «Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто чувствуют это и говорят они сами»¹⁹.

Для развития исследований «вологодского» текста важно параллельно структурировать и изучить мифологему «Вологодчина», ср. аналогии, связанные с другими регионами²⁰. Для изучения Вологодчины многое уже сделано, но новая задача позволяет по-новому оценить сделанное и создать теоретическую основу актуальной для развития экономики и социокультурного пространства региона программы «Вологодчина – душа России».

При обсуждении проблемы регионального текста важен вопрос и о выборе самих текстов. Для нас это тексты художественные, т.е. тексты, где есть мифопоэтическое, образное изображение региона во всей совокупности его составляющих: территория, время, лейтмотивы, система образов, язык. В сборниках «Русская провинция: миф – текст – реальность» (с начала 1990-х годов вышло около десятка книг) наметился выход за пределы художественного текста: анализируются мемуары, публицистика, сочинения краеведов. Напомним, что для В.Н. Топорова, автора концепции регионального текста, художественный образ топоса создается художественными текстами.

Обратимся к трилогии В.И. Белова, куда входят романы «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой», и оценим некоторые языковые средства, актуальные в его творчестве и характерные как раз для «вологодского текста».

С литературоведческой точки зрения трилогию исследовали разные авторы, есть сборник «С разных точек зрения» (2001), полностью посвященный роману «Кануны»²¹. «Кануны» критически оценил А. Солженицын: «Композиция романа не упорядочена... Динамика то и дело расслабляется эпизодами, совершенно ни к чему не прилегающими», критик неоднократно упрекает Белова в «композиционной расслабленности», в «хаосе бессмысленных эпизо-

¹⁹ Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Статьи. М., 1986. С. 57.

²⁰ Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35; Матонин В.С. Социокультурное пространство северной деревни: структура, семантика, генезис: дис. на соискание уч. степени доктора культурологии. СПб., 2015. 326 с.

²¹ С разных точек зрения. «Кануны» Василия Белова. М., 1991. 240 с.

дов»²². Кажется, критик не вдумался в то, что название «Кануны» пояснено автором: «хроника конца 20-х годов», а «Год великого перелома» – это «хроника начала 30-х годов». Хроника предполагает неспешное повествование, раскрывающее движение жизни людей на широком историческом и территориальном фоне.

Кроме того, Солженицына и Белова разделяет разное понимание сути художественного текста. Представить тексты Белова без картин природы невозможно, а во многих произведениях Солженицына вообще не упоминается природа, а там, где вдруг появляется пейзаж, это описание не превышает одного предложения. Солженицын – странное явление: русский писатель, не заметивший русской природы! Кроме того, мир для Солженицына бесцветен и беззвучен, в нем почти нет никаких красок и голосов. А запах есть, причем всегда один: для его героя Ивана Денисовича – это только запах еды.

Почему для Белова деревенская тема была постоянно главной? Почему деревенская тема была важна для русской литературы XX века? Для Белова деревня – это не только реальная жизнь народа и реальные народные характеристики, это образ национального бытия, передача русского национального сознания. «Кануны» – идеальная картина деревни Шибанихи, здесь центральный образ – дом. В «Годе великого перелома» дом как центр мироздания рушится. «Час шестой» – постепенное восстановление жизни на руинах разрушенных семейных гнезд той же деревни.

Другой организационный центр трилогии – образ жизненного пути, т.е. выбор каждым героем своего пути в жизни.

Далее мы должны учесть, что в каждом романе трилогии используется комплекс жанров: «Кануны» – это семейная хроника (первая и вторая части романа) и одновременно историческая хроника (часть третья); «Год великого перелома» – это главным образом историческое повествование; «Час шестой» – снова повествование о судьбе шибаниховских семей.

Именно семейно-бытовое повествование дает возможность достаточно широко использовать живой народной речи: диалектизмов и просторечия. Выбор типа повествования организуется с ориентацией на определенную точку зрения: автора, рассказчика или персонажа. И здесь стоит вспомнить рецензию А. Солженицына, не понявшего этой особенности организации беловского текста: «Все разговоры крестьянские – живые, достоверные до последнего звука. Однако собственный авторский язык Белова не выражен своеобразно, им не приходится наслаждаться. И в нем – меньше богатых живучих русских слов, нежели у Расputина и Астафьева»²³. Дело в том, что есть такие художественные феномены, как несобственно-авторское повествование или несобственно-прямая речь героев, и таких фрагментов у Белова гораздо

²² Солженицын А. Василий Белов // Новый мир. 2003. № 12. С. 54–169.

²³ Там же. С. 168.

больше, чем собственной авторской речи. По форме – это речь автора, а по типу повествования – речь героев, в том числе и больше всего героев из крестьян. Да, это язык достоверный, народный, а не тот, который предлагает Солженицын в своем «Русском словаре языкового расширения», где, как он признается, «многие разъяснительные примеры дословно взяты из Даля»²⁴. Кстати, отсылок к Даю в этом словаре нет, что и сколько взято из Даля – не указано. Зато есть список авторов, чьи речения включил Солженицын в придуманный им словарь: среди 27 русских писателей, начиная с Пушкина, упомянут и В.И. Белов. То, что в авторской речи Белова нет обилия авторских окказионализмов, как у Астафьева, – это свидетельство в пользу Белова: к языку он относился честно, как учил еще Н.В. Гоголь. Словом, небрежное замечание А. Солженицына не может быть принято за объективную оценку художественного языка В.И. Белова.

Работ, посвященных языку писателя В.И. Белова, мало. Специально диалектизмам в художественной речи прозаика посвящено монографическое исследование Е.П. Бугрий, выполненное в 1986 г. в ЛГУ²⁵. Значительный корпус диалектных речений представлен в словаре «Народное слово в произведениях В.И. Белова», составленном проф. Л.Г. Яцкевич²⁶. Диалектизм в художественном тексте обязательно используется как стилистическое средство, обладающее яркой образностью, выразительностью. Диалектизмы, употребленные для создания местного колорита и для характеристики речи героев, требуют семантической прозрачности употребленного слова (или фразеологизма), то есть раскрытия смысла этого речения с помощью контекста.

Какие приемы раскрытия значения диалектизма использует В.И. Белов?

Первая возможность раскрыть значение диалектного слова – широкий контекст, т.е. несколько слов или целая фраза. Блюдо из овсяной крупы называлось *саламат*, ср. его введение в контекст предложения: *После щей они подали горячий саламат: пареную овсяную крупу, щедро сдобренную топленым коровьим маслом* (Кануны, с. 190). Диалектологи обычно приравнивают слова *саламат* и *саламата*, но для Белова, как видно из текстов, *саламат* – пареная овсяная крупа, сдобренная топленым коровьим маслом, а *саламата* – это блюдо из толокна, т.е. из овсяной муки. Прямо в тексте писатель разъясняет смысл выражения *щи постные* (другое название блюда *сухарница*): *...сухарницу сами сделали: Евграф разминал сухари в ладонях, сыпал в большое глиняное блюдо с похлебкой. Такими щами в посты испокон веку называли овсяную заспу, сваренную с картошкой и луком* (Час, с. 408). Заметим, что это более точное и конкретное объяснение значения, чем в «Словаре вологодских говоров»: *Сухарница* «кушанье из толче-

²⁴ Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. М., 1990. С. 4.

²⁵ Бугрий Е.П. Лексические и фразеологические диалектизмы в прозе В. Белова (способы семантизации): автореферат дис. канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1986. 18 с.

²⁶ Народное слово в произведениях В.И. Белова: словарь / сост. Л.Г. Яцкевич. Вологда, 2004. 214 с.

ных сухарей, залитых горячим молоком, супом или кипятком» (СВГ, вып. 10, с. 164). Нет, постное не сдабривали молоком.

Второй способ раскрытия значения – это краткое пояснение смысла диалектизма в тексте посредством общеупотребительных средств: *Он принес дров, открыл челисник – дымовую дыру – и затопил каменку* (Кануны, с. 100). Речь идет о Носопыре: он жил в бане, которая топилась по-черному, т.е. печь (каменка) не имела трубы, поэтому вверху в стене было отверстие для выхода дыма – челисник. В другом месте значение этого слова поясняется авторским примечанием: *Дым от каменки уходил в челисник под низкой крышей избушки* (примечание автора: *отверстие под потолком для выхода дыма*; Час, с. 480).

Третий прием – это толкование диалектизма с помощью литературных синонимов. Такой факт встретился в описании деревенской драки: [Отец Николай] *Схватил какого-то усташинского парня с колом. Парень задрыгал ногами и выронил уразину* (Кануны, с. 304). Значение слова уразина понимается без затруднений, так как первоначально это орудие было названо колом. Ср. уразина – крепкая палка, дубинка (Вологод. словечко, с. 199). Слово уразина от *разить* «бить, ударять» зафиксировано уже Далем (Даль, т. 4, с. 31). Аналогичные факты отмечаются в романе «Год великого перелома»: – *Я ему, дьяволу, вихлет сломлю* (прим автора: *хребет*). – *Моржам будешь спины ломать, гражданин Миронов* (Год, с. 238). Здесь наблюдается некоторая избыточность в пояснении смысла слова *вихлет*: и авторское примечание – *хребет*, и контекстное пояснение – *спина*.

Следующий, но нечастый прием – «цитатность», т.е. употребление слова с ссылкой *по-здушнему, другими словами*. Это также позволяет писателю вводить в текст диалектизмы этнографического плана: *Шибановцы городили лесной огород, по-здушнему осек, опоясывая поскотину и отделяя ее от хлебных полей* (Кануны, с. 243); ср. в вологодских говорах *осек* – это и «изгородь, ограда», и «огороженное лесное пастище» (Вологод. словечко, с. 180). В романе «Год великого перелома» слово употреблено в женском роде: *Шибановцы общей артелью еще ходили в осеку, догораживали в лесу большую поскотину* (Год, с. 285).

Ср. еще пример: *Кандейка в деревне, другими словами потребиловка вроде зыринской лавки, размещалась в другом конце* (Год, с. 304). Слово *кандейка* в этом значении пока не отмечено вологодскими диалектологами. *Потребиловка* «магазин сельской потребительской кооперации» – факт обще-русского просторечия.

Иногда писатель занимается сравнением местных говоров, подчеркивая разнообразие укладов и говоров даже соседних деревень: *Вспахать надо было всего один загон, как называли в Шибанихе полосы. (В Ольховице говорили почemu-то не загон, а повыток)* (Год, с. 282). Индивидуальные участки селян чаще называли *полоса* (это слово и приводит В.И. Белов как общеупотребительное).

Есть несколько излюбленных писателем слов, которые он употребляет несколько раз, не объясняя как-то дополнительно их смысл. Это, например, многозначный глагол *выпростать, выпростаться «освободить, освободиться, выйти»: ребятишки, получив по гостинцу, выпростили избу* (Кануны, с. 166), наречие *наразу* в значении «сразу, не откладывая, попутно»: – *Экой он бес, экой мазурик, – расстраивалась Марья, наразу пришивая рукав к тулулу* (Кануны, с. 34). Л.Г. Яцкевич предложила так толковать это наречие: «в таком случае»²⁷, но, судя по беловским контекстам, ее толкование сомнительно.

Рассмотрим еще один прием разъяснения смысла диалектизма – это авторское примечание. См. пример: ...он оставлял Роговых, как говорится, «на верхосытку» (Год, с. 121). Ср.: «На верхосытку – лакомое кушанье, подаваемое в конце обеда или ужина» (Вологод. словечко, с. 35). Обратим внимание на то, что здесь автор и выражение взял в кавычки («на верхосытку»), да еще и предупредил словами *как говорится* о факте цитации выражения из народной речи. Говорить о непродуманности, стихийности народных речений у Белова в этом случае уж никак не приходится.

Подробно разъясняет писатель смысл слова *веко: плетеная из дранок, плоская корзина для хранения сушеных грибов, ягод и т.д.* (Год, с. 285; напомню, что веко Самовариха превратила в зыбку – колыбель для малыша). В вологодском словаре *веко* объясняется как крышка от корзины, что и исторически неправильно: судя по «Домостроя», слово *веко* в значении «слукошко, лубянная коробка для продуктов» уже в XVI веке было общерусским словом (СлРЯ, XI–XVII вв., вып. 2, с. 55).

Писатель своими примечаниями помогает разобраться в разнообразии сельских изгородей и проходов через них: *Вера открыла отвод, и Павел, не глядя на жену, направил мерина под гору... больно много надо открывать отводов и раскладывать заворов, если ехать полями* (Год, с. 292, 293); *Краснофлотец перемахнул через завор* (Час, с. 472; примечание автора: *жерди, которыми закладывают проезд в изгороди*). Аналогичное примечание автора к слову *завор* и в одном из первых изданий рассказа «Утром в субботу»: *Завор – проезд в лесной изгороди, закладываемый жердями*, Утром, с. 433). *Отвод* – это тип ворот в полевой изгороди, они подвешивались к основному столбу, ворота можно было отводить, отводы мастерили там, где проезжали часто. *Завор* – тип прохода, где между столбами (кольями) вставляли жерди. В этом случае сомнительны показания диалектного словаря, где *завор* и *отвод* толкуются однозначно как разборное звено изгороди (Вологод. словечко, с. 182).

Любопытно сравнить подачу того или иного диалектизма в разных произведениях писателя. Так, *лога* в «Канунах» не объясняется как-то специальным, а в «Привычном деле» есть примечание автора «*скошенная*, предназна-

²⁷ Народное слово в произведениях В.И. Белова: словарь / сост. Л.Г. Яцкевич. Вологда, 2004. С. 276.

ченная на сено трава», при этом приводится описание *кошенины* (Привычное дело, с. 148).

Некоторые разъяснения автора становятся подробными и превращаются в этнографические справки. Сердцу писателя были дороги как воспоминания юности деревенские развлечения *горюн* и *столбушка*, см.: *звать, идти к столбу, выйти от столба*, где *столб* употреблено в значении «занавешенный в углу за печью закуток для беседы парня с девушкой один на один». Учтем, что *столбушки* становятся важным элементом в развитии взаимоотношений героев, кроме того, они характеризуют целомудренную деревенскую этику, см. описание этой игры (Лад, с. 199). Судя по данным вологодских диалектологов, эта игра и соответствующие названия представлены только в Харовском районе (Вологод. словечко, с. 268). В описании *столбушки* есть выражение *сделать головешку: Неужто сделает головешку, не придет. Головешка – это когда отказывают и не идут к столбу* (Год, с. 101). Данное выражение в значении, раскрытом В.И. Беловым, пока не учтено в диалектных словарях.

Где преимущественно употребляются диалектизмы: в авторской речи или в речи героев? Конечно, во втором случае. Более того, местные речения, включенные в авторский текст, разъясняются автором более старательно, чем выражения из речи героев.

Некоторые слова, употребляемые писателем, зафиксированы диалектологами в других вариантах: названия санок с сиденьями у Белова *кореги* (Кануны, с. 214) – *корежки* (Утром, с. 432); в словаре «Вологодское словечко» со ссылкой на верховажские записи приводится *корехи – корешки* (с. 123). Эти и подобные примеры убеждают, что, рисуя картины сельского быта, В.И. Белов опирался на собственное знание быта и культуры жителей Харовского района, где прошли его детство и юность, где созданы многие его произведения.

К диалектным речениям автор относился с большим разбором. Так, если называемые предметы и явления не участвуют в развитии сюжета, остается без разъяснения географическая терминология (названия явлений природы, форм рельефа и т.п.), этнографическая номенклатура. Диалектизмы, характеризующие внешность человека, его поведение и черты характера, часто используются в речи персонажей, и они отличаются повышенной оценочностью и экспрессивностью и тоже не всегда нуждаются в уточнении значения.

Диалектизмы автор не стремится сделать незаметными, наоборот, выбирает самые яркие, семантически выразительные и эмоционально насыщенные, подчеркивает их необходимость при описании деревенского быта и тем самым показывает самобытность, автономность крестьянского мира, его самодостаточность в материальном и культурном отношении. Некоторые слова становятся понятны в контексте и благодаря семантике корней: *хозяйка-большуха, рукотерник, загаркать народ, дорога пакнула, ежедень*. Кроме того, некоторые слова и не являются диалектизмами: *кужлявиться, самосильно* и др. – общерусское просторечие.

Для создания особого колорита речи героев писатель использовал и такое средство, как пословицы и поговорки. Выражение *Рыба да рябки: поте-рий деньки* открывает главку «Уха» из «Бухтин вологодских...». Рыбой да охотовой в деревне занимались мужчины, отлынивающие от работы. Дело в том, что охота как неприбыльное дело была не в почете у деревенских жителей, а рыбу ловили тогда и такими ловушками, когда можно было рассчитывать на хороший улов. А вот как кратко и точно Кузьма Иванович – герой «Бухтин» – характеризует персонажей своих рассказов: «Дураку только скажи, он решетом будет воду носить, молоко шилом хлебать да еще и покрякивать. Вот у меня сват Андрей. Этот не такой. Этот ухо держит *востро*, хвост *пистолетом*». Речевые приемы остроумия у В.И. Белова разнообразны и многочисленны, остроумие – обязательная черта речевого поведения героев.

В заключение этой части приведем замечание писателя, прямо разъясняющее технику выбора им диалектизмов и общерусского просторечия: «Я не пополнял свой словарный запас за счет книг. Придумывать или подыскивать слова – это ненатурально, неестественно»²⁸.

Далее обратимся к цветообозначениям в прозе писателя.

Художественно одаренному человеку природа дарит всегда несколько способностей. Личность В.И. Белова подтверждает это жизненное правило. Василию Ивановичу был дарован тонкий слух: он без труда освоил игру на гармони, а его художественные произведения свидетельствуют, что он слышал и птичий свист, и утренний гул своей деревни. У писателя с детства проявился вкус на цвет. Он даже пробовал себя в живописи, правда, делал это только для себя, не признаваясь посторонним в своей страсти.

Цвет в быту, в природе – непременная часть народной культуры. На цвет в окружающем мире у В.И. Белова был свой взгляд, который изложен в «Ладе» в главе «Изуграфы»: «С чьей-то легкой руки природу русского Севера журналисты называют “неброской”, “неяркой и скромной”. Между тем нигде по стране нет таких ярких, таких выразительных, очень контрастных и многозвуковых красок, как на Северо-Западе России» (Лад, с. 384). По мнению писателя, цветовое богатство природы превосходит выразительные возможности человеческого языка: «У человека пока нет таких красок, нет и названий многих цветовых состояний закатного или утреннего неба. Сказать, что заря *алая* (или *багровая*, или *лиловая*), значит, почти ничего не сказать: заря ежеминутно меняет свои цвета и оттенки, на линии горизонта краски одни, чуть выше совсем другие, и самой границы между зарей и небом не существует. А каким цветом назовешь слепящий солнечным блеском зимний наст, в тени *голубовато-просвещенный* в глубину и *серебристый*, как бы плавящийся под прямыми лучами?» (Лад, с. 385). Кстати, оттенки цвета снега и наста в зависимости от времени

²⁸ Балаева Т. Василий Белов: «Я родился и вырос в деревне»: (интервью с писателем) // Вологодский комсомолец. 1989. 1 янв. С. 2.

года писатель характеризует восемью колоризмами: *синий, голубоватый, голубовато-просветленный, белый, серебристый, желтый, темный* (в тени).

Попробуем восстановить цветовую палитру писателя и исследовать колористическую лексику как художественное средство в тексте трилогии: «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой».

Изображение жизни села у писателя часто сопровождается цветной картиной. Вот, например, первое представление старших мужчин семьи Роговых: старик Никита Рогов – *сивый, синеглазый*; хозяин Иван Никитич – с *черной* бородой, «в *красной*, с *белым* крестом по *вороту* рубахе» (Кануны, с. 101). У персонажей из народа всегда есть запоминающаяся цветная деталь внешности или одежды: «Черный бородатый цыган с *серьгой* в *ухе*, в *шапке* с *зеленым* плисовым верхом» (Кануны, с. 130); «мужик в *синих* полосатых штанах», «старушка в *белом* нижнем платочке» (Кануны, с. 160). Зато отрицательные персонажи и внешне бесцветны, вот единственны детали их внешности: *блеклые* глаза Дугиной, *водянисто-белые* глаза Сопронова (Кануны, с. 234).

Живописна деревенская свадьба: у приступка охапка *темно-зеленой* хвои. Ступенька... вышаркана до *яичной желтизны*...; *розовая* от косого зимнего солнца нижняя половина избы (Кануны, с. 162); *черный* сарафан сваты Марьи, *красная*, *белым* крестом вышитая рубаха Ивана Никитича; *красные*, *белые* и *розовые* платки, сарафаны и косынки девок в церкви (Кануны, с. 164, 168); жених Павел в *черной* паре в косоворотой *зеленой* ластиковой рубашке и невеста Вера в *бордовом* шерстяном сарафане (Кануны, с. 170); *вороная* и *чайная* лошади свадебного поезда; Микуленок с *белоснежным* платом через плечо и в *шапке* с *бархатным* *табачного цвета* верхом (Кануны, с. 164–165). В нарядной фате Палашки, описываемой в последней части трилогии, – ее мечта о свадьбе, надежда на счастье дочери: «даже с *закрытыми* глазами она четко видела и представляла свою фату... *Кремово-желтоватый* шелк со сквозными *светлыми* полосами от угла до угла... по всему широкому полю вперемежку с *маленькими* большие *розаны*. *Зеленые* листики около *тех розанов* вьются, как хмель. Тут и *сиреневое* проворачивается, а по углам возле *четкого* темного узора опять *розовое*. По *золотисто-желтым* краям *черный* бордюр, словно выборка на холсте» (Час шестой, с. 415). Фата в вологодских говорах – это головной платок (Вологод. словечко, с. 304).

С какими предметами связан цвет у писателя? Это небо, чистое или в облаках, утренняя и вечерняя заря, лес, особенно хвойный, поле в разные времена года. Небо с солнцем или месяцем – любимые объекты внимания писателя. В описании неба автор использует 9 цветовых обозначений: *светлое, синее, светло-синее, бело-синее, молочной синевы, голубоватое, кубовое, фиолетовое, зелено-ватое*. И здесь писатель очень внимателен к оттенкам цвета, к их гармонии.

Первый деревенский пейзаж у писателя – это зимнее небо над Шибанихой: «*Синие* знобящие звезды *близкими* гроздьями висели в *фиолетовом* небе».

бе... Желтым нездешним цветом источались повсюду и мерцали под луною снега» (Кануны, с. 108). В поле внимания писателя звук и цвет: запоминается «хрустальное пение голубоватой снежной дорожки» (Кануны, с. 125). При этом в цветовые названия автор включает и местную лексику: «Высокие звезды роились в кубовом небе» (Кануны, с. 121). «Кубовая краска, синяя растительная краска» (Даль, т. 2, с. 210). В описании святочной ночи не обойтись без месяца: «Месяц висел над отцовской трубой, высокий и ясный, он заливал деревню золотисто-зеленым, проникающим всюду сумраком» (Кануны, с. 121).

Для летнего неба характерна «синяя бесконечность», «безбрежность синевы», «сквозная небесная синева» (Кануны, с. 327); осенью – «пронзительное бело-синее небо»; «за сквозной молочною синевой быстро поднималось золотое нежаркое солнце» (Кануны, с. 344, 358).

Для описания зари писатель использует все сокровища колористической лексики. Заря утренняя и вечерняя, солнце на небе имеют богатую колористику из четырнадцати названий цветов и их оттенков: *розовый, алый, малиновый, краснеющий, опалово-красный, красно-сиреневый, лазоревый, лиловый, бронзово-розовый, багровый, золотой, ослепительный, яркий*. Если утренняя заря, то «розовый шар солнца краснел в просветах медноствольных сосен, подымаясь все выше, *розовый* этот шар становился все меньше, превращаясь в золотой ослепительный слиток» (Час шестой, с. 482). Вечерняя заря – *оранжево-розовая* (Кануны, с. 283). В последней части трилогии цвет используется очень редко, но вечерняя заря и здесь великолепна: «Солнышко садилось в такой лазоревой, такой золотой широте родимого неба... что у Евграфа опять захватило дух (Час шестой, с. 408). Поэтично описание вечерней зари в Ленинграде: «Над Ленинградом все еще спускались призрачные белые ночи. Первая сумеречная кисея, выткенная над невской водой, уже опустилась на левый берег. Красно-сиреневый закат на северо-западе четко оттенял все силузы... Адмиралтейский шпиль, пронзивший зеленоватое небо» (Час шестой, с. 501).

Лес – один из любимых неодушевленных персонажей писателя и главного героя Павла Гирина. Облюбованная для мельничного стояка сосна – это «зеленое лесное видение», у нее «толстые оранжево-медные сучья», «он видел ее много раз то в июньском золотом солнечном дыме, то в голубоватом арельском просторном воздухе над синим, никем не тронутым снегом» (Кануны, с. 176). Даже предвесенний лес – это цветовое раздолье: *светло-синее небо; белизна поляны, прошитая строчками более темных, но тоже белых заячьих следов, переходила в тени от опушки в еле ощутимую и тоже какую-то глубинную будто небесную синь; темный дым еловых согр (согрой в центре и на востоке Вологодчины называют разновидности хвойного леса (СВГ, вып. 10, с. 67–68); густо-зеленые конусы елок и размытая зелень тонких стволов осинника; «Словно легкий сиреневый пар, поднялась и задрогла над розоватыми свечами стволов березовая прозрачная шевелюра; мерцали, золотились*

на солнышке *червоннно-коричневые* мутовки сосен»; *нежный зеленец* хвои; поднебесная *синева* (Кануны, с. 184). В лесу автор видит глухаря с *краснобровой* головой и с *радужной*, с *зеленовато-синим* отливом шеи, и *золотые* морковковые *россыпи* подобно звездам небесным (Час шестый, с. 481–482). Ср. осенний лес в «Часу шестом»: «Тревожно шелестел листопад. *Желтизна* в березовых купах – словно седина в бороде молодого, но уже много повидавшего мужика. *Кровавились* четко обозначенные *багрово-красные* осины. *Темные* ельники стояли безмолвно и от всего отрешенно... Уходит с неба луна. *Светлеет* восточное небо, народилась, раздвинулась вширь *малиновая* заря. *Чернявая* тучка с вечера пристраивалась на дальних еловых зубцах. Сначала она *озолотилась* лишь снизу и сбоку, но вот *золото* стремительно пошло по всем краям, и большой *опалово-красный* шар выкатился на горизонте. Светило небесное поднималось не торопясь, становилось все меньше, зато *ярче и ослепительней*» (Час шестый, с. 567). Золотой «блестяще желтый, отливающий золотом, имеющий золотой оттенок» в описании солнца, предметов, освещаемых солнцем, – очень частый эпитет у писателя, как можно заметить из уже приведенных примеров. Обозначая цветовую окраску, слова группы «*золотой*» одновременно выражают идею прекрасного как сути данных предметов и явлений. Эмоционально-экспрессивное воздействие слов со значением «*золотой*» усиливается оригинальной сочетаемостью их с другими тонами цветовой гаммы: *синим*, *зеленым*, *черным*.

Для влюбленного Прозорова «ярок и зелен превосходный полдень» Иванова дня, цветаста и нарядна «веселая тропа», по которой он идет в Шибаниху: «цветущий бело-розовым цветом клевер», «бордовые колокольцы», «купальницы в весенней желтизне», «нежная, пронзительно-розовая, словно лазурная гвоздичка, которую называют в народе девичьей красотой», «белый, с кремово-желтым отливом багульник», «краснеющая земляникой горушка», «остро, слепящее мерцало в зеленых прогалинах густой синевы долгое озеро» (Кануны, с. 249–250). А осенью плавает над росой «синяя паутина», *желты* и свежи соломенные зароды, «*кослепительны изумрудно-сизые* озимые полосы», «безмолвно и ярко пылают рубиновые всплески рябин», в тайге «*золотые, оранжевые и серебристо-желтые* пряди» осенней листвы (Кануны, с. 344). Описание сельского пейзажа у В.И. Белова обязательно содержит положительную эмоциональную ноту, обеспечивает лирическую тональность его прозы. Так передается настроение героев и самого автора, а часто и авторская оценка описываемых событий и лиц.

Если деревенский пейзаж всегда отличается чистыми благородными красками, то в городском, кстати, редком у писателя, другая палитра, художник находит здесь очевидные изъяны: белая мгла; золотушный сгусток солнца, никем не замечаемый и словно ненужный небу и городу (очень точное замечание автора!); *красноватые* монолиты Кремлевской стены; *серебристые*

лишаи инея, синяя гарь выхлопов (Кануны, с. 131). Но при описании производственной обстановки литейного цвета писатель обязательно использует цветовую гамму: *огненно-золотая* струя металла, *красная* жижа, *зеленые* язычки горящего литейного газа (Кануны, с. 162).

Были ли у Василия Ивановича любимые цвета, какие-то предпочтаемые краски? Да, это те цвета, которые сформировала природа: красный и синий во всем богатстве их оттенков, а также зеленый и желтый. Выбор писателем цвета зависел прежде всего от изображаемого предмета, от описываемого времени года и состояния погоды, а главное – от того, к какому герою имеет отношение изображаемая сцена. Неслучайно цветотпись широко используется в «Канунах», ограниченно – в «Часу шестом», практически отсутствует – в «Годе великого перелома». Цветные картины связаны с образами Павла Гирина, В.С. Прозорова, деда Никиты, находим их и в речи повествователя.

В последнем романе трилогии есть фрагмент, в котором зафиксировано цветное мировидение своей Родины то ли глазами писателя, то ли душой и сердцем его героя Никиты Ивановича Рогова: «Огороженный гигантскими столбами розовых и малахитовых ледяных сполохов, выстланных золотой зоревой парчой, окутанный черной дождливой шубой, распростерся на Божьей Земле Русский Север» (Час шестой, с. 580). Этот последний пейзаж в тексте как последний в трилогии взгляд автора на родной Русский Север.

Сравнение – один из древнейших и важнейших приемов создания образности. Сравнение через идею сходства, подобия характеризует субъект наглядно и выразительно. Сравнение состоит, как правило, из двух похожих по оформлению частей, соединенных сравнительными союзами. Тематическая классификация сравнений, то есть выявление того, с чем сравнивается, отражает языковую картину мира писателя (субъективно-оценочное отношение писателя к фактам объективной действительности) и является предметом антропоцентристской лингвистики. Этот момент важен при анализе языка писателя и при характеристике его мировидения. Сравнения могут характеризовать внешность героя и его состояние, передавать мысли и переживания героя, служить для оценки предмета или явления.

Для оценки роли сравнений избраны три произведения В.И. Белова, написанные в разное время: повести «Привычное дело» (1966 г. – ПД) и «Плотницкие рассказы» (1968 г. – ПР), роман «Час шестой» (1998 г. – Час).

В «Привычном деле», как и в других двух произведениях, самые распространенные в ряду структур сравнительной семантики – это конструкции с союзом *как*. В составе сравнительных оборотов с союзом *как* немало фразеологизмов. В динамичном рассказе Ивана Африкановича о поездке с Митькой употребляются и оригинальные обороты с союзом *как*, и фразеологизмы той же конструкции: *Вот ты, Африканович, говоришь – город как нетопленная печь, не греет, не теплит* (ПД, с. 85); *отпускники... бродят с прямыми, как*

дверные косяки, спинами (ПД, с. 94); у меня в кармане пусто, как весной на гумне. Весь хмель будто рукой сняло (ПД, с. 98). Сравнения, которые используют героя и автор, отличаются оригинальностью и точностью. Многие сравнения с союзом как в «Привычном деле» связаны с миром природы: Катюшино сердечко прыгало, как воробей (ПД, с. 93); Темные ели берегли зеленую свою глубину: глядишь, как в омут (ПД, с. 108).

Конструкции с союзом будто обозначают сравнения приблизительные, не категоричные. Очень часто такие обороты включаются в целый ряд сравнений (чаще рядом с союзом словно), что позволяет уточнить изображаемую картину, показать постепенные изменения в душевном состоянии героя. См. описания душевных переживаний главных героев: Задумал, затужил, будто задолжал кому, а долг не отдал. Будто потерялось в жизни что-то самое нужное, без чего жить нельзя и что теперь вроде бы и не нужным стало, а глупым и пустым, даже обманным оказалось (ПД, с. 85). Сравнительные обороты с союзом словно немногочисленны и сопровождаются другими сравнительными оборотами: У речки, нестарый, глубоко по-ребячни спит осинник. И, словно румянец на детских щеках, проступает сквозь сон прозрачная, еле заметная зелень коры. Несмелая еще зелень, зыбкая, будто дымок (ПД, с. 36).

Творительный сравнения используется Беловым редко. Такой оборот употреблен в речи Мишки, причем для усиления сравнения использованы рядом два разноструктурных оборота, поясняющих быстроту действия: мы с лесенки-то ракетой. Как ветром нас сдунуло! (ПД, с. 17).

Фразы с союзом что отличаются разговорным характером, содержат иронический элемент: А ноги возьми, что вырублены... девка что баржа (ПД, с. 12).

Для передачи эмоциональных переживаний героя, для характеристики его поведения автор часто использует подряд целый ряд эмоциональных сравнений: Четыре дня лежала еще дома – колесом пошла вся жизнь. В доме сразу как не топлено стало. Да и самого будто стреноожили, белый свет стал низким да нешироким, ходишь как в тесной, худым мужиком срубленной бане (ПД, с. 47).

В «Плотницких рассказах» создан выразительный образ рассказчика – плотника Смолина Олеши. У старика Смолина сравнения сочны и эмоционально выразительны; особенность его речи – одновременное употребление по поводу описываемой ситуации или оценки персонажа нескольких сравнений разной структуры: Весь вечер я, как в огне, сам себя не помню, ...Как погляжу на нее, будто меня ошпарят чем... А сам весь от страха дрожжу, хуже всякой войны (ПР, с. 158–159). Конструкции с союзом будто особенно характерны для речи Олеши Смолина, причем все связаны с воспоминаниями старого плотника о своей главной и единственной в жизни любви – о Татьяне: 1) описание переживаний самого Олеши: К окошку меня, как магнитом, так само и волокет, дрожжу весь, как глянул в баню-то, будто в кипяток меня окуну-

нули (ПР, с. 144); заметим, что динамизм действия и психологическая насыщенность описания усиливаются за счет одновременного употребления разных сравнительных оборотов; 2) поэтическое описание внешности и поведения девушки: *Глаза у ее были, я тебе скажу, – не глаза, а два омутка, то синие, то черные, глядят куда-то сквозь тебя, и не поймешь, что думают, будто забыли чего, а вспомнить не могут. ...До травки-муравки будто из милости ногами дотрагивается; ...На белый свет будто вытаяла... Косить, бывало, пойдет либо суслоны жать, не идет – птахой летит, что с поля, что в поле* (ПР, с. 157). Отметим в последнем случае увеличение семантического объема сравнений за счет конструкций с именным сказуемым (*глаза – два омутка*) и с творительным сравнениями (*птахой летит*).

У повествователя Кости Зорина сравнения по синтаксическим особенностям и по лексическому наполнению носят книжный характер: *Здесь, так же как снежные глыбы с ветхой кровли, сползают с души многослойные глыбы прошлого* (ПР, с. 129). Конструкция *по + прилагательное* (11 употреблений) характерна преимущественно для речи рассказчика Константина Зорина: *Сюда же одна за одной собирались и собачки, но здесь они вели себя совсем не по-уличному* (ПР, с. 162). Сравнение с союзом *словно* (11 употреблений) отмечено тоже только в речи Зорина в двух случаях: 1) тематика сравнений характерна для городского жителя, сами сравнения носят развернутый и книжный характер, например: *Обиды отрочества – словно зарубки на березах: заплывают от времени, но никогда не зарастают совсем* (ПР, с. 131); 2) второй ряд сравнений обусловлен конкретными деревенскими наблюдениями рассказчика и влиянием этих событий на его речь: *...я ныром, словно в летний омут после жаркого дня, незаметно ушел в бездну Олешиных разговоров* (ПР, с. 134); *Лошадь вздрагивала, испуганно кося большим, по цвету радужно-фиолетовым, словно хороший фотообъектив, глазом* (ПР, с. 152). Реже в речи повествователя отмечается союз *будто*, и такие конструкции связаны только с деревенской действительностью: *Бригадир поздоровался так, что будто только вчера потух наши последний костер; Мерцали над деревней синие, будто обсосанные леденцы, звезды* (ПР, с. 152, 161).

«Час шестой» (Час) – последний роман трилогии о судьбе вологодской деревни в период коллективизации. Сравнения в этом романе разнообразны по структуре и по художественному назначению.

Особенно распространены в трилогии сравнения, связанные с миром природы: *Собрание гудело как потревоженный мышами улей* (Час, с. 432); *Ленинский Коминтерн, как лесной гриб, сгнил на корню* (Час, с. 508). Преобладает лексика природы в сравнениях с союзом *словно*: *Только спит она чутко, словно ночная птица* (Час, с. 436). Творительный сравнения тоже связан с образами сельской природы: *Ослепительной счастливой зарницей мелькнула в жизни курсанта отпускная неделя* (Час, с. 488). В сравнениях типа *по-*

медвежьи преимущественно используются образы животных: *Он по-медвежьи неловко повернулся к охраннику* (Час, с. 381); *Белые ресницы Миши Лыткина то и дело по-теляччи моргали* (Час, с. 464). Деревенскому жителю хорошо понятны и следующие сравнения: *Запомнились и коровы вздохи внизу, под верхним сараем, словно меха в Гавриловой кузнице; долгий, по-вдовьи тяжелый вздох коровы* (Час, с. 488).

Развернутая цепь сравнительных структур использована автором, чтобы передать силу лесного ветра: *Ровный мощный поток ветра летел с юго-запада. Гудело вокруг все, шумело в сосновых и еловых верхах, широко и безостановочно, словно вода, падающая с какой-то безбрежной небесной плотины. Так же, с такой же упрямой и добротной настырностью, ровно и бесконечно шумят жернова, перетирающие сухое зерно, засыпанное в мельничный кош до самых краев* (Час, с. 581). Заканчивается это описание сильным образом: *Лес гудел вокруг «охотников» будто вселенский потоп* (Час, с. 589).

С крестьянским трудом связаны оформленные оборотами с союзом *словно* выразительные образы, возникающие в сознании крестьян в разных ситуациях: *…когда печь была сбита, Евграф похлопал по ней ладонью, словно по запряженной лошади: – Живет, добро!* (Час, с. 475); *Глубокая затаенная обида, словно огонь под соломенным пеплом, ташлась где-то далеко в сердце* (Час, с. 490).

Сравнительные обороты являются средством иронии, сатиры или мягкого юмора. Резко характеризуется отношение Игнахи Сопронова к своей жене: *Люди говорят, совсем он свихнулся, колотит по ночам бабу как шубу* (Час, с. 446). Беспощадно оценивает Павел аграрную политику государства: *Все крестьянство раздавили в лепешку, как червяка* (Час, с. 583).

В.И. Белов не забывает о профессии героя, который наблюдает ту или иную картину. Для матроса Василия Пачина естественны сравнения, связанные с образами флотской службы: *По цвету крыша была похожа на серый борт корабля; Братва окрестила «якорем» тот самый гальюн, где курильщики собирались каждый вечер перед отбоем* (Час, с. 485, 487, 488).

В целом сравнения в прозе Белова разнообразны по структуре, выразительны по своим семантико-стилистическим качествам, метки, красочны. Они помогают рисовать внешность героев, передавать их душевые переживания, кратко и точно описывать обстановку и состояние природы. Преобладает оборот с союзом *как*, затем идет сравнительная степень, конструкции с союзами *словно* и *будто*, далее – творительный сравнения и формы с приставкой *по*, остальные конструкции единичны. На наш взгляд, В.И. Белова больше заботила точность обозначения, он стремился сразу одним словом или словосочетанием (чаще с определением) предельно точно описать предмет или явление, назвать действие и охарактеризовать героя. Сравнение необходимо, если первоначальное обозначение неполно и его приходится дополнять, подпирать

сравнением. То есть сравнение не является главным и первостепенным выразительным средством в прозе В.И. Белова.

Таким образом, выбор и описание места и времени, оценка всего происходящего в деревне через сознание и голоса главных персонажей – жителей вологодской деревни Шибанихи – свидетельствуют о том, что В.И. Белов создал текст, соответствующий по своим качествам определению «вологодский» текст.

3.3. Функционирование ойконимов в устной и письменной речи

Данный параграф посвящен проблеме функционирования ойконимов, их современному употреблению в письменной и устной речи. Функционирование названий населенных пунктов рассматривается на историческом фоне с учетом соотношения названий типов населенных пунктов и собственных названий сельских населенных пунктов, которые составляют в русском языке большую часть ойконимов. Официальные списки ойконимов имеют несколько вариантов: Государственный каталог географических названий, Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления (ОКАТО), списки на официальных сайтах муниципальных органов.

Проблемы возникают потому, что в ряде случаев факты современного написания ойконимов отступают от орфографической нормы. Вместе с тем, возможности нормализации написания ойконимов предусмотрены Федеральным законом от 18.12.1997 № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» и указаниями Межведомственной комиссии по русскому языку при Правительстве России. В еще большей мере необходима нормализация произношения ойконимов, поскольку в устной речи их употребительность гораздо выше, чем в письменной. В отношении устного употребления (в орфоэпической нормализации) ойконимов большую роль могут сыграть топонимические исследования специалистов: ученые в полевых условиях зафиксируют ударение и произношение, сформулируют рекомендации по произношению и написанию названий населенных пунктов.

Название населенного пункта – это не просто именование географического объекта, это особое слово. Во-первых, велика его историко-культурная значимость, ойконим чаще всего имеет древнюю историю и в этом случае связан с историей древнего этноса, проживавшего или проживающего на данной территории; во-вторых, это имя малой Родины, дорогое сердцу жителя этой местности; в-третьих, это официальное название жилого поселения, наделенное юридическим статусом. Стабильное написание, соответствующее действующим правилам, – это социально значимая норма для функционирования ойконимов в письменной речи, а произношение (в том числе ударение), ориентированное на речевую практику коренного населения и зафиксированное в официальных справочниках, значимо для устного использования. Употребле-

ние ойконимов в устной речи рассматривалось в региональных словарях и других изданиях²⁹.

Существующую систему наименований географических объектов, в том числе названий населенных пунктов, как составную часть исторического и культурного наследия народов России, регистрирует, учитывает и решает вопросы сохранения Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» (№ 152-ФЗ). Он особенно важен для установления правил употребления именно ойконимов, закон определяет основы деятельности в следующих областях: 1) присвоение наименований географическим объектам; 2) переименование географических объектов; 3) нормализация наименований географических объектов, 4) их употребление, 5) регистрация, 6) учет, 7) сохранение наименований географических объектов как составной части исторического и культурного наследия народов России.

В целях обеспечения единообразного и устойчивого употребления наименований географических объектов и сохранения указанных наименований в Российской Федерации создается Государственный каталог географических названий. Наименования населенных пунктов и административно-территориальных единиц регистрируются в Государственном каталоге географических названий, в Общероссийском классификаторе объектов административно-территориального деления (ОКАТО) и в Общероссийском классификаторе территорий муниципальных образований (ОКТМО)³⁰.

²⁹ См., например: Агеенко Ф.Л. Ударение в названиях улиц Москвы и в географических названиях Московской области: словарь-справочник. М., 1983. 110 с.; Бабурин А.В. Рязанский топонимический словарь: (названия рязанских деревень). Рязань, 2004. 492 с.; Баженова Т.Е. Диалектные номинации в составе географических наименований на территории Самарского края // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна. Арзамас-Саров, 2016. С. 192–196; Барбашов Е.Р. Топонимический словарь Белевского района Тульской области. Тула, 2011. 326 с.; Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифopoетический образ пространства. М., 2010. 240 с.; Бурыкин А.А. Ойконимы Костромской области в контексте диалектологии // Русское слово и Костромской край: сб. статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. СПб., 2013. С. 388–396; Воробьев В.М. Тверской топонимический словарь: Названия населенных мест. М., 2005. 472 с.; Глебко Г.И. Словарь ойконимов бассейна Нижней Печоры. Сыктывкар, 2009. 186 с.; Кучин Н. Костромской край: города и ве-си: географические названия Костромской области. Кострома, 2000. 337 с.; Максимчук Н.А. Шумячское Порубежье в именах и названиях. Часть 1: Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю. Смоленск, 2012. 280 с.; Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области. Вологда, 1993. 270 с.; Чайкина Ю.И., Монзикова Л.Н., Варникова Е.Н. Из истории топонимии Вологодского края. Вологда, 2004. 112 с.; Щербак А.С., Бурыкин А.А. Названия населенных пунктов Центрального Черноземья: словарь. Тамбов, 2013. 355 с.; Язык земли Вологодской. Сборник / гл. ред. Г.В. Судаков. Вологда, 2015. 100 с.

³⁰ ОКТМО утвержден в 2005 году, с 1 января 2014 г. введена в действие новая версия ОКТМО, лучше увязанная с ОКАТО, поскольку код учета населенного пункта теперь одинаков и в ОКАТО, и в ОКТМО.

Государственный каталог географических названий введен в соответствии с федеральным законом, а порядок регистрации и учета наименований географических объектов, издания словарей и справочников, ведения самого каталога определены приказом Министерства экономического развития РФ от 27.03.2014 № 172. Ведет каталог Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии.

ОКАТО введен с 1 января 1997 года. Ведение ОКАТО осуществляется двумя взаимодействующими организациями: вычислительный центр Госкомстата России и ВНИИКИ Госстандарта России.

Органы государственной власти субъектов РФ могут осуществлять регистрацию и учет наименований географических объектов, а также подготовку и издание каталогов, словарей и справочников наименований географических объектов с учетом интересов населения своих территорий. Федеральная служба геодезии и картографии России проверяет издаваемые в регионах официальные справочники и принимает (или не принимает) их «на дежурство», см. цитату из официального письма заместителя руководителя Федеральной службы геодезии и картографии России А.Н. Прусакова от 11.02.2004 г. № 7-11-461: «Федеральная служба геодезии и картографии России рассмотрела поступивший из Правительства Вологодской области справочник “Вологодская область. Административно-территориальное устройство на 1 января 2000 года”. С учетом результатов представленной экспертизы, официальных документов и сведений Роскартография не может дать положительного заключения по его содержанию и принять указанный Справочник на дежурство. Роскартография подготовила и направляет свои предложения и замечания по Справочнику»³¹.

До 2010 года справочники и словари были печатными, теперь дополнительно используются электронные варианты, размещаемые на официальных сайтах государственных или муниципальных органов власти. Но часто эти списки на сайтах органов власти содержат устаревшую информацию, не имеют ссылок на источник, откуда они взяты (это должен быть ОКАТО!).

Одна из последних новаций в федеральном законе, внесенная в 2012 году, – определение понятия *нормализация наименования географического объекта*. Нормализация наименования – это «определение написания наименования географического объекта на государственном языке Российской Федерации и наряду с государственным языком Российской Федерации на других языках народов Российской Федерации в соответствии с правилами русской орфографии и орфографии других языков народов Российской Федерации и в соответствии с традициями употребления наименований географических объектов на указанных языках» (№ 152-ФЗ, ст. 1).

³¹ Цитируется по копии письма, хранящейся в архиве автора книги.

Федеральный закон № 152-ФЗ содержит следующую норму: «Произвольная замена одних наименований географических объектов другими, употребление искаженных наименований географических объектов не допускаются» (№ 152-ФЗ, ст. 11, п. 1). Актуальна и следующая норма: «Переименование географического объекта допускается в случаях, если... существующее написание наименования географического объекта на государственном языке РФ... не соответствует правилам русской орфографии» (№ 152-ФЗ, ст. 7, п. 3). Эта норма могла бы касаться, например, наименований двух районов, зафиксированных в официальных справочниках административно-территориального деления Вологодской области и в ОКАТО: 1) *Кичменгско-Городецкий район* (должно быть: *Кичменгскогородецкий*, так как населенный пункт, название которого послужило основой для именования района, называется *Кичменгский Городок*); 2) *Усть-Кубинский район* (река носит название *Кубена*, значит, район должен быть *Усть-Кубенский*).

Возникает вопрос: кто и когда ввел эти написания? Кичменгско-Городецкий район и само название *Кичменгско-Городецкий* появились в 1924 г., когда в Северо-Двинской губернии были ликвидированы уезды и волости и введено районное деление: образованы 18 районов, в том числе Кичменгско-Городецкий на части территории бывшего Велико-Устюгского уезда (ВО 1974, с. 478). Заметим, что в Вологодской и Череповецкой губерниях уезды и волости существовали до 1929 года. Преобразование волостей в сельсоветы здесь происходило постепенно. Кстати, слово *Великоустюгский*, как и *Кичменгско-Городецкий*, до 1956 г. тоже писали через дефис. «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. определили: «Пишутся слитно сложные имена прилагательные, ...образованные из сочетаний слов, по своему значению подчиненных одно другому» (Правила 1956, с. 41, п. 50, 3). Слово *Великоустюгский (район)* упоминается в качестве примера слитного написания в полном академическом справочнике 2009 г. (Правила 2009, с. 116, п. 126, 6). Несколько, почему под это правило не подвели слово *Кичменгско-Городецкий*, ведь алгоритм рассуждения одинаков: *Великий Устюг – Великоустюгский, Кичменгский Городок – Кичменгскогородецкий*.

Название *Усть-Кубинский район* появляется 14 января 1929 года, когда был создан Вологодский округ Северного края; в составе этого округа был учрежден Усть-Кубинский район (ВО 1974, с. 480; ВЭ, с. 486). Центр района – село Устье, поэтому существовавшая здесь волость, входившая в состав Кадниковского уезда, называлась Устьянская волость. Район поименован по названию реки Кубены. Объяснение факта написания *Усть-Кубинский* вместо *Усть-Кубенский* одно: местные служащие не разобрались, какую букву писать на месте безударного гласного. Советы в учебниках в то время ограничивались иногда только констатацией возможности ошибки, ср.: «10. В неударяемых слогах... гласные артикулируют так слабо и неполно, что произношение

их становится неясно, ...ослаблению подвергаются гласные е, и... оттого на письме нередко одна буква становится вместо другой³². Местное население и жители области называют поселок Устье-Кубенское, см. сайты: vk.com/u/tubenskoe (В-Контакте), cultinfo.ru (Департамент культуры Вологодской области).

Возможность и правомочность правки географического названия в соответствии с правилами русской орфографии теперь узаконена, но, когда это сделать, определяют власти региона с учетом нормы закона, интересов населения и финансовых возможностей. Если название в Государственном реестре с точки зрения современных норм правописания записано неправильно, но это официальное, зарегистрированное название, то внесение любого изменения (даже замена строчной буквы на прописную, изменение слитного, раздельного или дефисного написания и др.) осуществляется только в порядке, определенном в законе, то есть решением Правительства РФ по представлению субъекта РФ.

В законе есть и норма, позволяющая устраниТЬ случаи, когда два или более однородных географических объектов в пределах одного административного образования имеют одно и то же наименование, что затрудняет осуществление хозяйственной и иной деятельности (№ 152-ФЗ, ст. 7, п. 3). Количество таких случаев в последние годы по всей России увеличилось в результате продолжающегося до сих пор объединения сельсоветов (а теперь сельских поселений), потому что в состав нового административного образования попадают деревни с одинаковыми названиями.

До 1927 г. на территории нынешней Вологодской области, за исключением восточной части, сохранялся волостной принцип административно-территориального деления (см. справку об изменениях в административно-территориальном делении Вологодской области: (ВО 1974, с. 478–483)). Границы волости веками были неизменными, что способствовало сохранению традиционных занятий, культуры и языка жителей волости³³, а комплекс названий населенных пунктов представлял гармоничную систему, где легко обнаруживались и лексико-семантические группы, и типичные словообразовательные модели. В общей системе русской топонимии был распространен принцип корреляции, демонстрировавший или связь нового со старым (деревня *Новая* – деревня *Старая*), или градацию по размеру селения (село *Великое* – село *Середнее* – село *Малое*), или указание на какие-либо природные объекты (Заболотье, Зaborье, Завражье, Загорье). Ныне таких соответствий в пределах муниципальных образований сохранилось мало.

В состав названия населенного пункта не входит наименование типа населенного пункта: (деревня) *Тарасовская*; (село) *Никольское*, но есть редкие

³² Русское правописание: руководство, сост. по поручению второго отд. Имп. Академии наук академиком Я.К. Гротом. СПб., 1894. С. 7.

³³ Витов М.В. Этнография русского Севера. М., 1997. 194 с.; Лемтюгова В.П. Формирование восточнославянской ойконимии в связи с развитием типов поселений. Минск, 1983. 40 с. (Доклады. IX Международный съезд славистов)

случаи включения в состав современного ойконима старых именований типов поселений: (деревня) *Погост-Воскресение*, (деревня) *Выселок-Михайловский*, (деревня) *Шебеньгский Погост*, (деревня) *Зарубин Починок*. Желание сохранить традиции в названиях приводит к смешению в одном наименовании элементов двух разновременных систем, к структурному усложнению названий и к появлению ошибок в письменной форме ойконима.

В 2000 году в связи с реформой местного самоуправления по просьбе Правительства Вологодской области преподаватели кафедры русского языка Вологодского педагогического университета провели проверку соответствия употребляемых на местах названий населенных пунктов их официальной фиксации в региональном справочнике и в ОКАТО. Что выявила такая проверка?

Во-первых, в ряде случаев, кроме официального (зарегистрированного) названия, в устной речи употребляется близкое по звучанию более древнее название: например, *Мощеник* вместо *Мошницкое*, *Новая деревня* вместо *Пименово* (Кадуйский район, Вологодская область). Поскольку постоянных жителей в этих деревнях уже нет, старые названия скоро выйдут из употребления. Случаи вторых наименований теперь редки, раньше это встречалось чаще.

Во-вторых, значительное увеличение численности населения какого-либо населенного пункта за счет развития производства иногда приводит к смене произношения ойконима. Как местный уроженец, могу свидетельствовать: в пятидесятых – шестидесятых годах XX века старое *Череповец* превратилось в *Череповец*.

В-третьих, старая система типов населенных пунктов за последние десятилетия стала стремительно сокращаться в пользу стандартной немногочисленной новой типологии: в середине XX века в Вологодской области были починки, хутора, выселки, местечки, но с семидесятых годов прошлого столетия господствуют деревни, села и поселки. Местечки, погосты, починки, хутора сохраняются и сейчас, так в Вологодском районе остались деревни *Починок 1-й*, *Починок 2-й* (Справочник, 2012, с. 133), они же в ОКАТО именуются Починок-1, Починок-2, что не соответствует современной орфографической норме. Таких деревень под названием Починок было много в Вологодском районе – 5, в Грязовецком районе – 5, по 3 в районах: Харовском, Череповецком и Шекснинском (Справочник, 2001, с. 264). Немногие сохранившиеся погосты обязательно называются словосочетаниями, см. в Вологодском районе: деревни *Погост Дмитриевский*, *Погост Еленга*, *Погост Оночесть*, села *Погост Воскресенский*, *Погост Рождество* (ОКАТО).

В-четвертых, есть проблемы в употреблении названий, заимствованных в советское время из транспортной или иной номенклатуры: станция (железнодорожная), разъезд, участок (дорожный), пристань, шлюз, запань, кордон (лесной). Населенные пункты, построенные около этих производственных объединений, получали составное название, включающее и наименование

подразделения определенного производства (чаще конкретного вида транспорта): деревня *Разъезд Оларево* (Сокольский район, Вологодская обл.), деревня *Пристань Исады* (Междуреченский район, Вологодская обл.), деревня *Дорожный Участок № 222* (Вологодский район, Вологодская обл.). Селений, включающих в свое название слово *шлюз*, в Кирилловском районе Вологодской области три: *Шлюз № 41A*, *Шлюз № 51A*, *Шлюз № 61A*. В справочнике 1974 г. эти селения именовали без обозначения их типа: *шлюз № 5*, *шлюз № 6*, *шлюз № 4* (Справочник, 1974, с. 182, 188), слово *шлюз* писали со строчной буквы. В справочнике 2001 г. использовали в этом случае типовое обозначение *населенный пункт (нп)*, то есть наиболее общий вариант, хотя слово *Шлюз* написали с прописной буквы (Справочник, 2001, с. 157, 161). Этот вариант зафиксирован также в ОКАТО.

В-пятых, отдельные названия, появившиеся в XX веке, не соответствуют традиции именования населенных пунктов. В норме собственное имя поселения должно стоять в именительном падеже. На практике мы имеем: село *им Бабушкина* (ОКАТО – номер не указан), село *им. Бабушкино* (Справочник, 2001, с. 91); поселок *им Желябова* (номер в ОКАТО не указан, все остальное воспроизводим буквально, т.е. без точки после *им*), поселок *им. Желябова* (Справочник, 2001, с. 213). Жители этих селений называют себя *бабушкинцы* и *желябовцы*. Другой факт наблюдаем в Тотемском районе: *Мясокомбината* (поселок сельского типа) – так в ОКАТО, без кодового номера; в региональном справочнике: поселок *Мясомбината* (Справочник, 2001, с. 203). *Мясокомбината* – это не именительный падеж женского рода, это родительный падеж мужского рода. Вторая проблема: как называть жителей этого поселка: *мясокомбинатовцы*, *мясники*, *комбинатовцы*? Некоторые называют себя *тометцами*, поскольку поселок рядом с городом Тотьма.

В-шестых, после создания муниципальных образований как нового типа административно-территориальной единицы и последующих волн объединений этих образований возникли три проблемы: 1) как выбрать личное имя для новой укрупненной административно-территориальной единицы: по названию центрального населенного пункта или по иному принципу? 2) какую структуру должно иметь слововосочетание, называющее данную административную единицу: *Ивановское поселение*, поселение *Ивановское*, поселение *Иванинское*, поселение *Ивановка*? До 2000 года на этой территории был Ивановский сельский совет; 3) в состав одного поселения попали селения с одинаковыми названиями, при этом после сокращения почтовых отделений они и обслуживаются одним отделением связи. Для минимального отличия населенных пунктов с одинаковыми названиями присвоить им порядковые номера: *Горка 1-я*, *Горка 2-я*? Необходимость такая есть, например, в Череповецком районе деревень с названием *Горки – 8*, в Шекснинском и Сокольском районах – по 5 (Справочник, 2001, с. 247). Жители привыкли к названию *Горка*, имя малой

Родины значимо и памятно для каждого жителя, хотя *Горки* с порядковыми номерами – тоже отступление от традиции иметь для каждого населенного пункта свое личное именование. Более удачные примеры ухода от номерной пагинации зафиксированы в ОКАТО: четыре деревни Вологодского района содержат в названии слово *горка*, но в составе названий есть определения: *Горка Никольская*, *Горка Покровская*, *Горка Ильинская*, *Малая Горка*. Вероятно, в таких случаях решать вопрос об уточнении названий следовало бы с привлечением специалистов: лингвистов, этнографов, историков, психологов.

В-седьмых, при оформлении личных документов граждан допускаются ошибки в написании названий населенных пунктов и административно-территориальных единиц, в употреблении букв *е-е* в географических названиях и в фамилиях. Новая редакция «Правил русской орфографии и пунктуации» способствует такому разнобою в написании, см. примечание к п. 2 параграфа 125: «Первая часть *Ново-* может писаться в географических названиях как слитно, так и через дефис, напр. *Новомосковск*, но *Ново-Огарево*» (Справочник, 2009, с. 115). В вологодском справочнике 1974 г. все подобные слова писали только слитно, как и требовало устоявшееся правило. В справочнике 2001 г. из семнадцати названий написали слитно пятнадцать, с дефисом – два: *Ново-Георгиевская*, *Ново-Дубровка* (Справочник, 2001, с. 115).

Часть этих проблем можно было бы решить, разработав для полного академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» подробные рекомендации по поводу правописания географических названий. Особенно это касается дефисных написаний и двухкомпонентных названий. В справочнике наименованиям географических объектов посвящены только параграфы 125–127, 169 (Правила, 2009). Новая редакция «Правил русской орфографии и пунктуации» имеет пробелы³⁴, правописание географических названий не оформлено отдельным разделом.

Возникают трудности с употреблением ойконимов в устной речи. Для правильной передачи звуковой формы ойконима, для верного их прочтения и произношения, а также для образования правильной формы названия жителей этих населенных пунктов помогли бы знак ударения и буква *ё*. *Устюг*, *Сухона* – так правильно, для жителей данных мест – это язык их малой Родины. *Кадниковцы* из поколения в поколение так себя называют, и только это название жителей Кадникова (Сокольский район, Вологодская область) правильное. Но и специалисты иногда рассуждают об этимологии топонимов, исходя из письменной фиксации слова, забывая о звуковом составе слова и об ударении. В официальных реестрах ойконимов, в том числе на официальных сайтах ре-

³⁴ Некоторые другие случаи неупорядоченного написания географических названий, в том числе ойконимов, см. в работах: Барадеев А.В. История топонимов-советизмов // Русский язык в школе. 2017. № 11. С. 53–57; Никитин С.А. Лингвистические аспекты переименования географических объектов в России: дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкоизучения РАН, 2003. 220 с.

гионов и муниципалитетов, в справочниках-путеводителях не указано ударение. Даже названия вологодских городов иногда произносят неправильно: *Вологда, Тотьма, Белозёрск, Устюг, Устюжна*, вместо *Вологда, Тотьма, Белозёрск, Устюг, Устюжна*.

Правильное употребление наименования населенного пункта предполагает правильное произношение этого наименования, однако в государственных реестрах географических названий не фиксируется место ударения и не соблюдается требование Межведомственной комиссии по русскому языку при Правительстве России³⁵ об употребления буквы ё, что облегчало бы выбор правильного варианта произношения целого ряда наименований. К сожалению, в своде правил под редакцией В.В. Лопатина, утвержденном в 2006 г., в отношении всех онимов (оиконимов, антропонимов) – не обязательная норма, а рекомендация употреблять ё (Правила 2009, с. 18)³⁶. В официальных справочниках населенных пунктов Вологодской области буквы ё вообще нет.

Произносительная (орфоэпическая) норма не закреплена в официальных реестрах географических названий, хотя название населенного пункта произносится гораздо чаще, чем пишется, неправильное произношение топонима, как и ошибка в его написании, затрудняет общение. Списки названий населенных пунктов должны соответствовать двум критериям: 1) для официальной письменной записи – соответствие ОКАТО и дополнительно – наличие буквы ё; 2) для употребления в устной речи – постановка ударения, соответствующего традициям употребления наименования местными жителями. Последнее пожелание предполагает большую полевую работу по сбору необходимых данных. Количество сельских населенных пунктов в Вологодской области превышает восемь тысяч, но, к сожалению, быстро убывает (см. прилагаемую таблицу, любезно предоставленную Марией Эдуардовной Рут). В период проведения последней муниципальной реформы (2001–2004 гг.) нам удалось выполнить задачу сбора вологодских оиконимов почти полностью.

В Вологодской области работа была организована на условиях договора с Правительством области и при поддержке гранта регионального отделения Русского географического общества. Реальное произношение названий населенных пунктов местными жителями было установлено непосредственно в самих населенных пунктах путем опроса населения; опрос проводили подготовленные к такой работе студенты с участием старост поселений и специалистов сельских советов. Выявление существующих наименований населенных пунктов, как и других наименований географических объектов, путем опроса населения предусмотрено Федеральным законом (№ 152-ФЗ, ст. 6, п. 1).

³⁵ См. приказ Министерства образования и науки РФ от 2 декабря 2004 г. № 124 «О создании Межведомственной комиссии по русскому языку».

³⁶ См. подробный разбор: Барандеев А.В. О пользе новой редакции правил русского правописания для орфографии топонимов // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М., 2009. С. 207–214.

Методики сбора топонимического материала разработаны многими ономастическими школами (например, Уральской, Московской, Пермской) и отдельными ономатологами³⁷. В нашей инструкции изложены методические указания и приведены образцы оформления списков по отдельным сельсоветам.

Была разработана анкета населенного пункта. Название фиксировалось в формах именительного, родительного и творительного падежей. Учитывался грамматический род и случаи употребления ойконима в форме множественного числа. Были учтены варианты наименований. Выяснялись существующие формы названия жителей данного селения. На основании заполненных анкет и записей в рабочих тетрадях составлялся список поселений. Список деревень каждого сельсовета удостоверен подписью трех лиц: руководителя поселения, директора образовательного учреждения и начальника отделения связи. Такие списки в Вологодском государственном университете имеются по всем муниципальным районам Вологодской области, соответственно такие же экземпляры есть и в администрации каждого муниципального района.

В заключение сформулируем два предложения, над реализацией которых мы работаем в настоящее время:

1. Просить государственные органы, занимающиеся реализацией Федерального закона «О наименованиях географических объектов» (от 18.12.1997 № 152-ФЗ), о необходимости представления более полных сведений в каталогах названий населенных пунктов.

2. Разработать рекомендации по проблемам названий поселений и административно-территориальных единиц муниципального уровня, подготовить популярное пособие о правилах написания названий населенных пунктов и названий муниципальных образований.

Таблица 1

**Количественные данные по населенным пунктам
Вологодской области**

Районы	ВО 1974	ВО 2001
Бабаевский	384	276
Бабушкинский	174	138
Белозерский	333	280
Вашкинский	283	197
Великоустюгский	626	455
Верховажский	270	230
Вожегодский	343	327
Вологодский	1149	922
Вытегорский	306	278

³⁷ См., например: Методические указания по сбору топонимического материала. Свердловск, 1983. 20 с.; Сбор ономастического материала // Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А.П. Непокупный. М., 1986. С. 180–192.

Районы	ВО 1974	ВО 2001
Грязовецкий	641	530
Кадуйский	209	194
Кирилловский	615	480
Кичменгско-Городецкий	415	364
Междуреченский	265	172
Никольский	269	246
Нюксенский	186	149
Сокольский	484	410
Сямженский	208	164
Тарногский	312	263
Тотемский	271	228
Усть-Кубинский	332	278
Устюженский	265	223
Харовский	447	413
Чагодощенский	111	92
Череповецкий	640	553
Шекснинский	444	376
Всего	10008	8272 (в 2000 исчезло еще 77)

3.4. Проблемы юридической лексики в современной речи и филологическое образование для юристов

Филологическое образование на юридическом факультете в России имеет давнюю традицию. Русскую словесность юристы изучали не только в объеме курса русского языка, но штудировали и историю русской литературы, разбирали юридические сюжеты в художественных текстах как учебный материал с точки зрения юридической психологии. Гуманитарная подготовка российского юриста в XIX веке была лучшей в Европе, а А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, С.А. Андреевский, Н.П. Карабчевский и другие мастера судебного красноречия считались лучшими ораторами в государстве и образованнейшими людьми своей эпохи.

В число условий успешной юридической деятельности А.Ф. Кони включал необходимость знаний и навыков в области родного языка: «Нужно знать предмет, о котором говоришь, в точности и подробности, выяснив себе вполне его положительные и отрицательные свойства, нужно знать свой родной язык и уметь пользоваться его гибкостью, богатством и своеобразными оборотами, причем, конечно, к этому знанию относится и знакомство с сокровищами род-

ной литературы»³⁸. А.Ф. Кони – классик судебного красноречия и основоположник судебной этики, он учил своих коллег быть ответственными за принятые решения. Во всех звеньях подготовки будущего юриста должна быть система, обеспечивающая высокий уровень квалификации.

Проблемы создает и недостаточная разработанность российского законодательства, причем в отношении довольно популярных юридических терминов. Одним из таких терминов является слово *ипотека*, как отдельно употребляемое, так и в составе словосочетаний.

Понятие «ипотека» появилось в Греции в начале VI века до н.э., как термин впервые употреблено в своде законов византийского императора Юстиниана. Буквально это значило «залог земельного участка». Русское слово *залог* значит «обеспечение имуществом обязательства лица, взявшего ссуду».

Сложность в том, что современная российская ипотека – это целая система действий, процесс кредитования под залог недвижимости: заключение договора о залоге имущества, проверка наличия долгов по этой недвижимости, проверка имущественных прав на заложенную недвижимость. В результате в русском языке *ипотека* – слово многозначное, что не очень удобно для термина. В США ипотека – это кредитование только в жилищной сфере, во Франции – кредитование под залог земли.

Для русских понятие «ипотека» не новое. О залоге толкует Псковская судная грамота XIII века, суть его излагается в Уложении 1649 года. В Уставе о банкротстве 1800 года, в своде гражданских законов 1835 года. Государственные кредитные учреждения в России появились в 1754 г. До 1917 г. наша страна была одним из мировых лидеров в использовании ипотеки, в частности, в долгосрочном кредитовании под залог земли: в 1917 г. был 21 государственный земельный банк и 18 частных.

Ипотека вернулась в Россию в девяностых годах прошлого века: 1998 г. – принят закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)». 2003 г. – принят закон «Об ипотечных ценных бумагах». Созданы региональные фонды ипотечного жилищного кредитования, приняты соответствующие нормативные документы.

Термин *ипотека* определяется только в первом законе таким оригинальным способом: Федеральный закон от 16 июля 1998 года №102-ФЗ назван «Об ипотеке (залоге недвижимости)», то есть толкование термина дано непосредственно в названии закона. Некоторые другие термины толкуются в законе об ипотечных бумагах: *ипотечные ценные бумаги, облигация с ипотечным покрытием, ипотечный сертификат участия, ипотечный агент, жилищная облигация с ипотечным покрытием* (ст. 2). Из законов яствует, что ипотека как одна из форм обеспечения кредита есть залог имущества.

Слово *ипотека* было популярно в России в XIX веке, поэтому в толковых словарях русского языка оно поясняется подробнее, чем в специальном

³⁸ Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 2. СПб., 1912. С. 34.

законе: «Гипотека или ипотека – ручательство, поручительство залогом, обеспечение» (Даль, т. 1, с. 351); «Ипотека – ссуда, выдаваемая в капиталистических странах под залог недвижимого имущества, а также залог недвижимого имущества под такую ссуду» (МАС, т. 1., с. 675). Словарь современного русского литературного языка в 17 томах отмечает у слова два значения: 1) ссуда, выдаваемая под залог недвижимости, которая остается в распоряжении должника, но с ограничением в правах владения; 2) залог недвижимого имущества в качестве обеспечения какой-либо сделки, при которой залогодатель теряет право свободно распоряжаться этим имуществом.

Гражданский кодекс толкует ипотеку как право владельца имущества на залог (ст. 131) и говорит о периоде ипотеки (с. 340). Т.е. ипотека – это срочный договор. Нормативные документы сообщают об ипотеке предшествующей и последующей, если имущество закладывается несколько раз. Ипотечный договор – это кредитный договор, обеспеченный ипотекой. В этом смысле ипотека – это не только обеспечение обязательств имуществом, но и само заложенное имущество. В законе определен термин *ипотечное покрытие*, поэтому предлагаем свое определение: ипотечное покрытие – состав имущества или иных ценностей, стоимость которых достаточна для покрытия суммы долга.

В речевой практике ипотека – это: 1) ссуда, выдаваемая под залог имущества, 2) сам факт залога, 3) кредитный договор, 4) полученная под залог денежная сумма. В речи есть и другие случаи вольного обращения с терминологией. *В нашем городе пять ипотечных домов.* Ипотечный дом – 1) дом, заложенный ради получения ссуды; 2) дом, построенный на ссуду, полученную под залог какого-то недвижимого имущества. Если выражение двусмысленно, оно не годится для финансовой и экономической терминологии. Отношения в системе ипотеки носят двухсторонний характер: есть позиция заемщика-залогодателя и есть позиция кредитора-залогодержателя.

Пользуются возможностями ипотеки тысячи людей. Во избежание путаницы и судебных споров необходимо следить за точным употреблением терминов, не создавать своих словесных новаций. Юристы и лингвисты должны учесть в словарях и справочниках новую терминологию и предложить понятные толкования понятий, не противоречащие закону.

Юрист должен владеть эффективными технологиями правового просвещения. Безусловно, для граждан эффективен в этом отношении личный опыт общения с правоохранительными органами, но он дорог по моральным и материальным издержкам. Хорошо было бы организовать, используя разные формы, системное информирование граждан по актуальным правовым проблемам, имеющим экономическое и социальное значение, как, например, налог на недвижимость, ипотека, оплата капитального ремонта. Здесь помогли бы и юридически грамотные сайты в Интернете, и доходчивая литература (брошю-

ры и листовки). Но по-настоящему добиться исполнения закона возможно только формируя общественное мнение, на что уходят десятилетия совместного труда семьи, школы, органов власти, общественных организаций и средств массовой информации.

Аналогичная работа требуется и на фронте общественного движения за грамотность. Охарактеризуем опыт кафедры русского языка Вологодского государственного университета по филологической подготовке будущих юристов и формы нашей совместной работы с судейскими корпорациями региона.

В середине 90-х годов мы в числе первых в России попробовали поставить на юрфаке педагогического института «Риторику для юристов». Создали группу из трех человек, свою программу³⁹ и открыли одновременно этот курс на стационаре и на заочном отделении.

Параллельно шел и учебный предмет «Русский язык и культура речи», который занимает скромное место на юридических факультетах России: часов мало, включен в план младших курсов и т.д. Для эффективного изучения языка нужна мотивация, которой нет у студентов первого-второго курсов. Требование грамотно писать предъявляется студенту при написании курсовых работ, а затем выпускной квалификационной работы: русский язык надо бы и учить тогда, когда студент обязан подготовить и сдать грамотную письменную работу.

На юрфаке полезно регулярно писать общефакультетские диктанты. На сайте факультета, на электронных табло должна работать «Служба русского языка». А содержание учебной дисциплины «Русский язык и культура речи» обязано включать не только раздел «Нормы русского литературного языка», но и практикум по созданию текстов делового и юридического содержания. Желательно отрабатывать учебные вопросы на дидактическом материале юридического содержания. В нашей практике не только упражнения и диктанты, но и подготовка научно-популярных текстов, эссе, заметок юридического содержания для СМИ.

На филологическом факультете ежегодно отмечается «День поэзии», в основном его проводят сами студенты, т.е. студенческие группы готовят 15-минутную композицию о поэте, которого выбирают по жребию. Стремимся приобщить к этому мероприятию студентов разных факультетов. Некоторые студенты только благодаря Дням поэзии наконец открывают для себя художественную литературу и вообще книгу. Вернуть ребенку книгу в век планшетника, компьютерной игры и Интернета очень сложно. Родители, семья вряд ли здесь будут помощниками, они сами ждут грамотных консультаций от педагога.

³⁹ Судаков Г.В. Программа курса «Риторика для юристов» учеб.-метод. пособие // Программы учебных дисциплин и спецкурсов 021100 – юриспруденция. Вологда, 2001. С. 444–447.

Филологическое образование юристов не может заканчиваться на студенческой скамье. Благодаря закону, обязывающему суды предоставить гражданам возможность знакомиться с их решениями⁴⁰, выиграли и мы – словесники: нам пришлось освоить очень важную сферу употребления государственного языка России – судопроизводство. Когда мы готовились к первым семинарам с судьями и их помощниками, то были озадачены видом судебных решений: если судебное решение занимало больше двух страниц, то меньше десяти ошибок, в основном пунктуационных, в нем не было: ситуация «казнить нельзя помиловать». Для обжалования такого решения не нужен адвокат, здесь дело выигрывает любой учитель русского языка.

Сейчас дело поправляется. Состоялась серия семинаров. Идеально, если семинар проводится систематически, хотя бы по 2 часа в день и в небольших группах. Мы используем на занятиях материалы реальных решений, взятых на сайтах районных участков. Появились решения без ошибок. Судейский народ – люди ответственные: за долгие годы работы мы впервые увидели взрослых граждан, мотивированных на изучение русского языка, активных, задающих вопросы.

С 2015 г. в области стал работать единственный в России совет по русскому языку при губернаторе области. Мы обсуждаем грамотность чиновников, язык СМИ, проблемы филологического образования в школе и вузе.

Мы поняли, что учить юристов только на семинарах – не выход. С правовой нормой люди сталкиваются очень часто, и не только в суде. Напомним злополучную букву ё: она обязательна в текстах юридического содержания (нормативные документы, личные документы граждан) при написании официальных имен и фамилий, названий учреждений и топонимов⁴¹. А сколько проблем с употреблением терминов, устойчивых словосочетаний!

Изучать пунктуационные правила или нормы лексической сочетаемости нужно серьезно, многократно повторяя. Курсы платные или бесплатные под названием «Русский – для юриста» («Русский – по пятницам») должны проходить раз в неделю в течение 3-4 месяцев: в определенный день и час, например в филиале МГЮА или на филологическом факультете. Создание в Во-

⁴⁰ Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» № 262-ФЗ от 22.12.2008. Закон впервые был принят в 2001 году, последний раз изменения вносились в апреле 2016 г.

⁴¹ В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23.11.2006 № 714 право регулировать нормы современного русского языка и правила русской орфографии и пунктуации принадлежит Минобрнауки РФ. Позиция этого органа в отношении букв е-ё изложена в письме от 1.10.2012 № ИР-829/08 «О правописании букв “Е” и “Ё” в официальных документах». Письмо Федеральной нотариальной палаты от 15.02.2013 г. № 279/06-06 «Об употреблении букв “е” и “ё” при написании в официальных документах имен собственных» не является правоустанавливающим документом, оно лишь оценивает нотариальную практику.

логде Центра русской речи для взрослых назрело, и первые обучающиеся в нем с учетом социальной значимости профессии должны быть юристы.

На продолжительных курсах можно позаниматься и устной речью (проводить дискуссии на круглом столе, проверить дикцию, провести аудиозапись и проанализировать ошибки). Сейчас правила устной речи каждый учит в одиночку, но только адвокаты этим занимаются тщательнее, чем все остальные. Хорошо бы учитывать достижения юриста в освоении русского языка и представлять результаты в соответствующую инстанцию при аттестации.

3.5. Современная русская речь: нива добра или поле брани?

В.И. Белов – наш выдающийся земляк много раз говорил о своем отношении к родному языку и о проблемах современного речевого общения. Приведу часть его интервью: «Русский язык губят основательно. В газетах много элементарной безграмотности, журналисты не знают порой ни падежей, ни знаков препинания. А какое засилье аббревиатур? Сколько мата, пошлых анекдотов тиражируется! Беда. Наш язык страдает от большого и зачастую неуместного употребления иностранных слов. А язык, я вам скажу, – это не только средство общения, но и средство воспитания людей, это и образ мышления. Потеря языковой культуры, замена русских слов на иностранные, матерщина приводят к уродливому способу мышления. Страна сегодня в стадии языкового отравления. Сумеем сохранить язык – сохраним всё. Россию – в первую очередь»⁴².

Надо действительно посмотреть, что же такое наша современная речь: нива добра или поле брани?

Русский язык содержит в себе опыт деятельности многих поколений, поэтому он и есть гуманистическая энциклопедия, общее достояние всего народа: «Слово принадлежит народу как родной дом» (Ф.И. Буслаев).

Язык – сокровищница всей нашей прошлой жизни, и потому наше сознание чутко реагирует на некоторые общезначимые слова. Ту же мысль Пушкин выразил следующей формулой: *Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось* («Евгений Онегин»). Способность аккумулировать в себе культурные смыслы – свойство живого языка. Так, исследуя термины семейных отношений (*отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, свекровь, сноха*), академик Ф.И. Буслаев открыл их древнее, индоевропейское происхождение и сделал вывод: наши предки вынесли из своей индоевропейской прародины уже вполне благоустроенную семью, что позволяет надеяться, что семья будет вечно, как и человек на Земле.

Однажды, анализируя свои педагогические опыты, первый методист в области русской словесности Ф.И. Буслаев признался своим ученикам: «Мне были нужны не сухие, бессодержательные окончания склонений и спряжений,

⁴² Красный Север. 2007. 18 октября.

а самые слова как выражение впечатлений, понятий и всего мироизречания народа в неразрывной связи с его религией и с условиями быта семейного и гражданского»⁴³. Фактически наше школьное языкоизречение должно быть лингвокультурологией, ведь язык – это «духовная жизнь народа, перелитая в гармонические звуки родного слова». Фундаментальный признак русского народного слова – его морально-этическое содержание. В эпической народной поэзии нет оскорблений нравственности и уклонений от добра и правды.

Что мы наблюдаем в современной русской речи как письменной, так и устной? Вначале ответим на вопрос: портится ли язык? Страдает ли он от тех речевых недочетов, которые осознаны многими образованными и культурными людьми? Нет, язык не страдает и не портится. Замечания вызывает речь отдельных граждан, но не структура и законы языка. Это для речи отдельных граждан характерны примитивные выражения эмоций как *блин* или новомодное *вау*, невнятный вопрос: *По жизни ты кто?* Это в живой речи являются модой *эксклюзивная баранина*, *элитный щенок*.

Но хочется понимать текст на русском языке, а не тонуть в волнах новых слов: бандитские слова (*наезд, откат, распил, типа, конкретно, чисто, беспредел, погнали*), гламурные слова (*адекватный «нормальный», зажигать «развлекаться», лайк «нравиться», культовый, знаковый, фиолетово, проект, продукт*), профессиональные слова иноязычного происхождения (*гаджеты, риэлтер, стилист, модель, айтишник, дистрибутер, промоушн, шопинг, блогер, инноватика* – что значат эти слова и как их писать?). Почему люди увлекаются новыми словами? Потому что мода: слово, незнакомое большинству, – шик, одно из средств выделиться в наше время.

Следующая беда для современной речи – это расплывчатость значения слов, выразительный пример – распространенное *как бы*. Причина его употребления: неопределенность описываемой ситуации или неуверенность, неизвестие обсуждаемого предмета. Совместная жизнь без регистрации стала именоваться *сожительством* (в этом слове есть отрицательная оценка, поэтому его прикрывают выражением *гражданский брак*), в сожительстве нет *мужа и жены*, а есть *друг и подруга*. Сокращение социальной сферы, закрытие учреждений здравоохранения, образования, транспорта стали называть *оптимизацией*. Вот живой пример с сессии Законодательного собрания: «Увеличение стоимости месячного проездного билета позволит оптимизировать пассажиропотоки: число пассажиров несколько уменьшится».

Другое обстоятельство, обедняющее нашу речь, – потерянные слова и утраченные смыслы: слова теряются при изменении технических средств цивилизации (*диктор, пишущая машинка*), слова кажутся несовременными, относящимися к старому быту: *получка, посиделки, чаевничать, приятельница, земляк, авоська*. Жаль, что утрачиваются такие теплые, домашние слова!

Назовем еще слова, разделенные временем: *извините* вместо называния человека при обращении, при прощании слышим: *пока, увидимся*. Утрачива-

⁴³ Буслаев Ф.И. Мои досуги. М., 2003. С. 308.

ются традиционные формы этикета: забываем здороваться в магазине с про- давцом, с незнакомыми в подъезде, в лесу. Вежливость в таких ситуациях и полезна как средство снятия возможной агрессии. В ответ на приветствие по телефону: *Здравствуйте* слышим в ответ глупое *Да*. А нужно ли здороваться в электронном письме или сразу перейти к обращению, как это наши предки делали в берестяных грамотах? -- жизнь ставит все новые вопросы.

И еще несколько слов об оскорбительной, неэтичной, нецензурной лек- сике. Напомню правила образованного человека: нельзя такие слова употреб- лять взрослым при детях, мужчинам при женщинах и наоборот, нельзя в офи- циальной обстановке и в публичных местах. Такие выражения прибавляют грубости и вульгарности.

Сегодняшнее новое словоупотребление – это разговорно-просторечная стихия, которая иногда оправдывается как протест против трафарета и единомыслия. Разговорно-просторечные слова почти всегда образны и оценочны, причем часто с оттенком грубости: *толкнуть товар, наезжать на кого-либо, подставить кого-нибудь, черный нал*. Эта выразительность работает, если на один абзац литературной речи одно разговорное слово. Если же человек пи- шет, как говорит, то возникает беспредел в словоупотреблении: от речевой раскованности до развязности, сначала с оттенком бравады, потом с нахальст- вом вседозволенности. Ситуацию в современном речевом общении профессор М.А. Кронгауз обозначил так: «язык на грани нервного срыва». Эстетика безобразного – в моде, отсюда распространение нецензурной браны и огрубление речи. Это ведет к психологическому и коммуникативному дискомфорту для граждан. А ведь так говорят в парламенте и на официальных собраниях. Наша речь – прямое отражение социальных процессов.

Другие болевые проблемы современной речи: 1) возрастающая неграмот- ность взрослого населения; 2) бюрократизация языка публичного общения.

Взрослых граждан стало беспокоить речевое неблагополучие, поэтому каждый год увеличивается число пишущих тотальный диктант (все больше лю- дей хотят оценить свою грамотность), но результаты не меняются: треть пишущих стабильно получает неудовлетворительные оценки. К тому же диктант про- веряет только элементарную грамотность, но не повышает речевую культуру.

Какие самые злободневные проблемы в школьной словесности?

1. Выпускники школы в массе своей не умеют конструировать, структу- рировать и анализировать текст, эти навыки у них не отработаны.

2. В ученических текстах бедный словарь: наблюдаются ошибки в упот- реблении слов. Здесь проявляется и плохое знание классических текстов, вхо- дящих в школьную программу (путают авторов, названия произведений, геро- ев, не различают исторические эпохи). Бедный словарь и слабая начитанность – это признаки низкого культурного уровня, мало читают, а между тем книга по информационной емкости далеко обгоняет интернет-сайты. Интернет рас- считан на безвольного потребителя развлечений, а книга требует интеллекту- ального и душевного труда.

Современные фонды информации доступны, разнообразны, но если культуру чтения книги мы формируем на уроке и на внеклассных занятиях, то в отношении Интернета рассчитываем на информатику, хотя она больше учит работе с «железом», а не с информацией. В результате при массовом увлечении Интернетом берут оттуда немногое и доступное, что не требует труда, ума и усидчивости. К формированию образованной культурной личности современный Интернет вроде бы и не имеет отношения.

3. Упал престиж печатной книги, да и книги вообще. В книжных магазинах почти нет покупателей, мало и самих магазинов. В библиотеках нет читателей, библиотеки превращаются в клубы по любым интересам, кроме интереса к книге. В сегодняшней России нет единого литературного пространства: мы читаем мало и читаем несоппадающее. Граждане не выписывают журналов и газет, в семейных библиотеках остались только произведения школьной программы. Возникли проблемы с чтением художественных произведений школьной программы, к тому же программа явно перегружена, а ведь только медленное вдумчивое чтение формирует любовь к образному слову. У многих школьников нет вкуса к хорошей литературе и к художественному слову. Чуть лучше с поэзией: ее тоже не читают, но любят слушать. У нас нет постоянного государственного мониторинга круга чтения детей и взрослых. Без художественного текста нам не воспитать современного культурного, духовно развитого человека. А воспитание вкуса к художественному слову – это одна из важных проблем школьной словесности.

4. От учителей стали больше требовать педагогических инноваций, знания методической литературы, но забыли сравнить цену научной книги, методического журнала и зарплаты учителя. Нужна государственная бюджетная поддержка издания методических журналов и педагогической литературы для учителей и школьников.

Есть три теоретических положения, которые являются основой современных образовательных и просветительских программ и которые надо твердо усвоить:

1. Русский язык – это фундамент, который обеспечивает единство российского общества, испытывающего угрозы от глобализации, от диктата английского языка, от конфликтов цивилизаций.

2. Национальный язык – это не только средство общения, но и среда жизни человека, которая помогает индивидууму реализовать свой потенциал во всех сферах жизнедеятельности. Чтобы сделать карьеру, нужно знать не один язык, при этом родным языком владеть на высоком уровне.

3. Чтобы улучшить практику использования языка, нужно прежде всего привлечь внимание общества к состоянию языка, к нормам его употребления, к практике публичного общения. Влиять необходимо на всю речевую практику, на общественное сознание в целом.

Весной 2017 года у нас был разработан проект положения «Единый речевой режим организации общего образования Вологодской области», проект обсудили на заседании Совета по русскому языку, получили отзывы школь-

ных учителей. Положение оформлено как методический документ и утверждено Департаментом образования области.

Первая и главная причина введения Единого речевого режима – требование времени к речи гражданина в современном обществе. Сравнительно новым является резкое возрастание роли устной речи и снижение качества восприятия речи. На первое место сейчас выходит умение создать текст, на втором месте – контроль за собственной речью и полнота понимания чужого текста, на третьем – элементарная грамотность (орфография и пунктуация). Грамотность, особенно пунктуационная и стилистическая, резко снизилась, и это общая беда современных цивилизаций Старого и Нового Света.

Вторая причина введения «Единого речевого режима в организациях общего образования Вологодской области» – требование итоговых аттестаций по русскому языку, литературе и истории. Это введение итогового сочинения по литературе, письменная часть ЕГЭ по истории, собеседование по русскому языку в 9 классе. Умение создать правильный по содержанию и оформлению текст ответа важен на любом экзамене, входящем в корпус ЕГЭ.

Предварительная и весьма конкретная ориентировка в тематике выпускного сочинения, либеральные критерии его проверки, где знание русского языка не является обязательным критерием, – издержки начального периода восстановления выпускного сочинения. Упрощение контрольно-измерительных материалов ЕГЭ, например исключение синтаксической части, снижает мотивацию учеников на изучение синтаксиса и стилистики, на развитие речи, на отработку навыков построения предложения и создания текста.

ЕГЭ по литературе сдает незначительная часть выпускников. На экзамене делается акцент на знание текстов художественных произведений. Это, конечно, важно, но ученики, сдающие ЕГЭ по литературе, – это та часть выпускников, которая лучше других освоила школьную программу по данной дисциплине. А вот понимают ли они художественный текст, видят ли выразительность языка писателя, – может быть, это надо больше проверять.

Что предлагается в положении о едином речевом режиме?

Основная идея состоит в том, что «русский язык – это не только предмет изучения, но и средство обучения основам всех наук. Воспитание культуры устной речи и культуры грамотного письма обучающихся на уроках по всем предметам учебного плана требует слаженной деятельности всего педагогического коллектива школы, соблюдения норм устной и письменной речи обучающимися и педагогическими работниками, то есть соблюдения единого речевого режима в образовательной организации». Главным в работе по развитию речи является формирование навыков создания и анализа текста.

Наша цель – расширить территорию использования грамотной русской речи. Школьный урок русского языка не может быть единственным оазисом образцового употребления русского языка, этого недостаточно: материал любого школьного предмета ученик должен излагать грамотно и выразительно.

Задачи единого речевого режима – обеспечить соблюдение всеми педагогическими работниками и обучающимися литературной нормы в области

орфоэпии, грамматики, стилистики, орфографии и пунктуации; сформировать основы читательской компетенции, совершенствовать навыки работы с информацией. Есть и утилитарная задача – объединить усилия всех педагогических работников школы по подготовке обучающихся к устным экзаменам, итоговому сочинению, а также к созданию сочинений и развернутых письменных высказываний в рамках промежуточной и итоговой аттестации.

Администрация образовательной организации координирует работу по введению единого речевого режима, осуществляет контроль за его соблюдением учащимися и педагогическими работниками; предусматривает систему контроля за соблюдением в положении о промежуточной аттестации обучающихся, организует обмен опытом учителей-предметников, разрабатывает требования к ведению тетрадей, проверке работ, определяет виды и количество контрольных работ, работ по развитию речи. Объектом контроля являются проверяемые виды деятельности и элементы содержания на промежуточной и итоговой аттестации обучающихся.

Любое высказывание обучающихся в устной и письменной форме (развернутый ответ на определенную тему, доклад, описание физического или химического опыта, рецензия на ответ товарища и т.д.) следует оценивать, учитывая содержание высказывания, логическое построение и речевое оформление.

Обучающиеся должны уметь:

- говорить или писать на указанную тему, соблюдая ее границы;
- отбирать наиболее существенные факты и сведения для раскрытия темы и основной идеи высказывания; излагать материал логично и последовательно (устанавливать причинно-следственные связи между фактами и явлениями, делать необходимые обобщения и выводы);
- правильно и точно пользоваться языковыми средствами для оформления высказывания; строить высказывание в определенном стиле (разговорном, научном, публицистическом и др.) в зависимости от цели и ситуации общения (урок, собрание, экскурсия, общение с товарищами и со взрослыми и т. д.);
- отвечать громко, четко, с соблюдением логических ударений, пауз и правильной интонации;
- оформлять любые письменные высказывания с соблюдением орфографических и пунктуационных норм, чисто и аккуратно.

Для речевой культуры обучающихся также важно умение слушать и понимать речь собеседника, внимательно относиться к высказываниям других, умение ставить вопрос, принимать участие в обсуждении проблемы и т. д.

Таким образом, проблему превращения школьной жизни в территорию всеобщей грамотности мы решаем благодаря Единому речевому режиму школы. Но за пределами школы ученика встречает речевая стихия, враждебная по отношению к литературной норме. И тут нам помогает административный ресурс, сосредоточенный в областном совете по русскому языку при губернаторе области. Под контролем совета находятся программы «Город грамотных людей» в Вологде и Череповце, областной конкурс «За образцовое использо-

вание русского языка в профессиональной деятельности», курируемый Законодательным собранием области. Это ежегодно проводимые Беловские чтения (23–25 октября): это научная конференция, материалы которой публикуются в «Беловском сборнике». По материалам конференции в 2017–2018 гг. были подготовлены силами вологодских авторов проблемные номера научно-методических журналов «Литература в школе» и «Русский язык в школе». Проводится литературный марафон «Вологжане читают Белова», где задействованы библиотеки, музей-квартира В.И. Белова, вузы и школы. Это дискуссионные площадки в школах по проблемам «Современен ли Белов?», «Сохранится ли село в XXI веке?», «Нужна ли семья современному человеку?». Среди других мероприятий творческие конкурсы, литературный семинар для молодых авторов, встречи с писателями, поездка на родину писателя. Отдельно организуется Беловская неделя, которая охватывает учащихся школ. В мероприятиях Беловских чтений в 2018 году участвовало более двадцати тысяч человек. Мы хотим, чтобы каждый район имел свою программу «Территория грамотных людей», а Беловские чтения превратились в общеобластное мероприятие. Рассчитываем, что это будет изменять речевую среду и отношение к художественной литературе в семье, в доме и в каждом поселении нашей области.

Во время Беловских чтений 2018 г. был проведен 1 съезд учителей русского языка и литературы Вологодской области. Он был созван по инициативе областного совета по русскому языку, филологического факультета Вологодского государственного университета, регионального отделения Ассоциации учителей литературы и русского языка и проводился в соответствии с распоряжением губернатора Вологодской области. В работе съезда приняли участие 264 человека: учителя русского языка и литературы, специалисты органов управления образованием, муниципальных методических служб, преподаватели вузов.

Изучение русского языка и литературы в школе является стержнем, вокруг которого формируется российская идентичность, гражданское, культурное, образовательное пространство страны. Литература – культурный символ России, высшая форма существования российской духовности и языка.

Первоочередными задачами преподавания русского языка и литературы в образовательных организациях являются: модернизация содержания образовательных программ русского языка и литературы, соответствующих учебных изданий, а также технологий и методик преподавания русского языка и литературы; повышение качества работы преподавателей русского языка и литературы; обеспечение полноценных социальных и культурных потребностей работника образования; развитие общедоступных информационных ресурсов, необходимых для реализации образовательных программ, в том числе для электронного обучения, а также иных инструментов деятельности обучающихся и педагогических работников; улучшение формирования книжных фондов школьных библиотек. Важно развивать систему областных творческих конкурсов для учителей и обучающихся, научно-исследовательских школьных конфе-

ренций, предметных олимпиад по русскому языку и литературе, научно-методических конференций и педагогических чтений для педагогов.

В наших школах существуют многолетние традиции системного изучения русского языка и литературы (учебно-методические комплексы, научно-педагогические школы и образовательные практики) – это важнейший потенциал системы образования. Но содержание учебного предмета «Русский язык» не в полной мере обеспечивает формирование коммуникативных компетенций обучающихся, не проработана дифференциация содержания учебного предмета с учетом образовательных потребностей и интересов обучающихся. Литературное образование столкнулось с серьезным вызовом – поиском внутренней мотивации для привлечения детей и подростков к литературе, у обучающегося оказывается несформированной заинтересованность в освоении произведений русской и мировой литературы. В УМК по учебному предмету «Литература» недостаточно внимания уделяется развитию способности понимать художественный текст.

Снижение качества школьной подготовки по русскому языку и литературе обусловлено уменьшением количества учебных часов, направленностью обучения русскому языку и литературе не на освоение системы знаний, а на подготовку к ВПР, ОГЭ, ЕГЭ, устному итоговому собеседованию, итоговому сочинению; проведением текущего и промежуточного контроля знаний только в формате моделей итоговой аттестации; полным отказом от традиционных форм контроля, например диктантов, что является основной причиной низкого уровня практической грамотности выпускников. Использование статистики ГИА как единственных критериев оценки результатов работы школы и учителя приводит к формализации оценки процесса образования.

Мы наблюдаем значительную перегрузку учителей русского языка и литературы по сравнению с другими учителями-предметниками, что обусловлено большим количеством форм промежуточной и итоговой аттестации. В связи с этим муниципальные органы образования могли бы дополнительно стимулировать учителей русского языка и литературы.

Учитель – центральная фигура в школе, он – активный проводник образовательной политики и идеологии государства, главный фактор формирования самочувствия нации.

В заключение еще раз процитирую Ф.И. Буслаева: «Литература призвана духовно руководить народом в его историческом пути, она духовно путеводительствует нации», а «учитель отечественного языка оказывает самое сильное влияние на нравственное направление ученика»⁴⁴.

⁴⁴ Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Изд. 2. М., 1867. С. 176.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Слово – это первое и главное произведение народной словесности. Русское слово – это произведение, созданное многими поколениями, это образец смысловой аккумуляции, поэтому слово (речь – язык) не только источник знания и передатчик информации, но – что гораздо важнее – это инструмент мысли, т.е. созиадатель новых знаний и новых идей, язык обладает творческой силой. Вспомним, как возникает слово. Слово – не случайная комбинация звуков, не условный знак для выражения мысли (хотя такая идея есть и в трудах по теории лексикологии, и в учебниках по введению в языкознание), слово – это творчество народного духа, результат художественного творчества народа, это художественный образ, где запечатлены наблюдения народа над собой и окружающим миром.

Словарь языка – не хаотичное собрание элементов. Системность лексики в силу ее открытости – это тот всегда не достигаемый или тот постоянно нарушающий предел, к которому стремится язык в его развитии, это система с некоторым количеством постоянных и с еще большим числом вариативных элементов. Признание системных начал в организации лексико-семантического уровня языка обусловило и выбор основного объекта исторической лексикологии: таким является лексико-семантическая или тематическая группа в ее эволюции. Исходной единицей анализа, конечно, остается слово и набор воспроизводимых, а также связанных словосочетаний с этим словом, но уже как элемент, компонент системного целого. Семантический объем исторического слова выявляется только в сочетаемости, а системность лексики, какой бы исторический период ни иметь в виду, убедительнее всего проявляется в синонимических рядах, в однокорневых гнездах слов, во взаимоотношениях генетически и функционально разнородных элементов с тождественной или близкой семантикой. Системность обнаруживается в структуре полисемантического слова, в иерархии его значений. Сравнение российского опыта с практикой историко-лексикологических исследований других славянских языков здесь было бы чрезвычайно полезно.

Изучение языковых средств и образов национальной ментальности в русской словесности предполагает не только описание слова в его языковых связях и отношениях, но и рассмотрение его функционирования в разнообразных текстах, где лексические единицы, включенные в описание социальной и культурной ситуации, приобретают актуальные смысловые приращения и коннотации, функциональные характеристики и прагматические значения. Современная когнитивная лингвистика уделяет большое внимание текстам, препрезентирующим в разных речевых вариантах концепты и иные ментальные конструкты. В парадигме исторического языкознания изучение ментальности обращено прежде всего в историю слов. Анализ исторических текстов в указанном аспекте требует обстоятельного описания источников, их комплексной характеристики.

Основополагающим для лексической типологии является принцип выявления лексико-семантических и структурных сходств и различий. На основе анализа опытов по описанию отдельных тематических и лексико-семантических групп составляется перечень критериев (параметров), предлагаемых для типологических классификаций лексики. Апробированные нами списки критериев включают следующие (список не является конечным): 1) соотношение родовых и видовых слов в каждой группе; 2) типы полисемии или модели семантической деривации; 3) число мотивированных и немотивированных слов; 4) степень синонимичности и антонимичности (отдельно – для родовых и видовых слов) в каждой группе; 5) степень контекстуальной закрепленности значений для отдельных слов группы; 6) уровень диффузности значений лексем для каждой группы; 7) количественная характеристика группы; 8) соотношение нейтральной и стилистически маркированной лексики в составе группы; 9) учет продуктивности различных морфем и словообразовательных моделей в разных группах; 10) способность различных слов и групп к фразеообразованию и т.д.

Исследованием установлено, что в корпусе древнерусских текстов имеются памятники, относящиеся к разным периодам истории и адекватно отражающие особенности русского речевого этикета в условиях устного общения. Отличительная черта русского общения, зафиксированная уже в эпоху средневековья, – благопожелания, обычно связанные с благодарностью: пожелание помочи Бога в делах и пожелания здоровья. В речевом этикете донационального периода ярко проявляются важнейшие ценности русской культуры: общинность, общительность, гостеприимство, эмоциональность, духовность, скромность. Вся система приветствий, обращений, благопожеланий, формул просьб и извинений, застольного этикета – это динамичное сообщество речевых оборотов, где под влиянием социально-культурных изменений актуализируются одни обороты и отправляются в архив истории другие.

С учетом современных социокультурных условий и потребностей публичного общения на первое место выходят проблемы порождения (создания) текста. В современном обществе с высоким уровнем публичного общения особенно востребовано умение правильно строить текст и грамотно его оформлять. В практической деятельности люди затрудняются написать простейшую деловую бумагу. Главная проблема современного русского речевого общения – неумение создавать тексты: деловые и производственно-технические, политические и публицистические, описательные и инструктивные. В тексте значимы и лексика, и синтаксис.

На втором месте стоит проблема восприятия текста – связного сообщения, т.е. прежде всего полнота понимания чужого текста. Кстати, научить создавать текст легче, чем научить его слушать, читать и понимать. Понимание предполагает самостоятельную оценку структуры текста: не разберешься в структуре – мало что запомнишь. Понимание требует иметь одинаковый с ав-

тором текста словарь, для чего необходимы большая предварительная лексикологическая работа и развитый культурный уровень.

На третьем месте оказывается теперь элементарная грамотность. Грамотность, особенно пунктуационная, вызывает большую тревогу: на одну орфографическую ошибку – 10 пунктуационных (это норма для тотального диктанта, который пишут взрослые, и для выпускного сочинения, который пишут одиннадцатиклассники). Полномочные органы государства – Рособрнадзор, Минпрос – снижают требования к оценке выпускного сочинения и ЕГЭ по русскому языку, тем самым призывая и учителя следовать их примеру.

Отечественная филология – единственная наука, интересы которой абсолютно совпадают с интересами России, и служение на ниве русской филологии в ряду других профессий есть самая патриотическая миссия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Агеенко – Агеенко, Ф. Л. Ударение в названиях улиц Москвы и в географических названиях Московской области: словарь-справочник / Ф. Л. Агеенко. – Москва, 1983. – 110 с.
2. Артикул воинский – Артикул 1715 года. Артикулы 151-152 // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 томах. – Москва, 1986. – Т. 4. – С. 327–368.
3. Балакай – Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 2001. – 672 с.
4. БЮС – Большой юридический словарь / под редакцией А. Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва, 2009. – С. 661.
5. ВО 1974 – Вологодская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1973 года. – Вологда, 1974. – 488 с.
6. ВО 2001 – Вологодская область. Административно-территориальное устройство на 1 января 2000 г.: Официальный справочник. – Вологда, 2001. – 296 с.
7. Вологод. словечко – Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики / отв. редактор Л. Ю. Зорина. – Вологда, 2010. – 344 с.
8. ГАВО – Государственный архив Вологодской области.
9. Год – Белов, В. И. Год великого перелома. Хроника начала 30-х годов / В. И. Белов // Белов В. И. Собрание сочинений: в 7 томах. Том 4. Романы. – Москва, 2011. – С. 5–378.
10. Гура – Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: Сказки, песни, частушки: в 2 т. / под ред. В.В. Гуры. – Архангельск, 1965. – 332 с.
11. Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В. И. Даль. – Москва, 1978–1980. – Т. 1–4.
12. Дворцовые записки – Дворцовые записки // Российский магазин. – Санкт-Петербург, 1792–1793 гг. – Ч. 2–3. – С. 291–335.
13. Джемс – Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) // Ларин Б. А. Три иностранные источники по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 177–210.
14. Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. – Санкт-Петербург, 2006. – 677 с.
15. Домострой – Домострой по Коншинскому списку // Чтения в обществе истории и древностей российских. – Москва, 1881. – Кн. 2. – С. 166–202.
16. ДПВК – Деловая письменность Вологодского края XVII–XVIII вв. / сост. А. П. Ларионова, Г. В. Судаков, Ю. И. Чайкина; отв. редактор Ю. И. Чайкина. – Вологда, 1979. – 108 с.
17. ДТП – Дела Тайного приказа. – Санкт-Петербург, 1907. – Кн. 1. – XI. – 94 с. – 1756 стб.

18. ДЦ – Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной его императорского величества канцелярии. – Санкт-Петербург, 1855. – Том 4 (с 1676 по 1701 г.). – Ст. 1111–1158 (разряды 1700 г.).
19. Елеонская – Сборник великорусских частушек / под редакцией Е. Н. Елеонской. – Москва, 1914. – 540 с.
20. Епишкин – Епишкин, Н. И. Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. – Чита, 1999. – 714 с.
21. Ехалов – Ехалов, А. Как у наших у ворот / А. Ехалов. – Вологда, 2005. – 156 с.
22. Забелин – Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях / И. Е. Забелин. – Москва, 1895. – Т. 1. – 782 с.
23. Кануны – Белов, В. И. Кануны. Хроника конца 20-х годов / В. И. Белов // Белов В. И. Собрание сочинений: в 7 томах. – Том 3. Повесть. Роман. – Москва, 2011. – С. 95–477.
24. Каталог – Государственный каталог географических названий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosreestr.ru/site/activity/gosudarstvennyy-katalog-geograficheskikh-nazvaniy/>
25. КАТО – Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gospravka.ru/35/011/000000.html> – вариант на декабрь 2017 г.
26. Князья Воротынские – Князья Воротынские [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yandex.ru/search/?text=воротынские%20>
27. Лад – Белов, В. И. Лад: Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – 2-е изд. – Москва, 1989. – 408 с.
28. Ларин – Ларин, Б. А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков / Б. А. Ларин. – Санкт-Петербург, 2002. – 684 с.
29. Ломоносов – Ломоносов М. В. О пользе книг церковных в российском языке / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. – Том 7. – Москва; Ленинград, 1952. – С. 585–592.
30. Лудольф – Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 г. // Ларин Б. А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 511–640.
31. МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой; АН СССР, Институт русского языка. – Москва, 1999. – Т. 1–4.
32. ОКТМО – Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований.
33. ПД – Белов, В. И. Привычное дело / В. И. Белов // Белов В. И. Собрание сочинений: в 7 томах. – Том 2. Повести и рассказы. – Москва, 2011. – С. 7–128.
34. Письма Петра – Письма и бумаги императора Петра Великого. – Ленинград, 1948. – Т. 8, вып. 1. – 403 с.; Москва, 1962. – Т. XI, вып. 1. – 616 с.

35. ПР – Белов, В. И. Плотницкие рассказы / В. И. Белов // Белов В. И. Собрание сочинений: в 7 томах. – Том 2. Повести и рассказы. – Москва, 2011. – С. 129–192.
36. Правила 1956 – Правила русской орфографии и пунктуации / Учпедгиз. – Москва, 1956. – 176 с.
37. Правила 2009 – Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. – Москва: АСТ-ПРЕСС Книга, 2009. – 432 с.
38. Рб – Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. – Ленинград, 1989. – 472 с.
39. Руковедение – «Руковедение в грамматику во Славянороссийскую: Ко употреблению учащыхся Языка Московского»; автор – Илья Копиевич, издана в 1706 г. // Ларин Б. А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 630–639.
40. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) // Ларин Б. А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 177–210.
41. САР – Словарь Академии Российской. – Ч. 1–4. – Москва, 1794–1798.
42. САФ – Словарь Академии Французской 1788 года. Новый французско-русский словарь / составитель В. Г. Гак, К. А. Ганшина. – 12 изд., испр. – Москва, 2007. – 1160 с.
43. СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вып. 1–6 / под редакцией Т. Г. Паниковской; вып. 7–12 / под редакцией Л. Ю. Зориной. – Вологда, 1983–2007.
44. Симаков – Симаков, В. И. Сборник деревенских частушек / В. И. Симаков. – Москва, 1913. – 670 с.
45. Сл. 1568 – «Ein Rusch Boeck...»: Ein Russisch-Deutsches anonyms Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von F. Falowski. – Köln; Weimar; Wien, 1994. – 400 S.
46. Сл. 1586 – Парижский словарь московитов 1586 г. // Ларин Б. А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 21–174.
47. Словарь западных говоров Вологодской области. – Выпуск 1. А–Б. – Череповец, 2016. – 102 с.
48. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва, 1975. – Вып. 1– (издание продолжается).
49. СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. – Ленинград, 1984. – Вып. 1– (издание продолжается).
50. Сл. цсл. – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Имп. Академии Наук. Репринтное издание. Книга 1–2. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2001.

51. Смирнов – Смирнов, И. А. Кирилловская частушка начала XX века как транслятор народной жизни / И. А. Смирнов // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. – Вологда, 2002. – С. 139–153.
52. СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. – Санкт-Петербург, 2004. – Выпуск 1– (издание продолжается).
53. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Москва; Ленинград, 1965. – Вып. 1– (издание продолжается).
54. Указ – Указ Петра I о бесчестных словах. Сообщ. И.П. Корнилов // Русская старина. – 1871. – Т. IV. – С. 683–684.
55. Устюжна-1 – Зеркало нравственной жизни народа (публикацию подготовил Ю. Максин) // Устюжна: краеведческий альманах. – Вологда, 1992. – Вып. 1. – С. 176–184.
56. Устюжна-3 – Устюженские частушки периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.); Частушки 1940–1950 годов; Устюженская частушка 1920–1930-х годов // Устюжна: краеведческий альманах. – Вологда, 1995. – Вып. 3. – С. 319–340, 445–461, 462–490.
57. Устюжна-4 – Устюженские частушки в записи Арапова (1908–1917 гг.) // Устюжна: краеведческий альманах. – Вологда, 2000. – Вып. 4. – С. 301–318.
58. Утром – Белов, В. И. Утром в субботу (Из записной книжки) / В. И. Белов // Белов В. И. За тремя волоками: Повести; Рассказы; Очерки. – Москва, 1989. – С. 428–437.
59. (Ушаков) – Полный всеобщий стряпчий, или словарь практического гражданского делопроизводства, содержащий в себе: описание всех присутственных, судебных, правительственных и полицейских мест и ведений и частных лиц, особливую власть и должность имеющих; положительное изъяснение законов для произвождения разных тяжебных, судебных, следственных, вотчинных, крепостных, межевых полицейских, подрядных, откупных и других как приказных, так и домашних дел, с подробным изложением правил: как и на какой бумаге следует писать и в какие правительства или судебные места предъявлять и подавать различного рода исковые, явочные, мировые и обыкновенные прошения, апелляционные и частные жалобы; доношения, объявления, закладные, заемные, домовые и крепостные письма; договоры и контракты, как с частными лицами так и с казенными местами заключаемы; верующие, обязательные, поступные, отпускные письма и векселя; духовные завещания; дарственные, купчия рядные раздельные. Меновные и другие записи; купчия крепости, ревизские сказки проч.; обряды совестного словеснаго, третейского и медиаторского судов и полный свод всех заключающихся в сей книге узаконений. Собран С. Ушаковым. – Изд. 1-е, 1817 год. – Изд. 2-е, испр. и увелич., 1822–1825 гг.

60. Ушаков – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1935–1940. – Т. 1–4.
61. Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах / М. Фасмер; перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. – Москва, 1986–1987. – Т. I–IV.
62. Фенне – Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607: an Electronic Text edición. – 509 S.
63. ФЗ № 152 – Федеральный закон. О наименованиях географических объектов от 18.12.1997 № 152-ФЗ (с изменениями и дополнениями).
64. ФС – Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. – Москва, 2001. – 720 с.
65. Химик – Химик, В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 762.
66. Час – Белов Василий. Час шестой / В. И. Белов // Белов В. И. Собрание сочинений: в 7 томах. – Том. 4. Час шестой. – Москва, 2011. – С. 379–601.
67. Черных – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – Москва, 1994. – Т. 1–2.
68. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков (praslawianский лексический фонд). – Москва, 1978. – Вып. 5. – 232 с.
69. Яцкевич – Народное слово в произведениях В. И. Белова: словарь / составитель Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2004. – 214 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверина, С. А. К проблеме изучения языка русской агиографии XV–XVII веков / С. А. Аверина // Русская историческая лексикология и лексикография. – Санкт-Петербург, 2008. – Вып. 7. – С. 125–135.
2. Александр Семенович Шишков (1754–1841): материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. – 2011. – № 28. – С. 150–209.
3. Анциферов, Н. П. Быль и миф Петербурга / Н. П. Анциферов. – Петербург, 1922. – 226 с.
4. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга / Н. П. Анциферов. – Петербург, 1922. – 227 с.
5. Анциферов, Н. П. Петербург Достоевского / Н. П. Анциферов. – Петербург, 1923. – 106 с.
6. Архив Академии наук. – Москва; Ленинград, 1946. – Т. 2. – 392 с.
7. Бабурин, А. В. Рязанский топонимический словарь: (названия рязанских деревень) / А. В. Бабурин. – Рязань, 2004. – 492 с.
8. Баженова, Т. Е. Диалектные номинации в составе географических наименований на территории Самарского края / Т. Е. Баженова // Ономастика Поволжья : материалы XV Международной научной конференции / под редакцией Л. А. Климовой, В. И. Супруна. – Арзамас-Саров, 2016. – С. 192–196.
9. Балаева, Т. Василий Белов: «Я родился и вырос в деревне» (интервью с писателем) / Т. Балаева // Вологодский комсомолец. – 1989. – 1 января. – С. 2.
10. Балов, А. Что поет наш народ / А. Балов // Северный край. – 1902. – № 133. – С. 38.
11. Балов, А. Экскурсы в область народной песни. Коротенькие песни или «припевки» / А. Балов // Этнографическое обозрение. – 1897. – № 32. – С. 93–104.
12. Барандеев, А. В. История топонимов-советизмов / А. В. Барандеев // Русский язык в школе. – 2017. – № 11. – С. 53–57.
13. Барандеев, А. В. О пользе новой редакции правил русского правописания для орфографии топонимов / А. В. Барандеев // Вопросы географии. Сборник 132. Современная топонимика. – Москва, 2009. – С. 207–214.
14. Барбашов, Е. Р. Топонимический словарь Белевского района Тульской области / Е. Р. Барбашов. – Тула, 2011. – 326 с.
15. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства / Е. Л. Березович. – Москва, 2010. – 240 с.
16. Бирюлина, А. И. Эволюция русского речевого этикета (на материале художественной литературы XIX–XXI веков) : диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук / Бирюлина А. И. – Тамбов, 2009. – 200 с.
17. Бицилли, П. М. Державин / П. М. Бицилли // Россия и славянство. – 1931. – 18 апреля.

18. Блок, Г. П. Приложения / Г. П. Блок, В. Н. Макеева // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. – Москва; Ленинград, 1952. – Т. 7. – С. 800–892.
19. Бугрий, Е. П. Лексические и фразеологические диалектизмы в прозе В. Белова (способы семантизации): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бугрий Е. П. – Ленинград: ЛГУ, 1986. – 18 с.
20. Буланин, Л. Л. Трудные вопросы морфологии / Л. Л. Буланин. – Москва, 1976. – 207 с.
21. Бурцев, А. Е. Народный быт великого Севера / А. Е. Бурцев. – Москва, 1898. – 370 с.
22. Бурыкин, А. А. Ойконимы Костромской области в контексте диалектологии / А. А. Бурыкин // Русское слово и Костромской край: сборник статей / отв. ред. Н. С. Ганцовская, О. Н. Крылова. – Санкт-Петербург. – 2013. – С. 388–396.
23. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – Москва, 1959. – 623 с.
24. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. – Санкт-Петербург, 1861. – Т. 1. – 643 с.
25. Буслаев, Ф. И. Мои досуги / Ф. И. Буслаев. – Москва, 2003. – 604 с.
26. Буслаев, Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию / Ф. И. Буслаев. – Москва, 1848. – 211 с.
27. Буслаев, Ф. И. О преподавании отечественного языка / Ф. И. Буслаев. – Изд. 2. – Москва, 1867. – 176 с.
28. Вендина, Т. И. Из кирилло-мифодиевского наследия в языке русской культуры / Т. И. Вендина. – Москва, 2007. – 334 с.
29. Виноградов, В. В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды: История русского литературного языка. – Москва, 1978. – С. 152–177.
30. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В. В. Виноградов. – Москва, 1982. – 528 с.
31. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1972. – 616 с.
32. Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. История слов. – Москва, 1999. – С. 5–38.
33. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – Москва, 1963. – 259 с.
34. Витов, М. В. Этнография Русского Севера / М. В. Витов. – Москва, 1997. – 194 с.
35. Войнаховский, К. Значение трудов академика Ф. И. Буслаева в истории науки о русском языке / К. Войнаховский // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – Москва, 1898. – С. 61–116.

36. Волков, С. С. Стилевые средства деловой письменности XVII века: На материале челобитных / С. С. Волков. – Санкт-Петербург, 2006. – 342 с.
37. Вомперский, В. П. Риторики в России XVII–XVIII вв. / В. П. Вомперский. – Москва, 1988. – 185 с.
38. Воробьев, В. М. Тверской топонимический словарь: Названия населенных мест / В. М. Воробьев. – Москва, 2005. – 472 с.
39. Востоков, А. Х. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная / А. Х. Востоков. – Санкт-Петербург, 1859. – 449 с.
40. Выхрыстюк, М. С. Деловая письменность XVII–XVIII вв. г. Тобольска / М. С. Выхрыстюк. – Lambert Academic Publishing, 2012. – 404 с.
41. Вяземский, П. А. Фонвизин / П. А. Вяземский // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. – Санкт-Петербург, 1880. – Т. V. – 366 с.
42. Галимова, Е. Ш. Северный текст русской литературы как сверхтекст / Е. Ш. Галимова // Семантика и pragматика слова и текста. Поморский текст. – Архангельск, 2010. – С. 8–15.
43. Галимова, Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста / Е. Ш. Галимова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – Вып. 1. – С. 121–129.
44. Гарднер, К. М. «Сбирушки» из Череповецкого уезда Новгородской губернии / К. М. Гарднер // Этнографическое обозрение. – 1897. – № 32. – С. 104–113.
45. Герасимов, М. К. Словарь уездного череповецкого говора / М. К. Герасимов; подготовка текста, вступительная статья Н. П. Тихомировой. – Череповец, 2006. – 88 с.
46. Глебко, Г. И. Словарь ойконимов бассейна Нижней Печоры / Г. И. Глебко. – Сыктывкар, 2009. – 186 с.
47. Глухих, Н. В. Деловой эпистолярий конца XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста / Н. В. Глухих. – Челябинск, 2008. – 150 с.
48. Гоголь, Н. В. Несколько слов о Пушкине / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 7 томах. – Том 6. Статьи. – Москва, 1986. – С. 56–61.
49. Гребенщикова, Н. С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне) : монография / Н. С. Гребенщикова. – Гродно, 2004. – 306 с.
50. Гурская, С. Л. Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в ярославских говорах / С. Л. Гурская // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 1. – С. 171–175.
51. Державин, Г. Р. Сочинения / Г. Р. Державин. – Москва, 1985. – 576 с.
52. Дерягин, В. Я. Лексико-семантический анализ группы деловых текстов / В. Я. Дерягин // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. – Москва, 1974. – С. 202–223.
53. Дерягин, В. Я. О местных вариантах русской деловой речи XV–XVIII вв. / В. Я. Дерягин // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1980. – Т. 39, № 5. – С. 448–455.

54. Дерягин, В. Я. Об историко-стилистическом исследовании актовых текстов / В. Я. Дерягин // Вопросы языкоznания. – 1980. – № 4. – С. 97–107.
55. Дерягин, В. Я. Проблема семантического тождества слова в исторической лексикологии / В. Я. Дерягин // Русский язык. Языковые единицы в функциональном и эстетическом аспектах. – Москва, 1988. – С. 47–61.
56. Диалектологический сборник. – Вологда, 1941. – Вып. 1. – 123 с.; Вологда, 1942. – Вып. 2. – 145 с.; Вологда, 1946. – Вып. 3. – 208 с.
57. Дружининская, О. В. Бал как культурное явление XIX века: из истории слов / О. В. Дружининская, И. Н. Катаева. – Вологда, 2008. – 143 с.
58. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – 2-е изд., перераб. – Москва, 2004. – 872 с.
59. Зиновьева, Е. И. Коммуникативно-семантические группы единиц речевого этикета в обиходном языке Московской Руси / Е. И. Зиновьева // Русское слово в историческом развитии : материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXV Международной филологической конференции. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 30–38.
60. Зиновьева, Е. И. Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / Е. И. Зиновьева. – Санкт-Петербург, 2012. – 148 с.
61. Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков // Словарь обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков. – Выпуск 4. Гагара – Гуша. – Санкт-Петербург. – 2011. – С. 5–43.
62. Камчатнов, А. М. Русский древослов Александра Шишкова: Лингвистическое наследие А. С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи / А. М. Камчатнов. – Санкт-Петербург, 2018. – 368 с.
63. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – Москва, 1988. – Кн. 1, т. 1–4.
64. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи / А. Н. Качалкин. Часть I. Источники изучения и вопросы авторства документа. – Москва, 1988. – 119 с.; часть II. Филологический метод анализа документов. – Москва, 1988. – 120 с.
65. Каштанов, С. М. Русская дипломатика / С. М. Каштанов. – Москва, 1988. – 229 с.
66. Князькова, Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII в. / Г. П. Князькова. – Ленинград, 1974. – 253 с.
67. Ковтун, Л. Я. Основная идея шахматовской лексикографии / Л. Я. Ковтун // Вопросы языкоznания. – 1971. – № 2. – С. 62–68.
68. Кознева, Л. М. Страницы из истории изучения вологодских говоров (1839–1866 гг.) / Л. М. Кознева // Слово и текст в культурном сознании эпохи : сборник научных трудов. – Вологда, 2011. – Ч. 9. – С. 171–180.
69. Кознева, Л. М. Фортунатовы и вологодское народное слово / Л. М. Кознева // Русское слово и Костромской край. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 505–512.

70. Кони, А. Ф. На жизненном пути / А. Ф. Кони. – Санкт-Петербург, 1912. – Т. 2. – 792 с.
71. Копосов, Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология) / Л. Ф. Копосов. – Москва, 2000. – 287 с.
72. Косов, А. Г. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII века: на материале рукописных и печатных текстов объединенного государственного архива Челябинской области: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Косов Александр Георгиевич. – Челябинск, 2004. – 273 с.
73. Костомаров, В. Г. Русский речевой этикет / В. Г. Костомаров // Русский язык за рубежом. – 1967. – № 1. – С. 56–62.
74. Котков, С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка / С. И. Котков. – Москва, 1980. – 299 с.
75. Котков, С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка / С. И. Котков. – Москва, 1974. – 360 с.
76. Кретов, А. А. Проблемы квантитативной лексикологии славянских языков / А. А. Кретов, И. А. Меркулова, В. Т. Титов // Вопросы языкоznания. – 2011. – № 1. – С. 52–65.
77. Круглякова, В. А. Глаголы вращения: лексическая типология / В. А. Круглякова, Е. В. Рахилина // Труды Международной конференции «Диалог 2010». – Москва, 2010. – С. 241–247.
78. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский. – Казань, 1883. – 148 с.
79. Кучин, Н. Костромской край: города и веси: географические названия Костромской области / Н. Кучин. – Кострома, 2000. – 337 с.
80. Лаптева, О. А. Письма А. А. Шахматова к В. Ягичу об историческом словаре русского языка / О. А. Лаптева // Вопросы языкоznания. – 1961. – № 1. – С. 115–120.
81. Ларин, Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» / Б. А. Ларин // Вопросы теории и истории языка. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 5–9.
82. Ларин, Б. А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару) / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкоznание. – Москва, 1977. – С. 12–13.
83. Ларин, Б. А. Разговорный язык Московской Руси / Б. А. Ларин // Начальный этап формирования русского национального языка. – Ленинград, 1961. – С. 22–34.
84. Ларин, Б. А. Три иностранные источники по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков / Б. А. Ларин. – Санкт-Петербург, 2002. – 684 с.
85. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – Москва : Языки славянских культур, 2009. – 512 с.

86. Лексикография и лексикология славянских языков. Международный коллективный труд / ответственный редактор М. И. Чернышева. – Москва, 2017. – 879 с.
87. Лемтюгова, В. П. Формирование восточнославянской ойкономии в связи с развитием типов поселений / В. П. Лемтюгова. – Минск, 1983. – 40 с. (Доклады. IX Международный съезд славистов)
88. Ломоносов, М. В. О пользе книг церковных в российском языке / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. – Москва; Ленинград, 1952. – Т. 7. – С. 585–592.
89. Ломоносов, М. В. Собрание сочинений / М. В. Ломоносов. – Москва, 1953. – Т. 7. – 996 с.
90. Лотман, Ю. М. Семантические пространства / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – Москва, 1996. – С. 297–334.
91. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 208–220.
92. Луцева, О. А. Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох (конец XIX – первая четверть XX века) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Луцева Ольга Александровна. – Таганрог, 1999. – 151 с.
93. Львов, И. Я. Новое время, новые песни / И. Я. Львов. – Великий Устюг, 1891. – 39 с.
94. Лю Минлин. Фигуры речевого этикета в динамике русской лингвокультуры (на материале художественных текстов конца XIX – первой трети XX века) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лю Минлин. – Москва, 2007. – 164 с.
95. Майоров, А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров. – Москва, 2006. – 280 с.
96. Максимчук, Н. А. Шумячское Порубежье в именах и названиях. Часть 1. Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю / Н. А. Максимчук. – Смоленск, 2012. – 280 с.
97. Малышева, И. А. Памятники деловой письменности XVIII в. как объект лингвистического источниковедения / И. А. Малышева. – Хабаровск, 1997. – 182 с.
98. Мальцева, И. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII века / И. М. Мальцева, А. П. Молотков, З. М. Петрова. – Ленинград, 1975. – 371 с.
99. Матонин, В. С. Социокультурное пространство северной деревни: структура, семантика, генезис : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Матонин Василий Николаевич. – Санкт-Петербург, 2015. – 326 с.

100. Методические указания по сбору топонимического материала. – Свердловск, 1983. – 20 с.
101. Никитин, О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) : лингвистические очерки / О. В. Никитин. – Москва, 2004. – 265 с.
102. Никитин, С. А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России : специальность 10.02.21 «Прикладная и математическая лингвистика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Никитин Сергей Александрович. – Москва : Институт языкознания РАН, 2003. – 220 с.
103. О создании Межведомственной комиссии по русскому языку: Приказ Министерства образования и науки РФ от 2 декабря 2004 г № 124. – Текст: электронный // Техэксперт : информационно-справочная система / Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 15.01.2020).
104. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ. – Текст : электронный // Консультант Плюс : справочно-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2020).
105. Орнатская, Т. И. Примечания: Рассказы Е. П. Яньковой, записанные Д. Д. Благово / Т. И. Орнатская // Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. – Ленинград, 1989. – С. 376–449.
106. Осипов, Б. И. Язык русских деловых памятников XV–XVIII вв.: Фонетический, орфографический и стилистический аспекты / Б. И. Осипов, Р. М. Гейгер, Т. П. Рогожникова. – Омск, 1993. – 96 с.
107. Отин, Е. С. «За сим паки здравствуй!» / Е. С. Отин // Русская речь. – 1981. – № 3. – С. 102–107.
108. Отто, Н. К. Материалы для истории учебных заведений Министерства народного просвещения / Н. К. Отто // Журнал Министерства народного просвещения. – 1866. – Ч. 132, отд. 5. – С. 61–63.
109. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. – Москва, 1964. – 499 с.
110. Павлов, В. М. О разрядах имен прилагательных в русском языке / В. М. Павлов // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2. – С. 65–69.
111. Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Часть 3. Книги гражданской печати (1718–1825 гг.). – Вологда, 1984. – 367 с.
112. Памятники сибирской истории XVIII века. Книга 2. 1713–1724. – Санкт-Петербург, 1885. – 541 с.
113. Переписка А. А. Шахматова с академиком И. В. Ягичем (1881–1894) // А. А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов. – Москва; Ленинград, 1947. – С. 13–104.
114. Переписные книги Великого Устюга: исследование и тексты. – Вологда, 2015. – 352 с.

115. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты. – Вологда, 2011. – 400 с.
116. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Москва, 1956. – 510 с.
117. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века: в 3 томах. – Москва, 2008. – Т. 1. – 412 с., т. 2. – 412 с.; Вологда, 2018. – Т. 3. – 392 с.
118. Покровский, М. М. Семасиологические исследования в области древних языков / М. М. Покровский // Покровский М. М. Избранные работы по языкоznанию. – Москва, 1959. – С. 63–172.
119. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 9. 1733–1736. – Санкт-Петербург, 1830. – 1032 с.
120. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Об изменениях значений и заменах существительного / А. А. Потебня. – Москва, 1968. – Т. III. – 551 с.
121. Проект словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / под ред. О. С. Мжельской. – Санкт-Петербург, 2000. – 64 с.
122. Прокопович, Н. Н. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. / Н. Н. Прокопович. – Москва, 1964. – 364 с.
123. Рахилина, Е. В. Фреймовый подход к лексической типологии / Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова // Вопросы языкоznания. – 2013. – № 2. – С. 3–31.
124. Романова, А. А. Жития тотемских святых и серия «Памятники русской агиографической литературы» / А. А. Романова // Научный диалог. – 2016. – № 7 (55). – С. 327–331.
125. Русское правописание: руководство, сост. по поручению второго отд. Имп. Академии наук академиком Я. К. Гrotом. – Санкт-Петербург, 1894. – 167 с.
126. С разных точек зрения. «Кануны» Василия Белова. – Москва, 1991. – 240 с.
127. Сбор ономастического материала // Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А. П. Непокупный. – Москва, 1986. – С. 180–192.
128. Симони, П. К. Два старинных областных словаря XVIII столетия (Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом) / П. К. Симони // Живая старина. – 1898. – № 3–4. – С. 443–448.
129. Соколова, Н. Л. О системном характере речевого этикета / Н. Л. Соколова // Филологические науки. – 2005. – № 1. – С. 43–52.
130. Солженицын, А. Василий Белов / А. Солженицын // Новый мир. – 2003. – № 12. – С. 54–169.
131. Солженицын, А. И. Русский словарь языкового расширения / А. И. Солженицын. – Москва, 1990. – 280 с.
132. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский. – Москва, 1959. – С. 16–81.

133. Стернин, И. А. Русский речевой этикет / И. А. Стернин. – Воронеж, 1996. – 74 с.
134. Судаков, Г. В. История русского слова / Г. В. Судаков. – Вологда, 2010. – 336 с.
135. Судаков, Г. В. История русского слова / Г. В. Судаков. – 2 изд., доп. – Вологда, 2015. – 360 с.
136. Судаков, Г. В. Предметно-бытовая лексика в ономасиологическом аспекте / Г. В. Судаков // Вопросы языкоznания. –1986. – № 6. – С. 105–112.
137. Судаков, Г. В. Программа курса «Риторика для юристов»: учебно-методическое пособие / Г. В. Судаков // Программы учебных дисциплин и спецкурсов 021100 – юриспруденция. – Вологда, 2001. – С. 444–447.
138. Судаков, Г. В. Речевой этикет устного общения в Древней Руси / Г. В. Судаков // И. И. Срезневский и русское историческое языкоznание: опыт и перспективы : сборник статей. – Рязань, 2017. – С. 93–101.
139. Судаков, Г. В. Речевые новации XIX века в оценках современников / Г. В. Судаков // Русский язык XIX века: Роль личности в языковом процессе. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 95–105.
140. Судаков, Г. В. Словарь П. А. Диляторского – окно в языковой мир вологодского крестьянина / Г. В. Судаков // Русское слово в тексте и словаре. – Вологда, 2003. – С. 141–149.
141. Судаков, Г. В. Типология лексических групп русского языка / Г. В. Судаков // Вестник Рязанского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 76–89.
142. Судаков, Г. В. Хрестоматия по истории вологодских говоров / Г. В. Судаков. – Вологда, 1975. – 96 с.
143. Сумароков, А. П. К типографским наборщикам / А. П. Сумароков // Трудолюбивая пчела. – 1759. – Май. – С. 266.
144. Таможенные книги Великого Устюга середины XVIII века. – Вологда, 2012. – 432 с.
145. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) / В. Н. Топоров // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – Москва, 1995. – С. 259–367.
146. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. – Санкт-Петербург, 2003. – 617 с.
147. Трофимова, О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в.: На материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Трофимова Ольга Викторовна. – Тюмень, 2002. – 519 с.
148. Тупикова, С. Е. Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на материале текстов XIX–XX вв.): специальность 10.02.19 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тупикова Светлана Евгеньевна. – Волгоград, 2003. – 206 с.

149. Тюпа, В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.
150. Указные грамоты городовым воеводам. 1613–1626 гг. – Москва, 2012. – 608 с.
151. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. – Москва, 2005. – 250 с.
152. Формановская, Н. И. О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 1986. – № 3. – С. 71–76.
153. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. – Москва, 1987. – 158 с.
154. Фортунатов, А. Ф. Вологодский провинциальный словарь / А. Ф. Фортунатов // Труды общества любителей российской словесности. – 1820. – Вып. 20. – С. 38–42.
155. Чайкина, Ю. И. Из истории топонимии Вологодского края / Ю. И. Чайкина, Л. Н. Монзикова, Е. Н. Варникова. – Вологда, 2004. – 112 с.
156. Чайкина, Ю. И. Словарь географических названий Вологодской области / Ю. И. Чайкина. – Вологда, 1993. – 270 с.
157. Чащина, Е. А. Речевой этикет деловых текстов Московского государства : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чащина Елена Анатольевна. – Москва, 1991. – 24 с.
158. Шахматов, А. А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка / А. А. Шахматов // Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные в заседании отдела Коменского 21-го января 1898 года проф. А. И. Соболевским, акад. А. А. Шахматовым, проф. И. Н. Ждановым и директором Гатчинской учительской семинарии В. А. Воскресенским. – Санкт-Петербург, 1898. – 39 с.
159. Шушарина, И. А. Деловая письменность Южного Зауралья XVIII в. в аспекте лингвистического источниковедения (варианты и норма в субстантивном склонении) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шушарина Ирина Анатольевна. – Челябинск, 1999. – 258 с.
160. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Избранные работы по языкоznанию и фонетике. – Ленинград, 1958. – С. 54–91.
161. Щербак, А. С. Названия населенных пунктов Центрального Черноземья: словарь / А. С. Щербак, А. А. Бурыкин. – Тамбов, 2013. – 355 с.
162. Эпистолярное наследие устюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века: тексты и исследования. – Вологда, 2018. – 412 с.
163. Язык земли Вологодской: сборник / главный редактор Г. В. Судаков. – Вологда, 2015. – 100 с.

**СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ Г.В. СУДАКОВА
(2014–2019 гг.)**

Книги

1. Судаков, Г. В. История русского слова : монография / Г. В. Судаков. – Вологда: ВоГУ, 2015. – 360 с.
2. Судаков, Г. В. Русская историческая лексикология донационального периода (XI–XVII вв.) / Г. В. Судаков // Лексикология и лексикография славянских языков : междунар. коллективный труд / отв. ред. М. И. Чернышева. – Москва: ЛЕКСРУС, 2017. – С. 615–665.

Статьи в изданиях, входящих в международные базы и в списки ВАК

3. Судаков, Г. В. А. А. Шахматов об историческом словаре русского языка и современная лексикографическая практика / Г. В. Судаков // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. Том 1. – С. 171–174.
4. Судаков, Г. В. Знатоки вологодской «говори» / Г. В. Судаков // Вестник ЧГУ. – 2016. – № 4. – С. 104–107.
5. Судаков, Г. В. История лексических групп в славянских языках: перспективы сравнительно-сопоставительных исследований / Г. В. Судаков // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 1. – С. 67–71.
6. Судаков, Г. В. Круглый стол в Вологодском государственном университете «Современное высшее гуманитарное образование в регионе: проблемы и перспективы» (Проблема расширения образовательного пространства при изучении русского языка) / Г. В. Судаков // Педагогика. – 2019. – № 10. – С. 63–66. (Web of Science (RSCI))
7. Судаков, Г. В. «Милый мой – моя утеша!» / Г. В. Судаков // Русская речь. – 2017. – № 6. – С. 98–106.
8. Судаков, Г. В. Названия любимого человека в вологодских частушках / Г. В. Судаков // Вестник ЧГУ. – 2016. – № 6. – С. 111–120.
9. Судаков, Г. В. Особенности языка художественной прозы В. И. Белова / Г. В. Судаков // Русский язык в школе. – 2018. – № 7. – С. 54–60.
10. Судаков, Г. В. От «Парижского словаря московитов» до «Словаря обиходного языка Московской Руси XV–XVII вв.» / Г. В. Судаков // Вестник ЧГУ. – 2015. – № 6. – С. 94–99.
11. Судаков, Г. В. Проблемы употребления названий населенных пунктов (на примере ойконимии Вологодской области) / Г. В. Судаков // Вопросы ономастики. – 2019. – № 3. – С. 192–203. (Skopus)

12. Судаков, Г. В. Проза В. И. Белова как образец вологодского текста / Г. В. Судаков // Литература в школе. – 2017. – № 7. – С. 2–7.
13. Судаков, Г. В. Типология лексических групп русского языка / Г. В. Судаков // Вестник Рязанского ГУ им. С. А. Есенина. – 2017. – № 2. – С. 76–88.
14. Судаков, Г. В. Эволюция устного речевого этикета в Московской Руси в XIV–XVII вв. / Г. В. Судаков // Вестник Томского госуниверситета. – 2018. – № 429. – С. 51–57. (Web of Science Core Collection ESCI)
15. Судаков, Г. В. Это был настоящий учитель / Г. В. Судаков // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – 2019. – № 5. – С. 282–288.

Статьи в материалах международных конференций

16. Судаков, Г. В. Пословицы и поговорки в творчестве В. И. Белова (на материале повести «Вологодские бухтины») / Г. В. Судаков, Д. В. Панцырева // Культурология. Филология. Искусствоведение: Актуальные проблемы современной науки : сб. статей по материалам XI Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2018. – С. 72–76.

17. Судаков, Г. В. Тенденции развития русской лексики в эпоху Средневековья / Г. В. Судаков // XVI Международный съезд славистов: Доклады и выступления на заседании Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов. – Москва, 2018. – С. 31–39.

18. Судаков, Г. В. Филологическая составляющая в подготовке юристов / Г. В. Судаков // Правовое просвещение: традиции и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (27–28 октября 2016 г.) / Минобрнауки РФ, МГЮУ им. О. Е. Кутафина. – Вологда, 2017. – С. 36–40.

19. Судаков, Г. В. Шахматов об историческом словаре русского языка и современная лексикографическая практика / Г. В. Судаков // Материалы Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения акад. А. А. Шахматова / РАН, Ин-т лингвистических исследований. – Санкт-Петербург. – 2014. – С. 231–233.

Статьи

20. Судаков, Г. В. В. И. Белов и проблема вологодского текста / Г. В. Судаков // Вологодский текст в русской культуре. Сб. статей по материалам конференции. – Вологда, 2015. – С. 118–129.

21. Судаков, Г. В. Вступительное слово и публикация: Валерий Брюсов. Рассказы Маши, с реки Мологи, под городом Устюжна / Г. В. Судаков // Устюжна. Краеведческий альманах. – Вып. 8. – Вологда, 2014. – С. 261–262.

22. Судаков, Г. В. Герои Российской Федерации. Предисловие / Г. В. Судаков // Герои Вологодчины. – Вологда, 2015. – С. 212–213.

23. Судаков, Г. В. «Добрый плюшевый медвежонок» (о далеком друге) / Г. В. Судаков // Страна Бондалетия: Сборник памяти В. Д. Бондалетова / отв. ред. О. В. Никитин. – Пенза, 2019. – С. 131–133.
24. Судаков, Г. В. Духовно-нравственные основы здорового образа жизни как национальная традиция / Г. В. Судаков // Здоровье: солидарная ответственность. Человек. Работодатель. Общество. – Вологда, 2014. – С. 90–95.
25. Судаков, Г. В. Исследование функционально-семантического поля «Русский мир» как перспектива изучения языка В. И. Белова / Г. В. Судаков // Беловский сборник: материалы Научного собрания. – Вологда, 2019. – С. 19–29.
26. Судаков, Г. В. Мы сохраним тебя, русская речь! / Г. В. Судаков // Источник. – 2017. – № 1. – С. 18.
27. Судаков, Г. В. О названиях вологодских деревень / Г. В. Судаков // Родная речь: сб. научных статей. – Вологда, 2017. – Вып. 1. – С. 64–69.
28. Судаков, Г. В. Образ народа – защитника Отечества в частушке / Г. В. Судаков // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. – Вологда, 2016. – С. 17–24.
29. Судаков, Г. В. Ойконимы Вологодчины: структура и функционирование / Г. В. Судаков // Слово и образ в культуре Русского Севера. – Вологда, 2014. – С. 41–48.
30. Судаков, Г. В. Ойконимы Вологодчины: формирование системы и практика употребления / Г. В. Судаков // Язык земли Вологодской. – Вологда, 2015. – С. 4–20.
31. Судаков, Г. В. Петр I как законодатель нового речевого этикета / Г. В. Судаков // Вестник ВоГУ. – 2019. – № 3. – С. 93–97.
32. Судаков, Г. В. Полные кавалеры ордена Славы. Предисловие / Г. В. Судаков // Герои Вологодчины. – Вологда, 2015. – С. 188–189.
33. Судаков, Г. В. «Полный всеобщий стряпчий» как источник по истории делового стиля / Г. В. Судаков // Вестник ВоГУ. – 2019. – № 2. – С. 82–87.
34. Судаков, Г. В. Почему Ф. И. Буслаев не лексиколог? / Г. В. Судаков // Вестник Вологодского государственного университета. – 2018. – № 5. – С. 87–90.
35. Судаков, Г. В. Проблема «вологодского текста» и роль В. И. Белова в его формировании / Г. В. Судаков // Беловский сборник. – Вологда, 2016. – Вып. 1. – С. 88–99.
36. Судаков, Г. В. Проект «Выдающиеся земляки. Память в веках» / Г. В. Судаков // Вестник ВоГУ. – 2019. – № 1. – С. 105–109.
37. Судаков, Г. В. Размышления о культуре в начале века / Г. В. Судаков // Родники культуры: материалы науч.-практ. конф. – Вологда, 2014. – С. 7–12.

38. Судаков, Г. В. Рекомендации для органов власти по реализации Федерального закона «О наименованиях географических объектов» / Г. В. Судаков // Язык земли Вологодской. – Вологда, 2015. – С. 39–40, 73–81.
39. Судаков, Г. В. Речевой этикет устного общения в Древней Руси / Г. В. Судаков // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. Сб. статей. – Рязань, 2017. – С. 93–101.
40. Судаков, Г. В. «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»: концепция и практика / Г. В. Судаков // Современные проблемы лексикографии: материалы конференции / Ин-т лингв. исслед. РАН. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 169–171.
41. Судаков, Г. В. Современная русская речь: нива добра или поле брани? / Г. В. Судаков // Беловский сборник. – Вологда, 2018. – Вып. 4. – С. 140–147.
42. Судаков, Г. В. Справочная служба русского языка: О слове *поселение*; О вотчине; Названия жителей Вологодской области; Буква, которая жизненно необходима / Г. В. Судаков // Язык земли Вологодской. – Вологда, 2015. – С. 81–86.
43. Судаков, Г. В. Сравнение как художественный прием в прозе В. И. Белова / Г. В. Судаков // Беловский сборник. – Вологда, 2017. – Вып. 3. – С. 156–164.
44. Судаков, Г. В. Традиционная духовность как базовая основа здорового образа жизни / Г. В. Судаков // Медицинская профилактика Вологодчины: из глубины веков. – Вологда, 2015. – С. 152–158.
45. Судаков, Г. В. Ф. И. Буслаев как лексиколог / Г. В. Судаков // Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. – Санкт-Петербург, 2018. – Вып. 1. – С. 236–242.
46. Судаков, Г. В. Цветообозначения в художественных текстах В. И. Белова / Г. В. Судаков // Беловский сборник. – Вологда, 2016. – Вып. 2. – С. 182–186.
47. Судаков, Г. В. Что впереди у русской литературы?! (вместо предисловия) / Г. В. Судаков // Проза: сборник лучших произведений Всероссийского конкурса современной прозы им. В. И. Белова «Всё впереди!». – Вологда, 2017. – С. 3–4.
48. Судаков, Г. В. Шахматов как историк-лексикограф и современная лексикографическая практика / Г. В. Судаков // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 878–889.

Научное издание

Судаков Гурий Васильевич

РУССКОЕ СЛОВО В ДИНАМИЧЕСКОМ
И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Монография

Подписано в печать 16.10.2019. Формат 60 × 84/16
Уч.-изд. л. 11,1. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. (1-й з-д – 30). Заказ № 20

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15

